

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1968

Редактор
акад. М. П. АЛЕКСЕЕВ

И ГГ 7-2-2

154-68 (I пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый выпуск «Временника Пушкинской комиссии» продолжает издание постоянного органа Комиссии, первый выпуск которого вышел в свет в 1963 г. В настоящем выпуске, как и в предыдущих, сохраняются все отделы, содержащиеся в прежних выпусках.

В первом разделе содержится описание автографов Пушкина, поступивших в последнее время в Пушкинский дом АН СССР (среди них, в частности, известное письмо Пушкина А. Н. Мордвинову, управлявшему III отделением). Здесь же помещаются публикации и статьи, освещающие различные вопросы, связанные с жизнью и творчеством и литературной средой Пушкина, среди которых статья В. Э. Вацура «К изучению „Литературной газеты“ Дельвига—Сомова», содержащая предположительную атрибуцию Пушкину одного из критических выступлений «Литературной газеты».

В статье А. А. Штейнберг «Пушкин и Е. Д. Панова» представлены новые документальные материалы для характеристики окружения Чаадаева после публикации «Философического письма» и сделана попытка очертить круг возможных сведений Пушкина о положении Чаадаева и его друзей. В заметке Р. В. Иезуитовой уточняется датировка письма Пушкина к П. А. Осиповой.

Заслуживает внимания небольшая заметка Е. Д. Петряева о сотруднике Пушкинского «Современника» А. И. Емичеве, о котором до сих пор почти ничего не было известно. Серия обзоров зарубежной пушкинианы начнет печататься со следующего выпуска «Временника». Во втором разделе книги публику-

ется обзор искусствоведческой литературы о графике на пушкинские темы, сделанный О. А. Пини и охватывающий последние годы. Продолжается публикация аннотированного указателя книг о Пушкине, появившихся в 1966 г., выполненного В. В. Зайцевой.

В настоящем выпуске «Временника» печатаются также «Мелкие заметки» — небольшие по объему статьи обзорно-библиографического или документального содержания, уточняющие различные факты, так или иначе связанные с историей пушкиноведения; в них приводятся новые данные, которые полезно ввести в научный оборот, в ожидании возможных впоследствии дополнений и уточнений к ним. Раздел «Мелких заметок» предполагается продолжить и в последующих выпусках «Временника». Завершается книга хроникой событий в пушкиноведении.

Все цитаты из Пушкина в текстах статей и материалов даются по Полному собранию сочинений и писем Пушкина (тт. I—XVI, Изд. АН СССР, 1937—1949) — если цитируемое издание не оговорено особо — в такой форме: Акад., том, страница (или номер письма); при многократных ссылках — без повторения условного обозначения «Акад».

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Р. Е. ТЕРЕБЕНИНА

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В ПУШКИНСКИЙ РУКОПИСНЫЙ ФОНД

В 1966 г. Пушкинский фонд Института русской литературы пополнился пятью автографами великого поэта.¹ Это автографы не новые: они известны уже более или менее давно и частью вошли в научный оборот. В Пушкинский дом они поступили из ряда государственных хранилищ. Хотя создание единого Пушкинского фонда было в основном завершено в 1948 г., из архивов, музеев и библиотек страны в Пушкинский дом продолжают поступать рукописи поэта, ранее не переданные по каким-либо причинам, или выявленные, или поступившие в государственные хранилища в последнее время.

Рассмотрим автографы в порядке их поступления в Пушкинский фонд (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, №№ 1735—1739).

1

В марте 1966 г. из Центрального государственного архива древних актов в Москве в Рукописный отдел Института русской литературы была передана на постоянное хранение рукопись «Секретных записок» Екатерины II (два тома, в лист, на французском языке) — копия, хранившаяся в личном архиве Пушкина, с его пометами (№ 1735).

О существовании этой рукописи было известно давно — Пушкин писал о ней в дневнике, и она упоминается в протоколах «Журнала» разбора бумаг поэта после его смерти.² Изъятая по приказу Николая I из архива Пушкина рукопись надолго исчезла из глаз исследователей. Уже после революции ее безуспешно искали. Обнаружена она была лишь в 1949 г. старшим научным

¹ Краткая информация об этих поступлениях дана в «Ленинградской правде» (1967, № 41, 17 февраля, стр. 4).

² Акад., XII, 336; Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине. СПб. (изд. С. Сухонина), 1906, стр. 192.

сотрудником ЦГАДА В. Н. Шумиловым среди неразобранной части рукописного собрания библиотеки Зимнего дворца. Тогда же о находке появились сообщения в печати.³ Что это именно та рукопись, которая была у Пушкина, доказывается не только его автографическими пометами на ней, но и жандармскими пометами, проставленными красными чернилами на обоих томах («№ 19» и «К № 19»), совпадающими с номером, под которым рукопись упоминается в протоколе разбора бумаг поэта. Вопреки установившемуся мнению копия записок выполнена не собственноручно Пушкиным — ему принадлежит только несколько помет на ней. Написана она на бумаге с водяным знаком «1830» — таким образом, версия о более раннем, одесском происхождении в отношении данной рукописи отпадает. Специальное исследование о пушкинской копии «Секретных записок» Екатерины II подготавливается нами к печати.

2

В 1892 г. С. Н. Батюшкова (1821—1901), дочь приятеля Пушкина Н. И. Кривцова и вдова П. Н. Батюшкова — брата поэта, подарила в Публичную библиотеку (ныне ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрин) большой альбом автографов, принадлежавший ее покойному мужу.⁴ В этом альбоме было несколько автографов А. С. Пушкина. Пять из них еще в 1938 г. были переданы в Государственный музей Пушкина в Москве (ныне они находятся в Пушкинском доме — №№ 874, 884, 925, 1270, 1418), шестой — подпись под автопортретом К. Н. Батюшкова, принадлежность которой Пушкину была установлена не сразу, — был, очевидно, забыт; только в июле 1966 г. он поступил в Пушкинский фонд (№ 1736).

Автопортрет Батюшкова (погрудный, $\frac{3}{4}$ влево, исполнен карандашом) находится в верхней части листа большого почтового формата (192 × 235 мм) белой плотной бумаги без водяного знака; правый край листа неровно оборван, другие три — с золотым обрезом. Вверху и слева от портрета надписи чернилами рукой самого Батюшкова: «Константин Николаевич Батюшков || Приятный стихотворец и добрый человек» и «Посмотрите в двадцать лет || Бледность щеки покрывает» (первые строки стихотворения Батюшкова «Провидение» (1810 г.)).⁵ Под портретом другими чер-

³ «Вечерняя Москва», 1949, № 138, 11 июня, стр. 1; «Вокруг Света», 1949, № 8, стр. 16.

⁴ См. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895, стр. 209—215.

⁵ В сб. «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты», «Academia», М.—Л., 1935, стр. 698 — «с пометами руки Батюшкова (?)»; в Отчете имп. Публичной библиотеки за 1892 год, СПб., 1895, стр. 215 — «с собственноручною подписью...». По почерку принадлежность этих надписей Батюшкову бесспорна.

нилами и почерком написано: «им самим рисованный». На гелиографюре с листа, приложенной ко 2-му тому Сочинений Батюшкова 1885 г., эта подпись отсутствует.⁶ Впервые вместе с листом, но без указания ее принадлежности, подпись была воспроизведена в издании: К. Н. Б а т ю ш к о в, Сочинения. «Academia», М.—Л., 1934, между стр. 24—25. Принадлежность по почерку этой подписи Пушкину была установлена Л. Б. Модзалевским, и в 1935 г. она как автограф поэта со ссылкой на Л. Б. Модзалевского была впервые напечатана в сборнике «Рукою Пушкина» (стр. 698—699) с комментарием Т. Г. Зенгер-Цявловской.

На листе, кроме портрета и приведенных надписей Батюшкова и Пушкина, никаких других текстов нет; оборот листа чистый. Между тем в ряде работ говорится, что под этим портретом В. А. Жуковский внизу приписал последние стихи Батюшкова: «Ты знаешь, что изрек || Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек? . . .»⁷ Источник заблуждения — упомянутая выше гелиографюра в издании Сочинений Батюшкова 1885 г. Кроме рассматриваемого портрета Батюшкова на ней, справа, дан другой его автопортрет — профильный, сделанный им для Е. Г. Пушкиной; под портретами воспроизведено факсимильно стихотворение Батюшкова в записи Жуковского. В аннотации к гелиографюре сказано, что первый портрет «набросан. . . для В. А. Жуковского, который подписал под ним стихи К. Н. Батюшкова».⁸ По-видимому, автор аннотации (как и некоторые последующие комментаторы, опирающиеся на него) оригинала портрета не видел, а в технику монтажа гравюры посвящен не был.⁹ Лист с автопортретом Батюшкова и подписью Пушкина был подклеен к л. 27 альбома Батюшковых, но не целиком, а только своей левой стороной, так что его можно было свободно переворачивать. Под ним на альбомный лист

⁶ Сочинения К. Н. Батюшкова, изданы П. Н. Батюшковым, со статьей о жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В. И. Саятовым, т. II. СПб., 1885.

⁷ См.: Рукою Пушкина. . ., стр. 698; К. Н. Б а т ю ш к о в, Полное собрание стихотворений. Вступ. статья, подгот. текста и прим. Н. В. Фридмана. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2. «Советский писатель», М.—Л., 1964, стр. 322; раньше — «Исторический вестник», 1891, № 6, стр. 775, заметка К. Н. Макарова (дополненная и отчасти исправленная М. И. Горедецким) о портретах К. Н. Батюшкова.

⁸ То же повторено в примечаниях к стихотворению «Ты знаешь, что изрек. . .» в т. I, кн. 2, указ. изд (СПб., 1887, стр. 441): «Это же стихотворение написано рукою В. А. Жуковского под портретом К. Н. Батюшкова, принадлежащим П. Н. Батюшкову, и копия с которого приложена к т. II наст. издания».

⁹ История монтажа прослеживается по письмам П. Н. Батюшкова к Л. Н. Майкову. В одном из писем 1884 г. он писал: «Дайте знать г. Скамони, чтобы он не приступал к печати <sic!>, на одном листе, портретов брата и автографа Жуковского, не показав мне предварительно *первого* оттиска. Б<ыть> может, по осмотре этого оттиска я буду просить переменить расположение рисунков или прибавлю еще кое-что» (ИРЛИ, ф. 166, ед. хр. 188).

был подклеен небольшой листок желтой альбомной бумаги со стихотворением Батюшкова в записи Жуковского, воспроизведенном на гелиографюре.¹⁰ Эти листки всегда существовали отдельно, объединила их только гелиографюра.

Соединение автопортрета с последним стихотворением Батюшкова (в записи Жуковского) отразилось на его датировке. Так как <«Изречение Мельхиседека»>, по некоторым свидетельствам, написано Батюшковым в 1823 г., то многие исследователи к этому же времени относили и создание портрета.¹¹ Между тем в альбоме к автопортрету К. Н. Батюшкова рукой П. Н. Батюшкова сделана аннотация: «Собственноручный портрет, посланный Жуковскому в 1821 г.». Несколько автографов Пушкина и Батюшкова из собрания Жуковского были подарены П. Н. и С. Н. Батюшковым для их альбома П. В. Жуковским, сыном поэта.¹² Им, очевидно, были сообщены и приведенные сведения об автографе. Нет оснований не верить этому свидетельству — оно восходит к самому В. А. Жуковскому. Но если автопортрет был послан Батюшковым Жуковскому в 1821 г. (поэт в это время находился за границей, где был и Жуковский; в ноябре они встретились в Дрездене), то, следовательно, этот год является последней возможной датой создания автопортрета; первой возможной датой его является 1810 г., когда написано стихотворение «Провидение», начальные строки которого приведены Батюшковым во второй надписи к портрету. Скорее всего автопортрет был создан в середине 10-х годов. Облик поэта на нем (кудрявые волосы, молоджавое лицо), его костюм имеют большое сходство с портретом Батюшкова работы О. Кипренского 1812 г. и с уже упоминавшимся автопортретом в профиль, создание которого относят к тому же периоду.

Определение времени создания автопортрета Батюшкова имеет существенное значение для датировки подписи Пушкина. Нам неизвестно, когда и при каких обстоятельствах сделал ее поэт. Но если автопортрет создан в середине 10-х годов, то возможная датировка подписи расширяется по сравнению с выдвинутой в сборнике «Рукою Пушкина» — «конечно, не раньше 1827 г.». Дата подписи Пушкина определяется временем общения поэта с Батюшковым до 1821 г., когда портрет находился у последнего, — или с Жуковским после 1821 г., когда портрет перешел к нему. До ссылки на юг Пушкин встречался с Батюшковым в ли-

¹⁰ Листок и сейчас находится в альбоме, см.: ГПБ, ф. 52 (П. Н. Батюшкова), ед. хр. 244, л. 27 (212).

¹¹ См.: «Исторический вестник», 1891, № 6, стр. 775; К. Н. Батюшков, Сочинения. Ред., статья и комм. Д. Д. Благого. «Academia». М.—Л., 1934, между стр. 24—25; «Новое и забытое», I. ГЛМ, «Наука», М., 1966, стр. 10 (в статье Н. И. Петровой «Рисунки и живопись русских писателей»).

¹² См.: ГПБ, ф. 52 (П. Н. Батюшкова), ед. хр. 244, л. 18 (141) и 52 об. (393) — письма П. В. Жуковского к П. Н. Батюшкову.

дее в 1815 г., а затем тесно общался с ним во время трех его приездов в Петербург в августе 1817—ноябре 1818 г., до его отъезда в Италию. С Жуковским после возвращения из ссылки Пушкин впервые встретился в июне 1827 г., приехав в Петербург, и до конца дней сохранял с ним самые дружеские отношения, был постоянным посетителем его суббот. В этих пределах наиболее вероятное время, когда Пушкин мог сделать подпись к автопортрету Батюшкова, 1817—1818 г. (к этому дает основание почерк подписи) или 1827—1830 г. — период нового обостренного внимания Пушкина к поэзии Батюшкова и к самому поэту.¹³ Более точной датировке автограф не поддается.

3

Небольшой листок (114 × 173 мм) белой, плотной без водяных знаков бумаги; правый и нижний края его с фабричным обрезом; по левому краю — аккуратная линия обрыва; сверху листок был первоначально неровно оборван, а потом подрезан.¹⁴ Очевидно, этот клочок был некогда частью большого листа, составляя, по-видимому, его нижнюю правую четверть. Об этом говорят и сохранившиеся на нем сверху две строчки прозаического текста (окончание какой-то фразы) с концовкой. Под ними, занимая всю лицевую часть листка (оборот его чистый), около пятнадцати писанных темными чернилами строк черногого наброска стихотворения о дожде и догаресе, названного по первой строке «В голубом небесном поле...».

Так выглядит автограф Пушкина (№ 1737), полученный в декабре 1966 г. из Государственного исторического музея в Москве, где он был обнаружен в 1951 г. студенткой Историко-архивного института О. Э. Богдановой в альбоме автографов из собрания

¹³ В 1826—1828 г. Пушкин перечитывает «Опыты в стихах и прозе» Батюшкова и делает на них свои замечания (Л. Н. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 284—317); в разговоре с Н. Д. Иванчиным-Писаревым (1828) он с уважением отзывается о стихах Батюшкова («Москвитянин», 1842, т. 3, стр. 147); 3 апреля 1830 г. посещает больного поэта и, вероятно, под впечатлением этого посещения пишет стихотворение «Не дай мне бог сойти с ума» (М. П. Алексеев. Несколько новых данных о Пушкине и Батюшкове. Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1949, т. VIII, вып. 4, стр. 369—372); К. С. Сербинович в дневнике писал: 1827. 6 июня «у Карамзиных... поэт Пушкин... расспрашивал о Батюшкове (которого нет надежды вылечить)...»; 1830, 14 января «...был у В. А. Жуковского... Туда же пришел Пушкин и Киреевский... Василий Андреевич показывал нам в своем альбоме надпись Гёте, Жана-Поля, Тика и других, стихи Батюшкова...» («Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 255, 258).

¹⁴ Б. М. Маркевич, видевший автограф у Л. С. Пушкина вскоре после его нахождения, вспоминал, что он был длинным («подлиннее») и «с оборванным углом» («Русский вестник», 1888, № 9, стр. 428). Кто из лиц, в руках которых был автограф, — Л. С. Пушкин, С. А. Соболевский или М. П. Полуденский — обрезал его, — неизвестно.

издателя «Библиографических записок» М. П. Полуценского.¹⁵ Судьба автографа необычна. Впервые он был найден Л. С. Пушкиным в 1850 г. в каком-то «старом словаре» (на листке отчетливо видна поперечная линия сгиба, согнутый пополам он был использован Пушкиным в качестве закладки). В 1856 г. М. Н. Лонгинов в «Современнике» опубликовал из него (весьма неточно) четыре начальные строчки, которые П. В. Анненков включил в VII (дополнительный) том своего издания Сочинений Пушкина (1857, стр. 98); в 1858 г. начало наброска в иной редакции было напечатано С. А. Соболевским в «Библиографических записках» в примечаниях к публикации писем Пушкина к брату, к переплетенному тому которых был тогда подклеен листок.¹⁶ После этого автограф надолго исчез, его считали утраченным; в собраниях сочинений Пушкина набросок печатался по неполным и несовершенным копиям. История автографа с 1850 г. подробно изложена Т. Г. Цявловской в статье «Вновь найденный автограф Пушкина „В голубом небесном поле“» («Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 279—286). Там же ею впервые дана полная транскрипция наброска и последовательно воссоздана история его возникновения под пером Пушкина. По публикации Т. Г. Цявловской текст наброска (новый основной и многочисленные черновые варианты к нему) напечатан в Справочном томе большого академического издания сочинений Пушкина (1959, стр. 29—32).

Черновой автограф представляет собой начало стихотворения, очевидно, его первое восьмистишие. Работу над наброском Пушкин до конца не довел, в связи с этим возникают трудности в определении его основного текста. Б. В. Томашевский в III томе академического десятитомника Пушкина (второе издание) дал по тому же автографу пную, чем у Т. Г. Цявловской (в статье и, позднее, в Справочном томе), редакцию основного текста стихотворения.¹⁷ Разночтения начинаются с первой строки: у Т. Г. Цявловской — «В голубом небесном поле», у Б. В. Томашевского — «Ночь тиха, в небесном поле». Оба варианта начала стиха в автографе зачеркнуты; по времени последним написан «Ночь тиха», очевидно, поэтому он приведен Б. В. Томашевским. Пушкин отказался от этого варианта, когда словом «ночь» начал второе четве-

¹⁵ ГИМ. Отдел письменных источников, ф. 495 (А. Д. Черткова), ед. хр. 105, л. 40. — Листок был подклеен к альбому узкой полоской бумаги, на обороте ее чьей-то рукой чернилами написано «А. С. Пушкин».

¹⁶ «Современник», 1856, № 7, отд. V, Смесь. Библиографические записки, стр. 11, XVIII. Два неизданных отрывка Пушкина (1827); «Библиографические записки», 1858, № 1, стлб. 1.

¹⁷ А. С. Пушкин, ПСС в 10 томах, т. III, изд. 2. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 394 (та же редакция в издании: Стихотворения Пушкина, т. 3, под ред. Б. В. Томашевского). Библиотека поэта. Большая серия. «Советский писатель», Л., 1955, стр. 625); воспроизведено без изменений в третьем издании 1963 г. В редакции Т. Г. Цявловской набросок напечатан в Собрании сочинений Пушкина в 10 томах, т. 2, ГИХЛ, М., 1959, стр. 617.

восьмистишие четырехстопного хорея (этот размер употребителен в элегических стихотворениях). У Пушкина оно обычно состоит из двух четверостиший с перекрестной рифмовкой (см. «Предчувствие», «Утопленник», «Бесы» и др.). Поэтому и во втором четверостишии наброска рифмующиеся строки не должны стоять рядом. Из автографа неясно место строки с глагольной рифмой — «Море темное молчит»: второй или четвертой она является? Ответ на вопрос подсказывается вероятным сюжетом стихотворения. М. Н. Лонгинов, публикуя строки наброска, писал о них: «Кажется, это начало стихотворения под заглавием „Марино Фальеро“». ¹⁹ Н. О. Лернер первым указал на новеллу Т. Гофмана «Дождь и догаресса» (из цикла «Серрапионовых братьев») как на возможный для Пушкина источник замысла. ²⁰ Действительно, хотя фигура дождя-заговорщика интересовала многих, по началу стихотворения видно, что Пушкин не собирался разрабатывать сюжет в историческом плане; уже начальные, введенные поэтом в стихотворение детали показывают, что разработка его должна быть близка к новелле Гофмана. ²¹ Если это так, то, согласно новелле, море в стихотворении должно играть активную роль — спокойное вначале, оно в конце, разбушевавшись, должно погубить догарессу и ее возлюбленного, мстя за казнь своего повелителя-дождя. Поэтому строка о молчании моря должна быть поставлена последней в четверостишии, замыкая строфу. В черновых вариантах автографа Т. Г. Цявловская дала правильное чтение этого четверостишия (см. Справочный том, стр. 32).

Подводя итоги сказанному, предлагаем наше чтение основного текста наброска:

В голубом небесном поле
 Светит Веспер золотой.
 Старый дождь плывет в гондоле
 С догарессой молодой.
 Ночь полна дыханьем лавра

 Дремлют флаги Бучентавра,
 Море темное молчит.

Если судьба автографа после смерти Пушкина относительно ясна, то причины и время его возникновения под пером поэта до сих пор остаются загадкой. После статьи Ю. Оксмана, определившего время публикации в России рассказа Гофмана, послужившего источником стихотворения Пушкина, ²² набросок датировался 1824—1836 гг. Определить более точно время его создания без автографа не представлялось возможным. Но и после находки авто-

¹⁹ «Современник», 1856, № 7, отд. V, стр. 11.

²⁰ «Русский библиофил», 1913, № 2, стр. 30.

²¹ То же, 1915, № 3, стр. 90—94.

²² То же. — Рассказ Гофмана был напечатан в «Литературных прибавлениях к „Сыну Отечества“» за 1823 г. (кн. XII, стр. 49—138, цензурное разрешение от 25 октября 1823 г.).

графа вопрос о его датировке остается открытым. Т. Г. Цявловская по почерку и чернилам, имеющим некоторое сходство с черновиками «Медного всадника», датировала автограф предположительно 1833 г. (в статье — осенью 1833 г.).²³ Б. В. Томашевский в десятитомнике поместил набросок в разделе отрывков 1827—1836 гг.²⁴

Почерк и чернила автографа, некоторые особенности его текста (штриховка, концовка) недостаточно характерны и не дают твердых оснований для его датировки.²⁵ Бумага автографа тоже не может помочь в этом из-за ее малых размеров и отсутствия водяного знака. Только определение принадлежности находящихся на листке двух строк прозаического текста или нахождение листа с текстом, от которого был оторван автограф, позволят точно его датировать. Но, к сожалению, остатки прозаического текста почти не поддаются прочтению; нам удалось разобрать только два слова в первой строке — «статье замечательной» — первое бесспорно, второе предположительно. Откуда они — определить трудно. Поиски листа бумаги, от которого был оторван автограф, тоже пока не дали результатов; возможно, что он не сохранился.

4

О знакомстве Пушкина с русским египтологом И. А. Гуляновым известно давно,²⁶ но в литературе тема «Пушкин и Гулянов» освещена односторонне и не разработана. Некоторые давно опубликованные факты до сих пор не получили должной оценки. Гулянов упоминается только в связи со стихотворением Пушкина «Ответ анониму», обычно в комментариях к нему («известный

²³ Напомним, что М. Н. Лонгинов при публикации датировал набросок 1827 г. (см. прим. 16).

²⁴ Датировка дана, по-видимому, на основании и палеогеографических, и творческих данных. По своей образной системе (Веспер, эфирное поле, золотой, мирт и др.) стихотворение тяготеет к произведениям 20-х годов.

²⁵ Штриховка в форме удлинённого эллипса и концовка из нескольких последовательно уменьшающихся линий часто встречаются в рукописях Пушкина 30-х годов, самая похожая концовка находится на рукописи, датированной 1836 г. (№ 346). Автограф оторван от листа, на котором текст был, по-видимому, только на одной половине — к такому типу записей Пушкин перешел примерно с 1833 г.

²⁶ Своего приятеля, поколебавшего основания египетских пирамид, П. Я. Чаадаев упоминает в письме к Пушкину от марта—апреля 1829 г. (Акад., XIV, 44, фр.). В июне 1830 г., узнав о предстоящей женитьбе Пушкина, Гулянов послал ему анонимно приветствие в стихах (опубликовано впервые в «Москвитянине», 1842, т. 3, стр. 150—152), на которое растроганный поэт откликнулся «Ответом анониму». По-видимому, вскоре после этого Пушкин и познакомился с Гуляновым. В письме к М. П. Погодину от 15 сентября 1831 г. тот уже посылал поклон Пушкину («Литературное наследство», т. 16—18, 1934, стр. 714). П. И. Бартевев в 1851 г. со слов П. В. Нащокина записал восторженный отзыв Гулянова о Пушкине после разговора с ним («Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевевым в 1851—1860 годах», М., 1925, стр. 39).

русский египтолог»). Новый автограф Пушкина, найденный в 1956 г. в Государственном историческом музее в Москве среди долгое время считавшихся утраченными бумаг И. А. Гулянова и в декабре 1966 г. поступивший в Пушкинский дом (№ 1738), позволяет расширить и углубить эту тему.²⁷

На листе белой плотной бумаги (210 × 213 мм), с золотым обрезом по верхнему и правому краю, карандашом, несколькими штрихами, почти контурно, набросан рисунок египетской пирамиды; сверху надпись «Les pir<amides>» (pyramides); под рисунком небрежно — «Дрезд<ен> 1833» (переделано из «1832»). Рисунок и надписи сделаны одним плохо отточенным карандашом, одновременно. Под ними, внизу листа, рукой И. А. Гулянова чернилами написано: «Tracé par le Poète *Alexandre Pouchkine* dans un entretien que j'ai eu avec lui ce matin sur mes travaux en général et sur les caractères hiéroglyphiques en particulier. Moscou, le 13/25 Decembre 1831» (Начертано поэтом Александром Пушкиным во время разговора, который я имел с ним сегодня утром о моих трудах вообще и об иероглифических знаках в частности. Москва, 13/25 декабря 1831 г.). Часть листа с текстом (продолжением записи?) снизу оторвана.

Новый автограф устанавливает прежде неизвестный факт биографии Пушкина. 13 декабря 1831 г., во время своего двухнедельного пребывания по денежным делам в Москве, поэт утром встретился с И. А. Гуляновым и имел с ним продолжительный разговор, во время которого и сделал рисунок египетской пирамиды. Место встречи Гулянов не указал, но, по-видимому, разговор происходил «у Пречистенских ворот в доме Ильинской», где жил П. В. Нащокин, у которого остановился Пушкин (этот адрес Нащокина Пушкин указал в письме к жене от 8 декабря 1831 г.). По воспоминаниям П. В. Нащокина, Гулянов не раз встречался у него с Пушкиным и имел с ним разговоры.²⁸ Если бы Пушкин пришел к Гулянову, тот, без сомнения, отметил бы столь примечательный факт в подписи к рисунку, в память о разговоре бережно им сохраненному. Разговор (или разговоры) Пушкина с Гуляновым являются свидетельством несомненного интереса поэта к своему собеседнику и его занятиям, к кругу занимавших его проблем.

На фоне московского общества 20—30-х годов прошлого века Иван Александрович Гулянов был фигурой незаурядной. Он родился в 1789 г.,²⁹ был побочным сыном бывшего молдавского гос-

²⁷ ГИМ. Отдел письменных источников, ф. 390, ед. хр. 54, л. 52. — Автограф впервые опубликован Ю. Деницким в статье «К истории одного рисунка» («Огонек», 1951, № 23, стр. 19). См. также: В. В. Данилов. Новейшие публикации автографов Пушкина. «Пушкин. Исследования и материалы», т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 380.

²⁸ «Рассказы о Пушкине...», стр. 39.

²⁹ Краткая биография Гулянова дана в отчете П. А. Плетнева по II отделению имп. Академии наук за 1842 г. (см. Отчеты <...> по Отделе-

подаря греческого происхождения князя Маврокордато. Шестнадцати лет поступил в Коллегию иностранных дел, служил при русских миссиях в Константинополе, Палермо, Гааге, Брюсселе, Дрездене и других городах Европы. Он не был обычным дипломатическим чиновником. Научные разыскания в области археологии и лингвистики рано увлекли его. В 1821 г. за свои ученые труды «об образовании всех языков и письмен вообще и об иероглифах и археологии Египта в особенности» И. А. Гулянов был избран членом Российской академии.³⁰ В конце этого же года ему была предоставлена возможность целиком заняться научными изысканиями. Живя в начале 20-х годов в Париже, Гулянов под псевдонимом Ф. Авзониоли активно выступил против системы дешифровки египетских иероглифов Шамполиона, вначале имевшей много противников.³¹ Полемика вокруг иероглифов освещалась и в русской печати,³² благодаря ей Гулянов приобрел у своих соотечественников большую известность. В 1827 г. по роду своих занятий Гулянов был причислен к Министерству народного просвещения, а в начале 1828 г. был отозван из-за границы, где жил в Дрездене.

Возвратившись в Россию, Гулянов поселился в Москве. Он вошел в круг знакомых Пушкина — подружился с П. Я. Чаадаевым, М. П. Погодиным и другими сотрудниками «Московского вестника», встречался с П. А. Вяземским, оставившем о нем свои воспоминания, бывал у П. В. Нащокина и др.³³

Сразу же по возвращении в Россию Гулянов выступил с широкой программой научных исследований.³⁴ Друзья помогли ему

нию русского языка и словесности за первое десятилетие с его учреждения. СПб., 1852, стр. 45—48).

³⁰ Свои труды, написанные большей частью на французском языке, Гулянов издавал в России и за границей брошюрами в очень ограниченном количестве экземпляров, почти все они стали библиографической редкостью, а некоторые, возможно, затерялись. Евг. Болховитов в одном из писем к В. Г. Анастасевичу (1813) разбирает «сочинение г. Гулянова о первобытной связи языков» («Русский архив», 1889, т. II, стр. 27—29). Под псевдонимом Th. Ausonioly (Ф. Авзониоли или, во французском произношении, Озониоли — от древнего названия Италии — Авзония) Гулянов первый издал в Дрездене в 1804 г. разбор иероглифической надписи знаменитого розетского камня («Северное обозрение», т. II, СПб., 1849, стр. 469). При вступлении в Академию Гулянов произнес «Речь об образовании и существе языков» (СПб., 1821). Названия семнадцати ученых трудов Гулянова см. в «Русском зрителе» (1828, ч. 1, № 3—4, стр. 281—283).

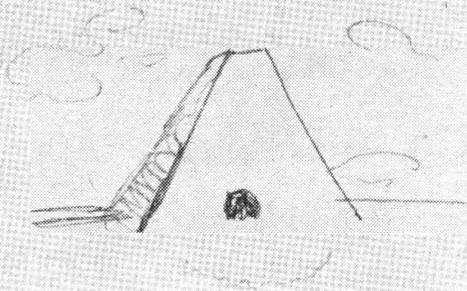
³¹ См.: *Opuscules archéographiques*, par. Th. Ausonioly. Paris, 1826.

³² См.: «Московский телеграф», 1826, ч. VIII, № 5, стр. 41 и 1827, ч. XIII, № 4, стр. 298—308 и др.

³³ См.: «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 213—214; Николай Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III, СПб., 1890, стр. 38, 220, 355—357 и др.; П. А. Вяземский, Сочинения, т. 1, СПб., 1878, стр. 215—218, «Несколько слов о г. Гулянове и трудах его».

³⁴ «Телескоп», 1832, № 10, стр. 267—270, статья «Труды г. Гулянова»; ср.: «Маяк», 1840, ч. II, отд. V, стр. 30—32, в статье Н. Савельева.

Les pyram

Dessin
1833.

Traité par le Poète Alexandre Pouchkine dans un
entretiens que j'ai eu avec lui ce matin sur ses travaux
en général sur les caractères hiéroglyphiques en
particulier. Moscou le 19 Décembre 1831.
25

Рисунок египетской пирамиды, начертанный Пушкиным во время беседы с И. А. Гурьяновым.

добиться субсидии от правительства, и в июне 1832 г. для окончания своих трудов Гульянов уехал за границу, в Дрезден. В 1839 г. в Лейпциге вышла в свет его «Archeologie Egyptienne» (три тома, на французском языке), направленная против системы Шамполиона, к тому времени уже завоевавшей всеобщее признание. Умер Гульянов в Ницце в январе 1842 г. Потомки решительно осудили Гульянова за полемику с Шамполионом.³⁵ Современники, знавшие его, относились к нему иначе — они высоко ценили его обширные познания и беззаветную любовь к науке.³⁶

Научные труды и программа исследований показывают, что Гульянов был не только египтологом, — как его обычно называют, — но и лингвистом широкого профиля, особенно интересовавшимся вопросами общего языкознания — происхождением языков, их «сродством», образованием будущего всеобщего языка. Именно эту сторону занятий Гульянова Т. Н. Грановский, навещавший его в апреле 1838 г. в Дрездене, высоко оценил.³⁷

Биография Гульянова, определение круга его занятий и интересов позволяют конкретнее и полнее раскрыть содержание разговора с ним Пушкина.

Рисунок пирамиды показывает, что разговор зашел о Египте и его памятниках. Пушкин, по-видимому, проявил к ним большой интерес. Его рисунок точно передает особенности строения пирамид;³⁸ очевидно, что он возник после подробного рассказа о них специалиста. Отзвуком разговора поэта о памятниках Египта являются строки о них в черновиках «Осени» — «вечности символы, пирамиды» (Акад., III, 935). Общение с Гульяновым расширило и конкретизировало представление Пушкина о древнем Египте, что нашло отражение в его творчестве 30-х годов («Египетские ночи», «Мы проводили вечер на даче»).

В разговоре о египетских иероглифах, об особенностях этого вида письма, Гульянов, конечно, посвятил Пушкина в существо своего спора с Шамполионом и рассказал о подготавливаемом

³⁵ Например, И. С. Кацнельсон в статье «Материалы для истории египтологии в России» в «Очерках по истории русского востоковедения» (Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 222—224). Ср.: С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. 1. СПб., 1904, стр. 599—609.

³⁶ См. «Русский архив», 1873, кн. 1, стр. 479—480. Письмо Т. Н. Грановского к Н. В. Станкевичу от 16 апреля 1838 г. с отзывом о Гульянове.

³⁷ «Интереснее и понятнее иероглифов были для меня идеи Гульянова о всеобщей грамматике. Премудная вещь...» (Щукинский сборник, вып. X. М., 1912, стр. 93, письмо Т. Н. Грановского В. В. Григорьеву от 16 апреля 1838 г.). То же в письме к Я. М. Неверову («Русская старина», 1880, № 4, стр. 757).

³⁸ Облака, изображенные на рисунке легкими завитками, показывают высоту пирамиды, легкая волнистая линия у подножия поднимает на значительную высоту вход в нее, обозначенный темным пятном (иначе он был бы у подножия) на северной ее стороне, прежде всего открывающейся путнику, идущему с севера; вершина пирамиды, как и должно, срезана; пирамида показана при вечернем освещении (солнце освещает ее северную сторону с запада), когда она наиболее красива.

им труде. Пушкин не мог не знать о споре, широко освещаемом печатью, тем более что журналы иногда сближали собеседников (в «Телескопе» в 1831 г., в №№13 и 15 были напечатаны статьи Пушкина за подписью Ф. Косичкина, а в № 14 — статья Гулянова «Замечания о Дендерском зодиаке»). Беседа с Гуляновым говорит об интересе Пушкина к актуальной в то время в науке теме, занимавшей многих исследователей.

Когда разговор зашел о трудах и занятиях Гулянова вообще, интересовавшие его вопросы общего языкознания, по-видимому, стали предметом их совместного с Пушкиным обсуждения. Возможно, именно в этом разговоре знаток многих языков, лингвист незаурядной эрудиции «не мог надивиться, как много он <Пушкин> знал даже по такому предмету, каково языковедение. Он изумлял Гулянова своими светлыми мыслями, меткими верными замечаниями». Нащокин вспоминал, что когда однажды Пушкин с Гуляновым говорили о всеобщем языке, «Пушкин заметил, между прочим, что на всех языках в словах, означающих *свет*, *блеск*, слышится буква л»,³⁹ Вопросы сравнительного языкознания выдвигались тогда в науке на первый план.

Подпись, сделанная Пушкиным, под рисунком — «Дрезден. 1833» — могла возникнуть во время разговора о дальнейших планах Гулянова, его предстоящем отъезде в Дрезден для окончания научных трудов, к которым поэт проявил, по-видимому, большой интерес (в сохранившемся в библиотеке Пушкина 10-м номере «Телескопа» за 1832 г. страницы со статьей «Труды Г. Гулянова» разрезаны).

Столь обогатившаяся находкой нового автографа тема «Пушкин и Гулянов», только намеченная нами в общих чертах, нуждается в исследовании. Она должна занять свое место в общей проблеме — «Пушкин и наука его времени».

5

В составе собрания народного артиста СССР профессора А. Б. Гольденвейзера в Центральный государственный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки в Москве в 1955 г. поступило письмо Пушкина к А. Н. Мордвинову от 26 мая 1834 г.,⁴⁰ в декабре 1966 г. оно было передано в Пушкинский дом (№ 1739).

Текст письма беловой, с одной поправкой в пятой строке. Письмо написано чернилами на первой странице двойного (фабричного полного) листа белой тонкой бумаги большого почтового

³⁹ Рассказы о Пушкине..., стр. 39.

⁴⁰ А. Б. Гольденвейзер (1875—1961) был страстным почитателем Пушкина. В его собрании хранился еще один автограф поэта — запись четырех стихов (151—154) из «Разговора книгопродавца с поэтом» в альбоме кн. Н. С. Голицыной, с пометой «22 сентября 1826. Москва» (Акад., II, 847).

формата (206 × 260 мм) с водяным знаком «А. Г. 1830». Такой бумагой Пушкин широко пользовался в 1833—1835 гг. На письме следы первоначальных сгибов в четыре раза и позднейших в восемь раз и др. Бумага, пожелтевшая от времени и загрязненная (особенно последняя страница), на сгибах протерлась и надорвалась — при реставрации подклеена. На первой странице в левом верхнем углу след стерттого, написанного карандашом музейного шифра «Голд. 35». Никаких других помет на письме нет.

Впервые письмо было напечатано по этому автографу В. Я. Брюсовым в книге «Письма Пушкина и к Пушкину» (М., 1903, стр. 24); с тех пор оно входит во все собрания писем поэта (Акад., XV, 151, № 944).

Письмо адресовано управляющему (с сентября 1831 г.) III Отделением собств. е. и. в. канцелярии А. Н. Мордвинову и входит в состав официальной переписки поэта с этим учреждением. Посредником между царем и Пушкиным был, как известно, шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, и большинство писем поэта адресовано ему; в его отсутствие — как это было и в настоящем случае — Пушкин направлял свои письма на имя управляющего III Отделением. Предшественник Мордвинова М. Я. Фон-Фок, имея большое влияние на Бенкендорфа, сыграл большую, до конца невыясненную роль в судьбе поэта. Сознавая его значение, Пушкин пытался наладить с ним отношения, но неудачно. Прочно связанный узлами дружбы с Булгариным и Гречем, Фон-Фок не пошел на сближение с поэтом (см. его письмо Пушкину от 8 июня 1831 г.). С его преемником Пушкин тоже пытался активизировать отношения. В октябре 1832 г., при недошедшем до нас письме, Пушкин представил Мордвинову образцы своей предполагаемой газеты. Но тот воздержался от распоряжений (см. письмо его Пушкину от 21 октября 1832 г.), оставив за собой только посредничество в сношениях Пушкина с Бенкендорфом. Утверждение Б. Л. Модзалевского, что Мордвинов «нередко заменял» Бенкендорфа «в сношениях его с Пушкиным» («Пушкин и его современники», вып. VI. СПб., 1908, стр. 112) нуждается в уточнении. По изложенным выше причинам переписка Пушкина с Мордвиновым не могла быть большой. Данный автограф — одно из немногих дошедших до нас писем Пушкина к Мордвинову. Их немногочисленная переписка сохранилась плохо. Писем Мордвинова к Пушкину известно шесть (1832—1836 гг.), и только одно из них печатается по канцелярскому отпуску. Из дошедших до нас четырех писем Пушкина к Мордвинову⁴¹ одно извлечено из дел III Отделения, два — беловик в неотправленной редакции

⁴¹ В большом академическом издании еще одно письмо Пушкина (т. XVI, № 1128) значится адресованным А. Н. Мордвинову (с вопросом); по изложенным выше причинам, письмо такого содержания Пушкин мог послать только Бенкендорфу, почему оно и должно быть отнесено к последнему.

(т. XV, № 832) и начало письма, предположительно адресуемого Мордвинову (т. XVI, № 1327), — сохранились только в архиве поэта; совсем не дошло до нас первое письмо Пушкина к А. Н. Мордвинову, известное из ответа последнего (т. XV, № 775). В этих условиях вопрос о происхождении рассматриваемого автографа приобретает особое значение. В самом деле, из архива III Отделения или из архива поэта извлечено письмо, было ли оно отправлено по назначению или нет?

Публикуя автограф, В. Я. Брюсов писал: «Мы не знаем, было ли отправлено это письмо по адресу, так как ответа на него от А. Н. Мордвинова неизвестно». На письме нет никаких канцелярских помет и резолюций и следов вшивки в дело, в делах письмо не отразилось. По-видимому, на основании всего этого, — хотя отсутствие ответа и канцелярских помет, следов вшивки не может служить бесспорным доказательством неотправки письма, ибо не все письма, идущие из архива III Отделения, имеют их, — в собраниях сочинений Пушкина письмо вначале печаталось с пометой — «черновое».⁴² Но последующими редакторами вопрос о характере письма (отправленный или неотправленный беловик) не ставился. В комментариях к письму обычно указывается, что «Повести Александра Пушкина», где были объединены ранее напечатанные произведения, вышли в свет в 1834 г., а В. Кюхельбекер в сентябре этого же года получил экземпляр всех сочинений друга. Исполнение просьб, изложенных в письме, по-видимому, считается неопровержимым аргументом отправки письма по назначению. Но мы знаем, что отнюдь не все просьбы в III Отделение Пушкин направлял в письменном виде. Иногда он предпочитал обращаться лично, с устной просьбой, получая на нее разрешение тоже устно. Характер просьб, изложенных в письме, не требовал особого письменного разрешения, «дела» — Пушкин просил позволения на переиздание уже напечатанных произведений и о посылке книг государственному преступнику Кюхельбекеру не самому, а через посредника (С. Н. Дирина) — эти просьбы вполне могли быть разрешены устно.

Ответ на вопрос — был ли послан данный автограф по назначению — может дать только его история. В основу публикации В. Я. Брюсова легли материалы, полученные им от П. И. Бартенева. Об этом сохранились свидетельства и Брюсова, и Бартенева.⁴³ Но откуда поступило письмо к П. И. Бартеневу — неизвестно. В. Я. Брюсов, говоря о своей публикации, причислял себя

⁴² Сочинения А. С. Пушкина, т. VII, редакция П. А. Ефремова. изд. А. С. Суворина, 1903, стр. 546; Сочинения и письма А. С. Пушкина, т. VIII, под ред. П. О. Морозова, изд. «Просвещение», СПб., 1903, стр. 327.

⁴³ См.: ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 24, л. 52. В. Я. Брюсов. Рукописи Пушкина; ИРЛИ, ф. 244, оп. 27, ед. хр. 35, л. 163. Письмо П. И. Бартенева от 4 апреля 1902 г. в Комиссию по изданию сочинений А. С. Пушкина.

к исследователям, которые пользовались материалами официальной переписки Пушкина не из архива III Отделения, а из архива поэта.⁴⁴ Но В. Я. Брюсов не учел, что некоторые документы довольно рано были изъяты из государственных архивов и стали собственностью частных лиц (А. А. Ивановского, П. И. Миллера). В руках П. И. Бартенева такие материалы были. Это не позволяет решить вопрос об источнике поступления письма. Возможно, в обширном архиве П. И. Бартенева, хранящемся в ЦГАЛИ, будут обнаружены материалы, которые прольют свет на историю автографа.

После публикации в сборнике (1903 г.) В. Я. Брюсов, по его свидетельству, возвратил автографы П. И. Бартеневу.⁴⁵ У вдовы последнего (до 1917 г. или не позже 1926 г.) А. Б. Гольденвейзер, вероятно, и приобрел автограф письма Пушкина к Мордвинову от 26 мая 1834 г. вместе с маской Листа и другими материалами.⁴⁶

⁴⁴ «Русский архив», 1906, № 2, стр. 324. В. Брюсов. Сношения Пушкина с правительством. I. Сношения с А. Х. Бенкендорфом.

⁴⁵ ИРЛИ, ф. 444 (В. Я. Брюсова), ед. хр. 24, л. 52, указ. работа.

⁴⁶ Это предположение высказала в письме к нам Е. И. Гольденвейзер, вдова артиста,

В. Э. ВАЦУРО

К ИЗУЧЕНИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ДЕЛЬВИГА—СОМОВА

В № 5 «Литературной газеты» за 1831 г. (от 21 января) на стр. 42 напечатана небольшая рецензия на роман В. А. Ушакова «Киргиз-кайсак». Эту рецензию цензор Н. П. Щеглов представлял 23 января в Цензурный комитет, и из нее было вычеркнуто несколько строк, опубликованных в 1916 г. Н. Замковым. Приводим ее полный текст.

Идея, на которой основана завязка сего романа, может быть, ошибочна: спесивый князь Любский сперва препятствует дочери своей вступить в супружество с Виктором Славским за то, что он внук священника; а после запрещает ей о том и думать, ибо открывается, что Славский не что иное, как киргиз-кайсак, проданный своею матерью оренбургскому чиновнику. Славский в отчаянии, едет на войну и т. д. Дело в том, что в нашем быту, по нашему образу мыслей, молодой ротмистр гвардии, у коего два миллиона в ломбарде и 2000 душ, конечно, уж аристократ, какого бы, впрочем, ни был он происхождения. Древность дворянского рода ничего общего не имеет у нас со знатностью. В одном из наших журналов (официальном—NB) сказано было, что шестистолетние дворяне не что иное, как мещане во дворянстве, и справедливо. Привязанность к старинным дворянским грамотам не есть у нас общепонятный характер, но частная странность, как любовь к древним монетам или экзотическим растениям. Рассмотрение выгод и невыгод сего порядка вещей было бы здесь неуместно. Скажем только, что г. Ушаков напал на предрассудок, который у нас не существует: от сего и роман не имеет той занимательности, которой мы в праве были ожидать, судя по отрывкам, уже напечатанным.

Еще замечание: князь Любский, которого автор хотел представить ненавистным глупцом, действует вообще как человек очень благоразумный и объясняется умно, даже остроумно. Напр.: «Отчуждение предрассудков хорошо в мелодраме и если бы я сочинял театральную пьесу, то, конечно, выставил бы на сцене такой великодушный поступок. Но в нашем обстоятельстве действуют не актеры, которые по окончании спектакля снимают с себя знаменитые титулы, вместе с костюмом. Нет, mon cher! я не посрамлю своего рода. Пожалуй, много у нас отыщется калмычат, киргизят, каракалпаков и других стесных выходцев, которых покупают, как обезьян и попугаев, единственно для забавы. Не прикажете ли их всех переженить на знатнейших девицах нашего отечества, на княжнах, на графинях? Нет, братец! я не следую этой модной философии».

Граф Решимов должен был отвечать, что (как сказали мы выше) гвардии ротмистр, имеющий два миллиона в ломбарде, не есть *киргизенок*, купленный как обезьяна; но в романе остается правым князь Любский.

Несмотря на то, *Киргиз-кайсак* принадлежит к малому числу романов, достойных внимания и одобрения публики. Рассказ очень хорош. В подробностях вообще много истины и искусства. Многие сцены живы и занимательны. Свидание Виктора с матерью необыкновенно трогательно.

Изд.¹

Рецензия подписана «Издатель» и традиционно считается принадлежащей Сомову. Напомним вкратце обстоятельства ее появления. Пятый номер «Литературной газеты» за 21 января вышел лишь 1 февраля (цензурное разрешение 31 января), так как начиная с № 4 газета опаздывала — после смерти Дельвига, последовавшей 14 января. С этого времени Сомов стал уже фактическим, а не номинальным издателем газеты, положение которой было крайне непрочно. Как хорошо известно, в ответ на печально знаменитое «Второе письмо из Карлова» Ф. Булгарина, содержавшее инсинуацию против подражателя Байрона — поэта, предок которого был куплен за бутылку рому, Дельвиг 9 августа 1830 г. напечатал заметку о выходках против литературной аристократии, со ссылками на историю французской революции; заметка эта, предположительно написанная Пушкиным, кончалась словами: «Avis au lecteur». Заметка вызвала запрос Бенкендорфа с требованием сообщить, по каким основаниям она пропущена и кто ее автор. Началось цензурное дело, которое тянулось до 24 августа. Дельвиг был вызван для объяснений, но автора не назвал. Бенкендорф сделал ему грубый выговор и предупредил, что впредь за газетой будет особый надзор. На № 64 (от 12 ноября) газета была прекращена за опубликование четверостишия Делавиня о жертвах Июльской революции и возобновилась лишь в декабре под официальным редакторством Сомова.²

В январе 1831 г., лишившись Дельвига (который, хотя и был формально лишен прав издателя, продолжал определять направление газеты) и оторванный от Пушкина и Вяземского, находившихся в Москве, Сомов переживает период кризиса и растерянно-

¹ Отрывок «Древность дворянского рода ~и справедливо» восстанавливается по публикации: Н. К. Замков. К истории «Литературной газеты» барона Дельвига. «Русская старина», 1916, № 5, стр. 276. — Подлинное цензурное дело в настоящее время неизвестно. Местоположение вычеркнутого фрагмента устанавливается предположительно (по смыслу). В тексте, опубликованном Замковым, опечатка, обесмысливающая строку: вместо (официальном — NB) напечатано: (официальном №).

² См.: Н. К. Замков. К цензурной истории произведений Пушкина. Пушкин и его современники, вып. XXIX—XXX, Пг., 1918, стр. 53—62. — Новейшая работа, посвященная этому периоду истории газеты: Г. Галин. К истории запрещения «Литературной газеты» А. А. Дельвига. В кн.: Из истории русской и зарубежной литературы. Сборник статей и исследований. Мордовское книжное изд., Саранск, 1964, стр. 72—84 (Мордовский гос. университет. Кафедра русской и зарубежной литературы).

сти. Это сразу же сказывается на газете. На первых порах Сомов всячески стремится избежать опасной полемики и сколько-нибудь декларативного заявления позиции газеты. Рецензии его приобретают нейтральный тон. Об этом, собственно, и писал Плетнев Пушкину: Сомов «не придаст живости» газете, «без чего она решительно умрет» (XIV, 153, письмо от 22 февраля 1831 г.).

Между тем отзыв о «Киргиз-кайсаке» оказывался не только фактом литературной полемики, но и прямой декларацией тех принципов, за которые газета едва не была запрещена несколько месяцев назад.

Автор романа «Киргиз-кайсака» Василий Аполлонович Ушаков был хорошо известен в Москве как активнейший участник полемических выступлений «Московского телеграфа» и, в частности, выпадов против «литературной аристократии». Он был связующим звеном между Полевым и Булгариным, давним знакомым Булгарина и сотрудником его изданий.³ Роман «Киргиз-кайсака» в известной мере был беллетристическим продолжением его критико-публицистической деятельности; его появление повело к новому оживлению борьбы вокруг «литературного аристократизма», в частности в «Телескопе».⁴ 6 ноября 1830 г. И. И. Дмитриев писал Вяземскому об Ушакове как о ниспровергателе культурной традиции.⁵

Еще 21 мая 1830 г. в «Литературной газете» (№ 29) Ушаков был упомянут как автор разбора «Дмитрия Самозванца» в «Московском телеграфе», где он демонстративно заявлял о своей дружбе с Булгариным. Иронический отклик газеты («В одном из московских журналов...») был написан Сомовым или Дельвигом.⁶

20 января 1831 г., за три дня до представления в цензурный комитет интересующей нас рецензии, «Северная пчела» поместила краткий отклик Н. И. Греча на роман Ушакова. Греч рекомендовал

³ См. об этом в записках Кс. Полевого: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Изд. писателей в Ленинграде [1934], стр. 274—275, 528. Ср. также письмо С. Т. Аксакова Шевыреву от 12 мая 1830 г., где Ушаков характеризуется как «друг Вилюка-Булгарина» («Русский архив», 1878, № 5, стр. 53).

⁴ Подробно о полемике см.: М. И. Фетисов. Литературные связи России и Казахстана. 30—50-е годы XIX века. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 95—103.

⁵ «Старина и новизна», 1898, кн. 2, стр. 161—162. Аналогичный отзыв и ранее, в письме от 22 июля (там же, стр. 159—160).

⁶ В. В. Випоградов. Проблема авторства и теория стилей. Гослитиздат, М., 1961, стр. 409. — Есть еще одно замечание Сомова об Ушакове-критике (в письме к М. Н. Загоскину 15 июня 1831 г.), где он упоминает о «шальной хронологе» театра Ушакове и его «вздорной» статье о «Рославлеве», за которую Сомов хочет «придать ему мазу» в разборе. «Привязка» Ушакова к названию романа, по мнению Сомова, «истинно киргиз-кайсацкая и очень пахнет лошадиным мясом и кобыльим молоком» («Русская старина», 1902, кн. 9, стр. 620—621). Рецензия Сомова с возражениями Ушакову появилась в № 36 газеты за 1831 г. (25 июня).

читателям «новый оригинальный русский роман, достойный внимания нашей публики», отмечая в нем «оригинальность и правдоподобие вымысла, разнообразие и естественность характеров, интерес завязки, замысловатость и меткую истину многих замечаний и суждений, точное изображение нынешних обычаев на Руси, слог правильный и чистый».⁷ Это — обычный критический стереотип (в ряде случаев он повторен и в рецензии «Литературной газеты», где сказано о «завязке», персонажах, «истине и искусстве» в подробностях; сходна и общая оценка: роман «достоин внимания и одобрения публики»). Исключением является замечание Греча о «точности изображения нынешних обычаев» — намек на всю предшествующую борьбу пушкинского круга с «нравственно-сатирическим романом» болгаринского образца; как раз обвинение в неверности и случайности общей картины русских нравов было одним из основных, предъявляемых Булгарину. Однако на этот раз полемика вокруг романа пошла по иному руслу, приняв, с одной стороны, совершенно конкретный, а с другой — чрезвычайно принципиальный характер, к чему Греч не давал повода. Повод к полемике давала проблематика самого романа, и «Литературная газета» сосредоточивается на узком круге вопросов первостепенной важности, оставляя без ответа уязвимые места рецензии Греча (например, заявление, что роман Булгарина был «родоначальником» «Монастырки» и «Юрия Милославского»). Мы можем утверждать с большой степенью вероятности, что интересующая нас статья в «Литературной газете» была написана вне всякой зависимости от рецензии «Северной пчелы».

Анализ ее текста показывает, что она ближайшим образом соотносится с циклом полемических статей и стихотворных памфлетов Пушкина 1830 г., последовавших за болгаринским «Вторым письмом из Карлова». Вычеркнутые цензурой строки прямо намекают на Пушкина с его «шестисотлетним дворянством» и ссылаются на формулу Булгарина о «мещанах во дворянстве». Они же раскрывают для нас и «личностный» характер остальной части статьи: возражение против формулы «киргизенок, купленный как обезьяна» есть завуалированный ответ на инсинуацию Булгарина о предке поэта — подражателя Байрона, арапе, купленном за бутылку рома; на нее Пушкин отвечал в «Моей родословной». Добавим к этому, что многочисленные пасквилы 1830-х годов постоянно пользовались словечком «обезьяна» как прямым указанием на Пушкина.⁸ Есть еще и другой аспект: происхождение

⁷ «Северная пчела», 1831, № 15 (20 января).

⁸ Ср. в повести Булгарина «Предок и потомки», вошедшей в 12-й том собрания его сочинений (цензурное разрешение 14 октября 1830 г.), и более поздних памфлетах 1831 г. Подробно см.: В. В. Г и п и у с. Пушкин в борьбе с Булгариним в 1830—1831 гг. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 6. Изд. АП СССР, М.—Л., 1941, стр. 242; Б. П. Г о р о д е ц к и й. К истории статьи Пушкина «Несколько слов о мизантропе г. Бул-

Славина воспрепятствовало его женитьбе; не исключается и подспудная ассоциация с Пушкиным, поехавшим в Москву в качестве жениха Н. Н. Гончаровой.

Очень трудно представить себе, чтобы рецензия такого рода могла быть напечатана Сомовым по своей инициативе, без ведома и санкции Пушкина. Никаких намеков на личность Пушкина в романе Ушакова не было, и непрощенная защита, как бы подсказывавшая читателю толкование романа как пасквиля, становилась при этих обстоятельствах не только неуместной, но и оскорбительной. Заметим, что еще не прошло и двух месяцев, как Дельвиг отказался поместить в газете «Мую родословную» почти по тем же причинам. Пушкин вспоминал об этом в письме к Бенкендорфу от 24 ноября 1831 г.: «Я послал свой ответ покойному Дельвигу с просьбой поместить в его газете. Дельвиг посоветовал мне не печатать его, указав на то, что было бы смешно защищаться пером против подобного нападения и выставлять напоказ аристократические чувства, будучи самому, в сущности говоря, если не мещанином в дворянстве, то дворянином в мещанстве. Я уступил, и тем дело и кончилось» (XIV, 242; подлинник по-французски). Близость Сомова к Дельвигу в 1830—1831 гг. общеизвестна, и Сомов не мог этого не знать. Таким образом, возникает вопрос не только о санкционировании Пушкиным статьи в «Литературной газете», но и о его непосредственном участии и о степени этого участия. При этом нужно иметь в виду, что с августа 1830 г. Пушкин находится в Болдино и Москве и в Петербург возвращается только в мае 1831 г.

Здесь нам придется обратить внимание на структуру и идеологическое наполнение рецензии. Дело в том, что отзыв на «Киргиз-кайсака» не есть журнальный разбор в том смысле этого слова, какой был привычен для журналистики 1830-х годов. В отличие от традиционных разборов (ср., например, «конспект» такого разбора в «Северной пчеле»), в том числе и от рецензий Сомова, он не содержит ни сколько-нибудь полного анализа рассматриваемой книги — с точки зрения убедительности «характеров», слога и т. д., — ни даже связного изложения содержания. Это несколько отдельных и на первый взгляд фрагментарных замечаний. Едва намеченный рассказ о движении темы обрывается фразой: «Славский в отчаянии, едет на войну и т. д.». Рецензента не интересуют драматические эпизоды, очень важные для романиста: встреча Славина со своим истинным отцом, его «безумие», вызванное невозможностью брака с Софией Любской, смерть его и последующая — емкая психологически, хотя и поданная вкратце — история его невесты, вышедшей замуж, но сохраняющей верность памяти уже мертвого Славина. Подобная концент-

гарина и о прочем». «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1948, т. VII, вып. 4, стр. 339—340.

рация сюжета целой книги в одной фразе с выделением центрального «узла» и усечение всего, что к этому узлу не относится, — характернейшая черта пушкинских рецензий.⁹

Смысл такого построения — в полемической направленности данного разбора. Все замечания рецензента концентрируются вокруг темы «аристократии». Отметим, в связи со сказанным, что характеристика князя Любского («человек очень благоразумный», «объясняется умно, даже остроумно») — ход совершенно парадоксальный, ибо в романе эта фигура подчеркнута карикатурна. Таким образом, вся рецензия подчинена единому полемическому заданию.

Концепция «аристократии», развиваемая в рецензии, в *деталлях* повторяет историческую концепцию Пушкина. Она производит впечатление конечного вывода из пушкинских размышлений, начавшихся задолго до 1831 г.; в развитом виде мы находим их, например, в «Романе в письмах», писавшемся, по-видимому, осенью 1829 г. В Болдине в 1830 г. они отливаются в формулы, очень близкие вышеприведенному отрывку в «Литературной газете», и варьируются в ряде произведений («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», «Моя родословная» — «У нас нова рожденьем знатность, и чем новее, тем знатней» и т. д. — Акад., III, (1), 261), вплоть до набросков поэмы «Езерский» (1832). Как для рецензента «Литературной газеты», так и для Пушкина характерна явная симпатия к «старой аристократии» и утверждение, что при сложившемся социальном порядке происходит растворение старых дворянских родов в «аристократии богатств», захватившей первые места в общественной иерархии. Отсюда и элегическая ирония (в рецензии — скрытая и осторожная) над «частными странностями» приверженцев исторических традиций. Это хорошо известная автоирония Пушкина, сочетающаяся с иронией иного — уже саркастического — оттенка по адресу нуворишей. В полном соответствии с этой основной идеей оказывается и оценка автором рецензии князя Любского.

Мы не можем указать ни одной непушкинской рецензии, которая была столь близко воспроизводила пушкинскую концепцию «аристократии», как не можем назвать ни одного близкого Пушкину публициста, о котором было бы известно, что он полностью разделяет эту концепцию. Сомов, как и Плетнев, и Максимович, вообще стоит вне проблематики «литературного аристократизма», касаясь ее лишь по необходимости в полемике. Дельвиг также затрагивает ее мимоходом и вынужденно — и то лишь в заметках, написанных совместно с Пушкиным, причем доля его участия неизвестна. О «литературной аристократии» неоднократно писал

⁹ Есть и еще обстоятельство, которое выдает руку рецензента-«непрофессионала»: в рецензии спутано имя главного героя (Славский вместо Славин).

Вяземский; но статьи Вяземского как раз подчеркивают индивидуальность понимания этой проблемы у Пушкина. Попятие «аристократизма» имеет у Вяземского не исторический, а скорее метафорический смысл; он говорит об «аристократии ума и дарованний», «аристократии талантов». ¹⁰ Очевидно, что в рецензии на «Киргиз-кайсака» мы имеем дело не с этим пониманием, а со сложившимся, хотя и намеренно не высказанным до конца представлением о современном «быте», опирающемся на пушкинский исторический анализ.

Это обстоятельство заставляет нас внимательно вчитаться в текст рецензии и попытаться уловить стилистические соприкосновения с пушкинской прозой (в первую очередь критико-публицистической) начала 1830-х годов. Такое хронологическое ограничение удобно и даже необходимо потому, что полемические статьи Пушкина, написанные в Болдине осенью 1830 г., чрезвычайно тесно связаны между собою и тематически, и фразеологически; в целом ряде случаев Пушкин использует уже сделанные наброски как материал для новых статей и набросков, черпая из них готовые лексико-синтаксические формулы, — иногда намеренно, иногда непроизвольно. Такая «инерция стиля» сохраняется и в ближайших по времени статьях. Поэтому показателем «близости к пушкинскому стилю» для статьи начала 1831 г. окажутся не столько индивидуально пушкинские признаки словоупотребления и синтаксического строя, ¹¹ сколько некий стилистический итог, характеризующий частоту употребления формул, привычных для Пушкина в этот краткий период крайне интенсивного публицистического творчества, — формул, носящих, в большей или меньшей степени, характер постоянных автореминисценций. В наименьшей мере можно считать таковой первую же строку рецензии на «Киргиз-кайсака», — обычный для разборов 1830-х годов фразеологизм, которому, однако, мы находим аналог в «Рославлеве» (1831): «Читая „Рославлева“, с изумлением увидела я, что завязка его основана на истинном происшествии, слишком для меня известном» (VIII, (1), 149. Курсив здесь и далее мой, — В. В.). Далее следует очень характерный для пушкинской манеры концентрированный пересказ разбираемого произведения, о котором речь шла выше. Пересказ разделил надвое сложное

¹⁰ См. его «Введение к жизнеописанию Фонвизина» («Литературная газета», 1830, № 3, стр. 22), «Несколько слов о полемике» (там же, 1830, № 18, стр. 143—144), «Объяснения некоторых современных вопросов литературных. Статья 1-я. О духе партий, о литературной аристократии» (там же, 1830, № 23, стр. 182—183), письмо Максимовичу от 23 января 1831 г. (Сборник ОРЯС, 1880, т. XX, № 5, стр. 156—157).

¹¹ Выделить эти элементы практически вряд ли возможно, если принять во внимание и сравнительно большую лексическую унифицированность критической прозы этой поры, и отсутствие специальных исследований с фронтальным сопоставлением критической прозы Пушкина и его современников с лексической, синтаксической и грамматической стороны.

предложение причинно-следственного характера и создал впечатление смыслового разрыва; логическая связь восстанавливается при помощи поясняющей конструкции «дело в том, что», с которой и начинается следующее предложение. Случаи такого рода очень свойственны «конспективному» стилю пушкинских рецензий в разные годы; ср.: «Он <Полевой> видит <...> в <...> феодализме средство задуть феодализм же, полагает его необходимым для развития сил юной России. *Дело в том*, что в России не было еще феодализма <...>» («О втором томе „История русского народа“», 1830; XI, 126; см. также VIII (1), 150, 406, 421, 451, 454).

Оставляя в стороне более частные сопоставления, обратим внимание еще на некоторые особенности этих строк. Во-первых, в них просматривается излюбленная мысль Пушкина об обеднении старинных дворянских семейств, — мысль, как известно, автобиографическая, отразившаяся и в «Медном всаднике», и в «Езерском» (ср. в отрывке «Несмотря на великие преимущества», датированном 26 октября 1830 г.: «будучи беден, как и почти все наше старинное дворянство» — VIII (1), стр. 410). Во-вторых, здесь есть фразеологизм, который мы вправе считать за реминисценцию. Дело в том, что в болдинских статьях Пушкина складывается устойчивая синтаксическая формула — уступительное сложноподчиненное предложение со сказуемым в сослагательном наклонении и в форме местоименного сочетания «кто бы ни», «каков бы ни», как известно, усиливающим значение уступительности. Это довольно яркий случай «инерции стиля» — определенному идейному комплексу (как правило, рассуждению о нынешнем дворянстве в его отношении к прошлому или о себе в отношении к современным условиям) постоянно сопутствует *несущественный* стилевой элемент. Ср.: «Но *от кого бы я ни происходил* — от разночинцев, вышедших во дворяне, или от исторического боярского рода, <...> образ мнений моих от этого никак бы не зависел»; «*Каков бы ни был* образ моих мыслей, никогда не разделяя я с кем бы ни было демократической ненависти к дворянству» («Опровержение на критики», XI, 161); «*Кто б ни был* ваш родоначальник, <...> Вам все равно» ... («Езерский», 1832, V, 99). Как раз этот оборот мы и находим в строке 10 рецензии на «Киргиз-кайсака» рядом со словосочетанием «образ мыслей». Более того, в рецензии есть и прямое и очень любопытное фразеологическое совпадение с «Опытом отражения некоторых нелитературных обвинений»: «... есть обвинения, которые не должны быть оставлены без возражений, *от кого б они впрочем ни происходили*» (XI, 174). Ср.: «аристократ, *какого бы впрочем ни был он происхождения*» (текст «Литературной газеты»). Здесь очень характерно специфическое употребление вводного слова «впрочем», вне всякой синтаксической необходимости и с ослабленной семантикой; на его долю выпадает чисто грамматическое значение усиления уступительности. То же находим и

в художественной прозе и письмах Пушкина 1831 года; ср.: «... мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, *каков бы ни был впрочем наш образ мыслей*» (XIV, 169); «... я человек светской и не хочу быть в пренебрежении у аристократии, *из какой грязи впрочем ни была б она вылеплена* («На углу маленькой площади», 1831 или 1832 — VIII (2), 721).

Далее предположительно следовал вычеркнутый цензором отрывок, который является прямым пересказом полемических статей Пушкина 1830 года. Ср.: «*В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве*. Справедливее было бы сказать дворянин во мещанстве» («Опровержение на критики», XI, 160); «Однажды (*официально*) напечатал кто-то, что такой-то фр<анцузский> стихотворец, подражатель Байрону <...> человек подлый и безнравственный» («Опыт отражения», XI, 168). «*В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абр<ам> Петрович Ганнибал <...> был куплен шкипером за бутылку рому*» («Опровержение на критики», XI, 153); «... издеваться над ним (старым дворянством, — В. В.) (и еще *в официальной газете*) не хорошо — и даже неблагоприятно» («Опыт отражения», XI, 173). Несколько странным является только ошибка или описка в рецензии «в журнале», а не «в газете». Можно предположить, что это галлицизм; в письме Бенкендорфу от 24 ноября 1831 г. Пушкин безразлично употребляет обозначение «gazette» и «journal» для «Северной пчелы», перевода на французский язык как раз эти формулы: «dans l'un de nos *journaux*» и «l'article en question était imprimé dans une *gazette officielle*» (XIV, стр. 242).

Следующие строки рецензии, находящиеся у Пушкина близкие смысловые аналогии в статьях и набросках 1830 г. (ср.: «Принадлежать старой арист.<ократии> не представляет никаких преимуществ в глазах благоразумной черни, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нареkanie в странности или бессмысленном подражании иностранцам» — XI, 144), тем не менее содержат и такие лексико-фразеологические элементы, которые в словаре Пушкина не зарегистрированы (слово «экзотический», выражение «частная странность» или «общепонятный характер»), хотя и не противоречат прямо стилистической системе Пушкина. Если допустить, что текст рецензии — пушкинский, подвергшийся редакционной правке, то правка должна была коснуться как раз мест, ближайших к вычеркнутому цензором отрывку, исключение которого должно было нарушить смысловые и синтаксические связи.

Вместе с тем мы и здесь находим следы того явления, которое мы обозначили как «инерцию стиля». Ср.: «наследственной аристократии, основанной на неделимости имений, *у вас не существует*» («Гости съезжались на дачу» — VIII (1), 42); «очарование древн<остью> <...> *для нас не существует* (там же). Очень инте-

ресно текстуальное совпадение с позднейшей (1835) французской заметкой Пушкина, вызванной «Путевыми картинками» Гейне: *La libération de l'Europe viendra de la Russie, car c'est là seulement que le préjugé de l'aristocratie n'existe absolument pas*» (XII, 207). Последующий текст заметки производит впечатление развития и конкретизации строк 10—15 статьи «Литературной газеты».

Опускаем указания на отдельные словесные совпадения, общие для многих рецензий этой поры.¹² Обратим внимание лишь на очень частое у Пушкина 1830-х годов выражение «выгоды и невыгоды» в строке 15—16 (ср.: «... все парнасские секты для меня равны, представляя каждая свои *выгоды и невыгоды*» — 1828, XI, 337; «Не имею целию и не смею определять *выгоды и невыгоды* той и другой трагедии» — 1830, XI, 179; «*Выгоды и невыгоды* <...> различных образов правления» — 1830, VIII (1), 137; «Я хладнокровно взвесил *выгоды и невыгоды* состояния, мною избираемого» — февраль 1831, XIV, 150). Наконец, в отрывке о князе Любском есть случай употребления слов с довольно редкими (хотя и не индивидуальными) оттенками лексических значений, зарегистрированными у Пушкина. Один — слово «ненавистный» в архаическом значении: «способный или долженствующий вызывать ненависть» (ср.: «... я — еще более неловкое, чем *ненавистное* я» — 1830, XI, 119; «... сего мрачного, *ненавистного*, мучительного лица» — 1830, XI, 165). Другой случай — слово «остроумный» в значении, объясненном самим Пушкиным: остроумие — способность «сближать понятия и выводить из них новые и правильные заключения» (1830, XI, 125 — «*остроумные* замечания <Полевого>»).

Таким образом, помимо пушкинской социальной концепции и прямых биографических намеков, уместных только в случае санкционирования их Пушкиным, рецензия «Литературной газеты» содержит ряд элементов пушкинского публицистического стиля 1830-х годов, вплоть до мелких реминисценций из *неопубликованных и неизвестных в Петербурге* болдинских полемических статей Пушкина. Все это заставляет думать, что мы имеем дело с затронутой на страницах «Литературной газеты» и ускользнувшей от внимания исследователей пушкинской статьей, быть может, подвергшейся лишь незначительной редактуре издателя газеты Сомова.

В какой мере вероятно выступление Пушкина с рецензией на «Киргиз-кайсака» в январе 1831 г. в «Литературной газете» за подписью издателя газеты? Чтобы ответить на этот вопрос, следует попытаться реконструировать обстановку, в которой нахо-

¹² Одним из них является, между прочим, совпадение с текстом рецензии «Северной пчелы» (см. выше): «... роман, достойный внимания и одобрения публики». У Пушкина в разборе «Юрия Милославского»: «... приятно отдавать отчет о сочинении, вполне *заслуживающем внимания и одобрения публики*» (XI, 363).

дился Пушкин зимой 1830—1831 гг., с учетом отношений его с «Литературной газетой».

Из приведенного материала очевидно, что роман Ушакова затрагивал самые животрепещущие для Пушкина темы, — именно те, которые больше всего занимали его в конце 1830—начале 1831 г. — и мог восприниматься им не только в общественно-идеологическом, но и в личном плане; другими словами, «Киргиз-кайсак», отнюдь не являясь «личностью»,¹³ в глазах Пушкина примыкал к кругу тех самых памфлетов «Северной пчелы» и «Московского телеграфа», ответом на которые был цикл болдинских полемических статей. Работа над этими последними продолжается до конца года; за два дня до выезда из Болдина, 3 декабря, Пушкин заканчивает «Мою родословную». В декабре он полон еще неостывшего полемического задора. 17 декабря он читает «Мою родословную» у Вяземского. 19 декабря Вяземский делает в своей записной книжке отметку об этом посещении: «Он много написал в деревне <...>. Куплеты „Я мещанин, я мещанин“, эпиграмму на Булгарина за арапа, написал несколько <...> полемических статей».¹⁴ По-видимому, в это время он и посылает Дельвигу «Мою родословную» для опубликования и получает отрицательный ответ. Однако у него не исчезает намерение продолжить полемику со страниц газеты: в разговорах с Вяземским, переписке с Плетневым он обсуждает способы «оживления» «Северных цветов» и «Литературной газеты»; последнюю предполагалось снабжать именно критическими статьями. По-видимому, к середине января недовольство Пушкина и Вяземского отсутствием «дельных» оригинальных статей в газете Дельвига достигает апогея; Вяземский 14 января пишет Пушкину об условиях реальной помощи газете; днем ранее Пушкин спрашивал Плетнева: «Что Газета наша? надобно нам о ней подумать. Под конец она была очень вяла; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин. Вот текст для славной филиппике. Кабы я не был ленив, да не был жених, да не был очень добр, да умел бы читать и писать, то я бы каждую неделю писал бы обозрение литературное — да лих терпения нет, злости нет, вре-

¹³ Ушаков встречался с Пушкиным в марте или апреле 1829 г. и разговаривал о смерти Грибоедова, с которым был знаком. Воспоминание об этом разговоре, с почтительной характеристикой Пушкина («одного из первоклассных наших поэтов»), Ушаков включил в свою статью о «Горе от ума» («Московский телеграф», 1830, № 12, стр. 515). Личное общение с Ушаковым, совершенно лишённое взаимной враждебности, конечно, не давало Пушкину возможности расценить «Киргиз-кайсак» как преднамеренный пасквиль; может быть, оно определило и чрезвычайно доброжелательный тон полемического отклика на роман.

¹⁴ П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 208; ср. также: Пушкин. Письма, т. III. 1831—1833. «Академия», М.—Л., 1935, стр. 163.

мени нет, охоты нет. Впрочем посмотрим» (XIV, 143). Пока же он использует те ограниченные возможности полемики, которые предоставлял создававшийся зимой 1830—1831 гг. альманах Максимовича «Денница» (цензурное разрешение 20 января 1831 г.); сюда он отдает фрагмент из «Опровержения на критики» и эпиграмму на Булгарина («Не то беда, Авдей Флюгарин»); то же делает и Вяземский (он собирается отдать Максимовичу какие-то полемические статьи против Полевого, и его останавливает только вежливое противодействие Максимовича, не желавшего окончательно порывать с Полевым),¹⁵ и Баратынский, поместивший в «Деннице» эпиграмму «Поверьте мне, Фиглярин-моралист». Как раз в это время в поле зрения Пушкина попадает «Киргиз-кайсак»; мы можем говорить об этом с уверенностью, потому что 9 января роман этот как новинку посылает в Остафьево Вяземскому Максимович, бывший совершенно в курсе полемических замыслов пушкинского круга и постоянно общавшийся с Пушкиным;¹⁶ посылает он книгу по своей инициативе, замечая, что это роман «от которого ждали многие меньше, чем нашли».¹⁷ По-видимому, по свежим следам чтения и каких-то разговоров в Москве о романе (а о них можно заключить по неясному намеку Максимовича) и пишется краткий отзыв, впитавший в себя идеи и фразеологию неопубликованных болдинских статей и «Моей родословной». Если это действительно так, то рецензия была выслана

¹⁵ См.: XIV, 138 (письмо Пушкину от 1 января 1831 г.); Сборник ОРЯС, 1880, т. XX, № 5, стр. 154—155 (письмо Максимовичу 12 января 1831 г.); Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825—1874 годов. (Из Остафьевского архива). СПб., 1904, стр. 188, 189.

¹⁶ См.: С. И. Пономарев. М. А. Максимович. СПб., 1872, стр. 12 и сл. — О степени этой близости можно судить, в частности, и по позднейшим заметкам Максимовича об издании сочинений Пушкина под ред. П. В. Анненкова. Касаясь эпиграмм на Булгарина, помещенных в 7-м томе анненковского издания и ранее опубликованных в «Деннице» («Не то беда, Авдей Флюгарин» и «Поверьте мне, Фиглярин-моралист»), Максимович указывает на принадлежность Пушкину только первой из эпиграмм; вторую, по его словам, при нем написал Баратынский. «Пушкин, по приезде в Москву, любовался этою эпиграммою; рукою властно он зачеркнул в последнем стихе: „может быть“ и надписал „кажется“. С этою переменной и напечатан в „Деннице“ последний стих» (В. Науменко. По поводу двух эпиграмм Пушкина на Ф. Булгарина. «Вестник Европы», 1887, № 5, стр. 409—410).

¹⁷ Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому, стр. 188. Об интересе Пушкина к «киргизской теме», начавшемся еще в 1820-е годы, см. подробно: Л. А. Шейман. Пушкин и киргизы. Киргизское учебно-педагогическое изд., Фрунзе, 1963, стр. 11—33. — Добавим к наблюдениям Л. А. Шеймана, что как раз в январе 1831 г. в «Литературной газете» печатаются два больших фрагмента из интересовавшей Пушкина книги А. И. Левшина о киргизах: «Этнографические известия о киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих ордах. (Выписки из большого сочинения)». «Литературная газета», 1831, № 2 (6 января), стр. 11—12; № 3 (11 января), стр. 19—22.

из Москвы в Петербург где-то в десятых числах января. Между тем 14 января скончался Дельвиг после нескольких дней тяжелой болезни; 17 января были похороны; в это время Сомов газетой не занимался, и все материалы очередных номеров лежали без движения. 20 января в «Северной пчеле» появляется цитированный нами отзыв о «Киргиз-кайсаке»; через три дня, 23 января, Щеглов представляет в цензурный комитет рецензию «Литературной газеты», поданную Сомовым накануне, быть может, как контрвыступление. Так можно гипотетически представить себе дальнейшую судьбу статьи.

Своеобразие условий, в которые попадает газета в начале 1831 г., позволяет объяснить и появление подписи «Изд.». Сразу же скажем, что подпись эта не всегда является достаточным основанием для атрибутирования. Статья Дельвига о «Борисе Годунове» в № 1 газеты за 1831 г. (от 1 января) также была подписана «Изд.», хотя официально издателем газеты в это время был не Дельвиг, а Сомов. Статья о «Киргиз-кайсаке» могла быть только анонимной: она продолжала полемику о «литературной аристократии», которую правительство стремилось решительно пресечь. Вспомним, что несколько месяцев назад Бенкендорф настойчиво доискивался имени автора статьи с «avis au lecteur». Последовавшее запрещение газеты за стихи Делавина обеспокоило Вяземского; будучи в курсе цензурной политики, он опасался, что возможно преследование авторов запрещаемых статей, и писал об этом Дмитриеву 14 декабря.¹⁸ Опасения были не лишены оснований: как раз в это время в цензурных инстанциях разбирался вопрос об ответственности авторов и недопущении анонимных статей. 29 декабря последовало высочайшее повеление о запрещении анонимов; 30 декабря оно стало известно в цензуре.¹⁹

12 января Максимович сообщал об этом постановлении Вяземскому.²⁰ Вяземский немедля (14 января) написал Пушкину: «Что это за новое дополнение к цензуре, что все статьи в журналах должны быть за подписью автора или переводчика? Не смешно ли видеть русское самодержавие, которое возится с нашею литературой (или д) урочкою? Уж и та ее пугает. <...> Уж и это не штука ли Булгарина против Литературной Газеты, чтобы заставить нас демаскироваться? <...> Булгарину с братьею огласки бояться нечего, а между тем надеются они, что нам иногда стыдно будет без маски пройти между ими. — Что-нибудь, а придумать надобно, чтобы вырвать литературу нашу из рук Булгарина и Полевого»

¹⁸ «Русский архив», 1868, стлб. 615.

¹⁹ М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. М., 1908, стр. 58 и сл.; А. В. Никитенко. Дневник, т. 1. Гослитиздат, М., 1955, стр. 95 и комм. стр. 481.

²⁰ Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому, стр. 190.

(XIV, 144). Существуют довольно многочисленные свидетельства, что Сомов, начиная с 1827 г., последовательно сохранял тайну анонимов Пушкина, скрывая имя автора от цензора газеты, от Бенкендорфа и даже от близких Пушкину литераторов, например Катенина.²¹ Появление маскирующей подписи «Изд.» в начале 1831 г., в условиях обострившегося цензурного надзора, становится, таким образом, объяснимым и совершенно естественным, и могло быть инициативой как автора статьи, так и самого Сомова.

Принадлежность Пушкину рецензии на «Киргиз-кайсака», устанавливаемая здесь на основании косвенных данных, требует прямых документальных подтверждений, которыми в настоящее время мы не располагаем. Однако, если в результате дальнейших исследований гипотеза и не подтвердится, статья о «Киргиз-кайсаке» не теряет права на внимание историков пушкинской литературной среды; мало того, она становится загадкой, настоятельно требующей уточнения и даже пересмотра сложившихся представлений о связи Пушкина с газетой на различных этапах ее существования и о степени восприятия редакторами газеты пушкинских социальных концепций и элементов пушкинского литературного стиля.

²¹ Катенин вспоминал: «Попалась мне там (в «Литературной газете», № 13 от 2 марта 1830 г., — В. В.) статья без подписи под заглавием „Ассамблея при Петре Первом“; я узнал перо Пушкина и спросил у Сомова, справедлива ли моя догадка? Он отвечал что нет, что писал другой, кого, однако, назвать не может, ибо автор желает быть неизвестным. Не очень ему веря, я черкнул, наоборот, что тем лучше, коли есть другой, и давай бог третьего, кто бы писал не хуже Пушкина. Хитрость не удалась, и Сомов признался с позволения сочинителя, который, видя что меня обмануть нельзя, взял письмо со стола и в кармане унес домой» («Литературное наследство», 1934, т. 16/18, стр. 638). Другие примеры утаивания авторства Пушкина (на этот раз от Бенкендорфа и цензора К. С. Сербиновича) содержатся в неопубликованных письмах Сомова к Сербиновичу, подготовленных нами к печати.

Р. В. ИЕЗУИТОВА

ПИСЬМО ПУШКИНА к П. А. ОСИПОВОЙ

Автограф интересующего нас письма Пушкина к П. А. Осиповой, подаренный в 1899 г. внучкой Осиповой — М. Б. Карповой — в Публичную библиотеку, в настоящее время хранится в Пушкинском доме.¹ Впервые упомянутое в печати в 1903 г.,² оно было опубликовано и прокомментировано Н. О. Лернером. Основываясь на данных Б. Л. Модзалевского, Лернер разъяснял, что в письме Пушкина речь идет о многолетней судебной тяжбе П. А. Осиповой с соседом по имени Сергеем Ивановичем Пуцциным, «по смерти которого» она «судилась с его сыном, генерал-майором Павлом Сергеевичем Пуцциным. О нем-то и упоминает в настоящем письме Пушкин. Письмо Пушкина к нему, о котором говорит поэт, не дошло до нас».³

Лернеру принадлежит и первая, весьма приблизительная датировка данного письма. На основании «почерка подлинника» Лернер относил его к началу 30-х годов.⁴ Однако это предположение исследователя опровергается фактами биографии Пушкина. Судя по содержанию письма, адресованного П. А. Осиповой (с которой поэт расстался «вчера» и надеется увидеться «сегодня») и касающегося П. С. Пуццина (которому «только что» написано «насчет его дела» и от которого ответ ожидается «завтра»), оно должно было быть написано только в Михайловском, так как подобное общение Пушкина, Осиповой и Пуццина могло иметь место лишь в Псковской губернии, где были расположены в весьма близком соседстве имения: Михайловское, Тригорское и принад-

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1352. — Письмо оказалось пропущенным в Полном собрании сочинений Пушкина (изд. АН СССР, М.—Л., тт. I—XVI, 1937—1949). Было напечатано дополнительно: Пушкин. Справочный том. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 73.

² Отчет имп. Публичной библиотеки за 1899 г. СПб., 1903, стр. 152.

³ «Былое», 1906, № 12, стр. 235; см. также: «Нива», 1912, № 5, стр. 98.

⁴ Лернер считал возможным датировать настоящее письмо и 1829 годом. См.: Труды и дни Пушкина, изд. 2, исправленное и дополненное. СПб., 1910, стр. 381.

лежавшие Пушкину Жадрицы Новоржевского уезда. Если учесть, что с октября 1827 г. по май 1835 г. Пушкин в Михайловском не бывал, то ошибочность датировки Лернера несомненна.⁵

В таком случае остается предположить, что недатированное письмо Осиповой было написано либо во время пребывания Пушкина в Михайловском в 20-е годы, либо в одну из поездок туда в 1835—1836 годах. В изданном уже в советское время собрании сочинений Пушкина (т. VI, «Academia», М., 1938, стр. 450) оно также было напечатано в разделе «Письма неизвестных годов», однако с более определенной (хотя и предположительной) датой, приуроченной к двум посещениям Михайловского: в конце июля—начале октября 1827 г. или в середине сентября—середине октября 1835 г. Можно согласиться с исключением нескольких кратковременных поездок Пушкина в Михайловское как возможных для определения даты написания письма к Осиповой. Так, вероятно, полностью отпадают майская поездка 1835 г. (всего на 3 дня, с 8 по 12 мая) и апрельская 1836 г. (в связи с похоронами Н. О. Пушкиной). Дошедшие до нас материалы об этих поездках не содержат никаких данных о фактах и лицах, упоминаемых в письме к Осиповой.

Однако следует еще раз вернуться к периоду михайловской ссылки и к двум посещениям Михайловского (в ноябре 1826 г. и в конце июня—начале октября 1827 г.), так как именно на эти годы приходится наибольшее количество сведений, важных для определения даты настоящего письма.

В этой связи представляется необходимым обратиться к истории взаимоотношений Пушкина с П. С. Пуцциным, представляющих собой одно из звеньев декабристских связей Пушкина. «В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пуцциным и Орловым», — признавался Пушкин впоследствии (XIII, № 240).⁶ Встречаем мы его имя в кишиневском дневнике поэта (см. XII, 303). Ему посвящено и послание Пушкина «Генералу Пуццину» (1821).

⁵ Несмотря на то, что Лернер несколько раз привлекал внимание пушкинистов к своей публикации, письмо к Осиповой не вошло ни в одно из дореволюционных изданий Пушкина. Единственным исключением являлась «Переписка» Пушкина под ред. В. И. Сайтова (т. III, СПб., 1914, стр. 458), напечатавшая это письмо в разделе «Писем неизвестных годов», однако из-за отсутствия фактических сведений редактор отказался от попытки установить (хотя бы приблизительно) дату написания настоящего письма.

⁶ Постоянное дружеское общение Пушкина с П. С. Пуцциным отмечает В. П. Горчаков (Выдержки из дневника моих воспоминаний о А. С. Пушкине и других современниках — «Москвитянин», 1850, № 7, кн. 1, отд. I, стр. 196—197), Л. С. Пушкин (Биографическое известие об А. С. Пушкине до 26 года. — «Москвитянин», 1853, № 10, кн. 2, отд. I, стр. 56). Их постоянные контакты подтверждает, по существу, и И. П. Липранди, описывая офицерскую среду, окружавшую Пушкина в Кишиневе (Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди — «Русский архив», 1866, № 8, стр. 1258).

В 10—начале 20-х годов П. С. Пущин принадлежал к кругам прогрессивно настроенного русского офицерства декабристского толка. Его биография (служба в армии, участие в антинаполеоновских войнах, героизм, проявленный в Отечественную войну 1812 г., участие в заграничных походах русской армии и т. д.)⁷ типична для будущего декабриста. Хорошее знание тактики, преданность своему делу, чувство воинского долга, проявившиеся уже в кампанию 1812 г., обеспечивали ему служебный успех, но характерно, что этот успех был связан с непосредственным участием в боевых действиях русской армии, вместе с которой он проделал путь талантливого офицера и патриота, путь, закономерно приведший его в ряды «Союза Благоденствия».⁸

Таким образом, еще до знакомства с кишиневскими декабристами (В. Ф. Раевским, М. Ф. Орловым и др.) П. С. Пущин сформировался как офицер нового прогрессивного типа. В 20-е годы Пущин становится одним из видных деятелей кишиневской ячейки декабристов, возглавляемой М. Ф. Орловым. Будучи бригадным генералом в дивизии М. Ф. Орлова, Пущин, несомненно, проводил в своей деятельности линию, рассчитанную на просвещение и революционную пропаганду среди солдат.⁹ Не оставляет никаких сомнений и оппозиционная, декабристская ориентация организованной им в Кишиневе масонской ложи «Овидий», ставшей предметом пристального внимания властей, результатом которого явилось ее запрещение.¹⁰ По «высочайшему

⁷ «Дневник капитана лейб-гвардии Семеновского полка П. С. Пущина за 1812 г.» и его формулярный список см. в кн.: С. П. Аглаимов. Отечественная война 1812 г. Полтава, 1912, стр. 5—85. — Дневник был начат с момента выступления Семеновского полка в Вильно (в марте 1812 г.), однако в порядок был приведен позднее. В тексте дневника есть заметки и примечания более поздних лет. Особенный интерес представляют записи о начале войны с Наполеоном, а также о важнейших сражениях с французами, очевидцем и участником которых был П. С. Пущин. Любопытно, что в роте П. С. Пущина числились будущие видные декабристы (например, С. Трубецкой); постоянно велись разговоры политического свойства («о Сперанском и Магницком»). В дневнике нередко встречаются высказывания, характеризующие симпатию Пущина к солдатам, его заботу о них, защиту их интересов (см. стр. 7, 8, 10).

⁸ Был, по показаниям С. П. Трубецкого и П. И. Комарова, «членом Союза Благоденствия, но уклонялся и не участвовал в тайных обществах, возникших с 1821 года», поэтому к следствию не был привлечен, хотя и вошел в «Алфавит декабристов» (см.: Восстание декабристов, т. VIII, ГИЗ, 1925, стр. 158, 382).

⁹ См. сохранившееся в архиве Пушкина письмо П. Субботина к П. С. Пущину («Литературный архив», т. I. Изд. АН СССР, М—Л., 1938, стр. 76—77), письмо к Пушкину Л. Герасимовского, младшего офицера Охотского полка, с просьбой походатайствовать за него перед П. С. Пущиным («Литературное наследство», т. 16—18. М., 1934, стр. 578—579). См. также «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, 1956, стр. 7—8, 58, 521—523.

¹⁰ Об этой ложе см.: Н. К. Кульман. К истории масонства в России. «Журнал министерства народного просвещения», 1907, ч. XI, стр. 343—373;

повелению» ее организатор и руководитель — П. С. Пущин — был «взят в особенное замечание», подвергся опале со стороны Александра I. Ни пространные объяснения и оправдания самого П. С. Пущина, ни заступничество П. Д. Киселева и И. Н. Инзова не помогли ему. Подав прошение об отпуске (в связи с болезнью), он по личному распоряжению Александра I получает отставку (28 марта 1822 г.). Недоверие к нему правительства настолько велико, что ему было отказано в паспорте для заграничного путешествия.¹¹

По выходе в отставку П. С. Пущин переселяется в Одессу (в мае—июне 1822 г.),¹² куда в 1823 г. был переведен и Пушкин. В Одессе П. С. Пущин продолжал оставаться одним из тех лиц, с которыми поэт находился в постоянном и тесном общении.¹³ Это общение было прервано внезапным отъездом Пушкина (31 июля 1824 г.) в Михайловскую ссылку. С этого времени следы П. С. Пущина теряются, однако можно предположить, что в 1824—1825 гг. Пущин продолжал жить в Одессе.¹⁴ По данным Б. Л. Модзалевского, Пущин приехал в свое имение в 1826 г., однако более точная дата его приезда неизвестна.¹⁵ По-видимому, в январе 1826 г. его еще не было в Псковской губернии или,

В. Семевский. Декабристы-масоны. «Минувшие годы», 1908, № 3, стр. 163—170; П. Е. Щеголев. К истории пушкинской масонской ложи. «Минувшие годы», 1908, № 5—6, стр. 517—520.

¹¹ См. об этом: Дневник Долгорукова. «Звенья», кн. IX, М., 1951, стр. 88; Н. К. Кульман. К истории масонства..., стр. 13—15, 31—33; Сборник Русского исторического общества, т. 78, СПб., 1891, стр. 354, 371.

¹² См. Дневник Долгорукова, стр. 71, 73, 88. — Переехав в Одессу, Пущин женился на дочери местного полковника А. Бриммера, вдове Аркудиной. Ее родная сестра была замужем за графом Ланжероном, бывшим до назначения М. С. Воронцова управляющим Новороссийским краем (М. Д. Бутурлин. Записки. «Русский архив», 1897, кн. 2, стр. 19).

¹³ См.: И. П. Липранди. Из дневника и воспоминаний, стр. 1474. Ср. с воспоминаниями К. М. Соколовой (урожд. Кирьяковой), записанными с ее слов А. Бергом (К пребыванию А. С. Пушкина в Одессе. «Новороссийский телеграф», 1880, 27 мая, № 1579).

¹⁴ См. подробнее: Пушкин. Статьи и материалы, вып. III (Материалы для биографического словаря известных знакомых Пушкина). Одесса, 1927, стр. 74—75. Сведения об этом периоде жизни Пущина см. также в «Записках» М. Д. Бутурлина. (М. Д. Бутурлин, приехавший в Одессу летом 1824 г. и проживший там до июня 1825 г., снимал квартиру в доме П. С. Пущина и был с ним, вероятно, знаком. Он, безусловно, отметил бы в своих записках отъезд П. С. Пущина из Одессы, если бы таковой имел место). Сведения, идущие из пушкинских мест, также позволяют утверждать, что на протяжении 1824—1825 гг. Пущин не появлялся в своем псковском имении. Так, И. И. Пущин в «Записках о Пушкине» (Гослитиздат, М., 1956, стр. 83) рассказывает о посещении Пушкина 11 января 1825 г. настоятелем Святогорского монастыря, следившим за ссылкой поэтом. Мотивируя свой приезд тем, что он здесь надеялся встретить П. С. Пущина, здешнего помещика и «уроженца великолукского», настоятель сообщает, что «последнего он очень давно не видел». О том, что Пущин все еще в Кишиневе (как он полагал), говорит и И. И. Пущин.

¹⁵ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, стр. 382.

во всяком случае, Пушкину о нем ничего не было известно. Так, в письме Пушкина к В. А. Жуковскому, написанном в 20-х числах января и являющемся чрезвычайно важной вехой в истории отношений Пушкина и П. С. Пущина (XIII, № 240), речь идет лишь о прежнем, кишиневском периоде их дружбы. В этом письме, посланном с надежной оказией, поэт был предельно откровенен и, безусловно, упомянул бы о возвращении П. С. Пущина в свое имение или по крайней мере о своих новых встречах с ним. Итак, с момента отъезда из Одессы до конца января 1826 г. Пушкин и Пущин не виделись, и, следовательно, эти годы должны быть отброшены при установлении даты интересующего нас письма к Осиповой.¹⁶

Наиболее достоверные сведения о пребывании Пущина в Жадрицах относятся к концу июля 1826 г. Они исходят от посланного правительством тайного агента А. К. Бошняка, командированного в Псковскую губернию для «обстоятельного исследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян».¹⁷

В какой степени Пущин был причастен к приезду Бошняка? Вопрос этот важен, так как в донесении тайного агента П. С. Пущин прямо назван источником слухов, «сделавшихся причиною моего отправления».¹⁸ Однако настоящая причина была в другом. Командировка Бошняка была связана с мероприятиями правительства по подавлению крестьянских восстаний в Петербургской, Псковской и Смоленской губерниях.¹⁹ Проведя тщательное расследование и опросив многочисленных свидетелей, Бошняк убедился в полной невинности Пушкина. Важная роль в вынесении тайным агентом окончательного заключения по делу Пушкина принадлежала показаниям Пущина. Анализируя их, следует учитывать политическую ситуацию, наступившую после разгрома декабрьского восстания. Сознание шаткости собственного положения диктовало Пущину осторожность в разговоре с человеком, которого он мало знал. (Бошняк выдавал себя за случайного знакомого графа Ланжерона).

¹⁶ Отпадают также февраль и март 1826 г., когда П. А. Осипова уезжала в свое Тверское имение Малинки. Вернулась она в начале апреля (см.: *Летопись жизни и творчества Пушкина*, т. I. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 683, 695).

¹⁷ А. Шилов. К биографии Пушкина. «Былое», 1918, № 2, стр. 72 и сл. То же: Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. «Атеней», 1925, стр. 20—34.

¹⁸ А. Шилов. К биографии Пушкина, стр. 74.

¹⁹ См.: Г. Дейч и Г. Фридлендер. Пушкин и крестьянские волнения 1826 г. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 195—210. — Исследователи справедливо, по нашему мнению, считают, что донос на Пушкина не исходил от Пущина. «Автором доноса был, скорее всего, какой-нибудь правительственный агент, которому был поручен надзор за самим Пущиным, как за причастным к декабристскому движению» (там же, стр. 206).

Вместе с тем, извращая позицию и облик Пушкина («говорун, часто возводящий на себя небылицу», «столь болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его себе присвоить» и т. п.), Пушкин стремился отвести от него подозрения в намерениях «противу правительства». По всей вероятности, это диктовалось также стремлением как-то реабилитировать и себя. Из боязни навлечь на себя подозрение в общении со ссыльным поэтом, Пушкин мог умолчать о встречах с Пушкиным, однако приводимые им факты не обнаруживают знания конкретных обстоятельств жизни Пушкина в деревне. Он подчеркивает, что «Пушкин ни с кем не знаком и ни к кому не ездит, кроме одной госпожи Есиповой».²⁰ Выслушав Пушкина, Бошняк приходит к выводу, что «все собранные в доме Пушкиных сведения основываемы были, большей частью, не на личном свидетельстве, а на рассказах, столь обыкновенных в деревнях и уездных городках».²¹ Этот вывод важен, так как он позволяет предположить, что летом 1826 г. Пушкин либо вовсе не виделся с П. С. Пушкиным, либо эта встреча носила случайный характер и не способствовала восстановлению прежней дружеской близости.

Имеется, однако, мемуарное свидетельство о том, что в период Михайловской ссылки Пушкин и Пушкин не только встречались, но и постоянно дружески общались. Оно принадлежит К. М. Соколовой (Кирыяковой), на воспоминания которой нам уже приходилось ссылаться выше.²² Она пишет: «Какая-то неразрывная связь существовала между Александром Сергеевичем Пушкиным и Павлом Сергеевичем Пушкиным не только в Одессе, где они нас посещали, но и в Кишиневе, и в Пскове... Впоследствии, когда Александр Сергеевич, был отправлен в свое имение Михайловское (Псковск. губ.), Пушкин снова является его другом. Из Михайловского Александр Сергеевич начинает учазать в Жадрипы, имение Павла Сергеевича Пушкина, отстоящее в 3-х верстах от Михайловского».

Далее приводится эпизод с лошадью, которую Пушкин по приезде в Жадрицы якобы отпускал со словами: «Даю тебе свободу, когда сам ее не имею...». И конь рысью возвращался в Михайловское, а Пушкину приходилось обратно отвозить поэта в соб-

²⁰ «Былое», 1918, № 2, стр. 75.

²¹ Там же.

²² К пребыванию А. С. Пушкина в Одессе (из воспоминаний одеситки). «Новороссийский телеграф», 1880, 27 мая, № 1579. — Несмотря на ряд ошибок, которые нетрудно обнаружить, в ее воспоминаниях приведены и факты, несомненно, имевшие место. В тех случаях, когда она передает эпизоды, свидетельницей которых была, подаются лишь отдельные неточности. В других случаях она вспоминает не факты, а слухи, бытовавшие во время пребывания Пушкина в Одессе, или услышанные ею разговоры о поэте. Некоторые из ее сведений явно книжного происхождения (например, о кончине Пушкина).

ственном экипаже».²³ Этот эпизод, несколько перефразированный, фигурирует в показаниях Пущина Бошняку, где говорится, что Пушкин «иногда ездит верхом и, достигнув цели своего путешествия, приказывает человеку своему отпустить лошадь одну, говоря, что всякое животное имеет право на свободу».²⁴ Трудно сказать, были ли эти слова действительно сказаны при посещении Пущина или последний слышал их от кого-то из псковских помещиков (а впоследствии «присоединил» их к своим псковским воспоминаниям), однако это совпадение позволяет считать источником информации К. М. Соколовой (в той части ее воспоминаний, где она касается Михайловской ссылки) самого П. С. Пущина, который в конце 20-х годов (и позднее) бывал в Одессе и мог встречаться с К. М. Соколовой.

Что дают воспоминания К. М. Соколовой? Они подтверждают факт общения Пушкина и Пущина в Псковской губернии, однако на их основании нельзя датировать эти общения периодом Михайловской ссылки. Если Пущин приехал в Псковскую губернию в 1826 г., а ссылка Пушкина в Михайловское окончилась в ночь на 4-е сентября, то речь, таким образом, может идти лишь о промежутке времени, получившем известное освещение в донесениях Бошняка. Между тем изучение написанной им «Записки о Пушкине», содержащей записи подлинного разговора с П. С. Пущиным, по нашему мнению, не дает материала для вывода о контактах в период михайловской ссылки.

Остается предположить, что эти встречи (или по крайней мере встреча) происходили позднее, а следовательно, и записка Пушкина к П. А. Осиповой «васчет дела» Пущина также была написана позднее.

В ноябре 1826 г. Пушкин снова приезжал в Михайловское.²⁵ Эта двухнедельная поездка, предпринятая для составления записки «О народном воспитании», представляется нам мало подходящей для возобновления старого знакомства и для участия в тяжбе, которую вели его соседи и знакомые. И все же возможность встречи Пушкина с П. С. Пущиным в это время не исключается полностью, хотя, конечно, следует принять во внимание, что в написанном на обратном пути (из Пскова) письме к кишиневскому приятелю Н. С. Алексееву (бывшему одновременно и близким другом Пущина) Пушкин по-прежнему упоминает о Пущине, как о кишиневском знакомце, участнике дружеских пиров, и ничего не пишет о своем нынешнем соседстве с ним (см. XIII, 299).

Наиболее вероятной датой написания записки к Осиповой нам представляется конец июля—начало октября 1827 г. Пушкин

²³ Там же.

²⁴ «Былое», 1918, № 2, стр. 74.

²⁵ См. запись Осиповой в «Месяцеслове» (Пушкин и его современники, вып. 1, СПб., 1903, стр. 141).

приехал в Михайловское надолго, с целью поработать в любимое им осеннее время. В этот свой приезд он активно общается с Осиповыми. Его посещает А. Н. Вульф.²⁶ С другой стороны, изменилось и собственное положение поэта: из политического ссыльного он (в глазах своих соседей, помещиков Псковской губернии) превратился в человека, которому покровительствует сам император. Это позволяет предположить, что П. С. Пущин (в свое время напуганный событиями 14 декабря и опасавшийся преследования ввиду своей причастности к декабризму) мог теперь, не боясь неблагоприятных последствий, возобновить свое прежнее знакомство с Пушкиным, результатом которого явилось не дошедшее до нас письмо Пушкина к Пущину («насчет его дела») и письмо к Осиповой, касающееся этого «дела» (т. е. тяжбы Пущина с Осиповой).

Итак, известные ныне материалы о взаимоотношениях Пушкина и Пущина, сведения о посещении последним своего псковского имения, упоминания имени Пущина в переписке Пушкина относятся к 1820-м годам. Взятые в совокупности и сопоставленные друг с другом, они позволяют приурочить дату письма Пушкина к Осиповой к поездке в Михайловское летом—осенью 1827 г.²⁷

Именно этот год, как нам представляется, следует считать крайней датой в истории взаимоотношений Пушкина и Пущина. В более поздние годы их знакомство, по-видимому, полностью прекратилось. По проникшим в печать сведениям в 1830-е годы П. С. Пущин вернулся на военную службу: в 1830—1831 г. он участвовал в подавлении польского восстания. Видимо, его «заслуги» были настолько велики, что в октябре 1835 г. ему был пожалован майорат в царстве Польском.²⁸ В 1850-е годы Пущин проживал в Одессе,²⁹ где и скончался в 1865 г.

²⁶ См.: А. Н. Вульф. Дневники. «Федерация», М., 1929, стр. 135—137.

²⁷ Для установления более точной даты в настоящее время нет необходимых данных. Так, остается неизвестной дата отъезда Пущина из Псковской губ. Есть сведения, что в 1828—1829 гг. он жил в Одессе, где с ним встречался А. Скальковский (см.: А. Скальковский. К биографии Пушкина. «Одесский вестник», 1880, 25 июля, № 168).

²⁸ См.: «Русская старина», 1893, т. 78, стр. 155, 157. — Служба Пущина в армии делает невозможной встречу с Пушкиным в Михайловском осенью 1835 г., а следовательно, отпадает вторая дата, выдвинутая в свое время комментаторами писем Пушкина (т. VI, «Academia», М., 1938, стр. 450).

²⁹ К. Зеленецкий, собиравший в Одессе сведения о Пушкине, беседовал с П. С. Пущиным, на которого он неоднократно ссылается в своей работе (см.: К. Зеленецкий. Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишиневе и в Одессе. «Москвитянин», 1854, № 9, стр. 3—16).

А. А. ШТЕЙНБЕРГ

ПУШКИН и Е. Д. ПАНОВА

Общественный резонанс, вызванный появлением в печати знаменитого «Философического письма к Г-же***» П. Я. Чаадаева, до сих пор изучен лишь в общих чертах, хотя он неоднократно привлекал внимание исследователей. Известно, что споры вокруг письма носили ярко выраженный политический характер. Об этом вспоминают Герцен, Жихарев, Свербеев;¹ можно добавить и очень характерное неопубликованное свидетельство М. А. Дмитриева. «Первое письмо, — записывал Дмитриев, — особенно замечательно: в нем было много горькой правды, сказанной резко, но метко и красноречиво, хоть и не всегда верно... Николай I, — продолжал мемуарист, — смотрел неблагоприятно на литераторов, как на людей мыслящих, следовательно опасных деспотизму... Понятие о просвещении не отделялось в его голове от мысли о бунте; а бунтом почитал он всякую мысль, противную деспотизму...».²

Полемика о проблемах, поднятых Чаадаевым, оставалась поэтому достоянием устных бесед в тесных кружках Москвы и Петербурга. Сведения о ней в переписке современников многочисленны, но фрагментарны и крайне сдержанны: доверяться бумаге было небезопасно. Когда друзьям Пушкина стало известным содержание его ответа Чаадаеву 19 октября 1836 г., К. Россет спешил отсоветовать ему посылать письмо по почте (Акад., XVI, стр. 176).

Позиция Пушкина в споре о затронутых Чаадаевым общественных и исторических проблемах устанавливается на основании

¹ См.: А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. VI. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 217—218, 518; т. IX, 1956, стр. 138—141; М. И. Жихарев, П. Я. Чаадаев. Из воспоминаний современника. «Вестник Европы», 1871, № 9, стр. 30—33; Д. Н. Свербеев. Воспоминания о П. Я. Чаадаеве. «Русский архив», 1868, № 6, стлб. 976—1001. См. также: М. Гершензон. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб., 1908, стр. 140—145; М. Лемке. Николаевские жандармы и литература (1826—1855). СПб., 1908, стр. 408 и сл.

² М. А. Дмитриев. Воспоминания. РО ГБЛ, шифр М. 8184/2, стр. 338, 339.

его письма от 19 октября. Однако письмо, конечно, не охватывает всей совокупности волновавших Пушкина тем; не обо всем он мог и сообщить Чаадаеву. 3 (15) ноября С. Н. Карамзина в письме брату передавала слова Пушкина о цензуре, сказанные в связи с закрытием «Телескопа» и обрушившимися на Чаадаева репрессиями.³ Это не случайная фраза; это отзвук споров, которые вел Пушкин, остро интересуясь происходящим. И сразу же возникает вопрос: насколько широка была информированность Пушкина, что он знал достоверно о судьбе лиц, связанных с «Философическим письмом»?

Сохранившиеся материалы не позволяют ответить сколько-нибудь полно на этот немаловажный вопрос, но позволяют выдвинуть некоторые гипотезы.

23 ноября 1836 г. Д. Давыдов отвечает Пушкину на не дошедшее до нас письмо, посланное не по почте, а с оказией: «Ты спрашиваешь о Чаадаеве? Как очевидец я ничего не могу сказать тебе о нем; я прежде к нему не ездил и теперь не ездю... Мне Строганов рассказал весь разговор его с ним; весь, — с доски до доски! Как он, видя беду неминуемую, признался ему, что писал этот пасквиль на русскую нацию немедленно по возвращении из чужих краев, во время сумасшествия, в припадках которого он посягал на собственную свою жизнь; как он старался свалить всю беду на журналиста и на цензора... Но это просто гадко, а что смешно, это скорбь его о том, что скажут о признании его умалишенным знаменитые друзья его, ученые Balanche, Lamené [sic!], Guisot и какие-то немецкие Шустера-Метафизики! Но полно; если б ты не вызвал меня, я бы промолчал о нем; я не люблю разочаровывать; впрочем, спроси у Тургенева, который на днях поехал в Петербург, он, может, расскажет происшествие это не так, как я, и успокоит на счет *Католички*» (Акад., XVI, стр. 194).

Письмо Давыдова, носящее печать личного недоброжелательства и идейных разногласий с Чаадаевым, лишь частично позволяет восстановить содержание запроса Пушкина. Неясно, в частности, что скрывается за названием «Католичка».

Быть может, это ироническое перенесение на самого Чаадаева давидовской формулы «старых барынь духовник» (в «Современной песне»). В именном указателе, частично заменяющем комментарий в шестнадцатитомном академическом издании Пушкина, «Католичка» раскрыта как «С. П. Свечина», по-видимому, по аналогии со «знаменитыми друзьями» — парижскими католическими писателями; с 1815 г. Свечина жила в Париже и была хозяйкой знаменитого католического салона; с ней был тесно связан А. Тургенев. Однако контекст письма делает такую рас-

³ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 278, 128 (русский перевод).

шифровку маловероятной: «беспокойство» Пушкина «на счет» Свечиной, во всяком случае, не оправдано. Возможно высказать еще одно предположение, уже имеющее за собой некоторую комментаторскую традицию.

В 1893 г. А. О. Круглый в примечаниях к сочинениям Д. Давыдова указал, что «Католичка» — Екатерина Дмитриевна Панова, урожденная Улыбышева — адресат «Философических писем».⁴ Предположение это представляется нам наиболее вероятным.

До нас дошло немного сведений о Е. Д. Пановой.⁵ В 1836 г. ей было 32 года. Она была сестрой поэтессы Елизаветы Улыбышевой, автора довольно широко известных в свое время сборников стихов на французском языке,⁶ и Александра Дмитриевича Улыбышева, талантливого писателя-музыковеда, получившего известность своими книгами о Моцарте и Бетховене.⁷

А. Д. Улыбышев был активным членом «Зеленой лампы»; его перу принадлежали три публицистические статьи; последняя из них — «Сон» («Un rêve»), читанная на 13-м заседании Общества, содержала антидеспотическую и антиклерикальную программу, разделявшуюся и другими членами Общества, в частности Пушкиным.⁸ Знакомство Пушкина и Улыбышева вряд ли может вызывать сомнения, хотя никаких сведений о степени их близости нет. Архив Улыбышева, завещанный им вместе с библиотекой сестре — Е. Д. Пановой, не сохранился, как не сохранился и его дневник, очевидно, содержащий сведения первостепенного значения.⁹

⁴ Д. В. Давыдов, Сочинения, т. III. СПб., 1893, стр. 212 (письмо ошибочно датировано 1835 г.).

⁵ Небольшая справка о Пановой приведена у М. Гершензона (П. Я. Чаадаев, стр. 202—203).

⁶ Elise d'Oulibicheff. 1) Etincelles et cendres. M., 1842; 2) Epines et lauriers. M., 1845; 3) Journal d'une solitaire. M., 1853; Последняя песнь лебедя. M., 1864. — Предисловия к сборникам, на французском и русском языках, дают некоторые подробности биографий братьев и сестры поэтессы. В сборниках встречаются переводы на французский язык стихов русских поэтов, в том числе «Погасло дневное светило» и «Старый муж» Пушкина. О Ел. Улыбышевой см.: Н. Н. Голицын. Библиографический словарь русских писателей. СПб., 1889.

⁷ 1) Nouvelle biographie de Mozart... par Alexandre Oulibicheff. M., 1843 (русский перевод — M., 1890—1892); 2) Beethoven, ses critiques et ses glossateurs. Par Alexandre Oulibicheff. Leipzig—Paris, 1857.

⁸ Анализ статей Улыбышева см.: Б. Томашевский. Пушкин. Книга первая (1823—1824). Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 227—234.

⁹ А. Гадиский. Александр Дмитриевич Улыбышев (1794—1858). «Русский архив», 1886, № 1, стр. 63; П. Усов. Люди нижегородского Поволжья. «Исторический вестник», 1885, № 2, стр. 469. — Единственная известная тетрадь дневника Улыбышева за 1843—1844 гг. опубликована М. И. Арносоном («Звезда», 1935, № 3, стр. 178—197); некоторые сведения об истории ее обнаружения см. в воспоминаниях П. Тихонова «Люди больших высот» («Знамя», 1963, № 6, стр. 78—82).

Летом 1827 г. мы находим Панову под Москвой вместе с ее мужем, агрономом Василием Максимовичем Паповым. Здесь она знакомится с П. Я. Чаадаевым, жившим по соседству у своей тетки А. М. Щербатовой. В конце 20-х годов между Пановой и Чаадаевым завязывается переписка, деловая (В. М. Панов занял у Чаадаева деньги), а затем дружеская. Панова пишет по поводу мучивших ее идейных сомнений, в частности по вопросам религии.¹⁰ Ответом Чаадаева явились «Философические письма».

Большинство биографов Чаадаева, говоря о «Философических письмах», ограничивается лишь беглым упоминанием о Пановой, как адресате писем. Иногда даже подчеркивается случайность ее взаимоотношений с Чаадаевым. Так, М. И. Жихарев в своей «Докладной записке потомству о П. Я. Чаадаеве» пишет, что «никакой роли в жизни Чаадаева она не играла... Когда правительство вмешалось в это дело, госпожу Панову даже и не беспокоили...».¹¹ Резко отрицательный отзыв о Пановой дает С. А. Соболевский в письме Жихареву по поводу его «Записки». «Я до сих пор не могу понять, — заключает он, — как мог Чаадаев компрометироваться письмом к ней и даже признаваться в ее знакомстве».¹²

Однако существуют и другие отзывы. М. Н. Лонгинов говорит о «близкой приятности» Пановой, «молодой, любезной женщины», и Чаадаева. «Ее дом, — пишет он, — был почти единственным привлекавшим его <Чаадаева> местом...».¹³

Как бы то ни было, Панова была известна в московском обществе, о чем свидетельствует и сестра ее — Елизавета Улыбышева, говоря о ней как о «заметной фигуре».¹⁴ Нужно думать, имя адресата «Философических писем» (на которого был сделан намек в самом названии рукописи — «Философические письма к Г-же ***») не было секретом и для Пушкина. В 1831 г. он встречается с Чаадаевым в Москве и получает от него рукопись нескольких писем для издания;¹⁵ 6 июля 1831 г. в письме Чаадаеву он пишет: «Мне кажется, что начало слишком связано

¹⁰ Одно из ее писем к П. Я. Чаадаеву опубликовано М. О. Гершензоном (П. Я. Чаадаев, стр. 201—202; перепечатано: П. Я. Чаадаев, Сочинения и письма, т. I, М., 1913, стр. 372—373).

¹¹ См. рукопись «Записки»; хранится в Рукописном отделе Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 103, п. 1032/90).

¹² Письмо без даты. РО ГБЛ, ф. 103, 1033а/37. Изложение письма и отдельные выдержки см.: В. В. Стасов. Петр Яковлевич Чаадаев. (Биографический очерк). «Русская старина», 1908, № 2, стр. 274; см. также: М. Гершензон. П. Я. Чаадаев, стр. 202.

¹³ М. Н. Лонгинов. Воспоминание о П. Я. Чаадаеве. «Русский вестник», 1862, № 11, стр. 141—142.

¹⁴ E. d' Oulibicheff. Pensées et soucis, М., 1843.

¹⁵ См. сводку данных об этом: Пушкин. Письма, т. III (1831—1833). Под ред. и с прим. Л. Б. Модзалевского. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 332—333.

с предшествовавшими беседами, с мыслями, ранее развитыми» (Акад., XIV, стр. 187; подлинник по-французски). Представляется, что это замечание — результат не только чтения писем, но и осведомленности в истории их создания.

Не исключена возможность, что тогда же состоялось и личное знакомство Пушкина с Пановой, в 1830-х годах жившей в Москве.

Таким образом, озабоченность Пушкина судьбой Пановой в 1836 г. имела реальные основания. К середине ноября, когда, по-видимому, Пушкин отправил Давыдову свое письмо с вопросом о «Католичке», произошли некоторые события, дававшие повод для беспокойства.

30 октября А. Тургенев сообщает из Москвы Вяземскому, что у Чаадаева накануне отобрали все бумаги, среди которых находилась записка Балаша Тургеневу с похвалой чаадаевскому письму. «Но это не письмо ко мне, и не к даме», — замечает Тургенев. И далее, в письме 1 ноября, пользуется тем же обозначением «Философического письма» — *«известное письмо к даме»*.¹⁶ Арест чаадаевских бумаг грозил вовлечь в следствие многих лиц и в первую очередь, конечно, «даму», которой было адресовано письмо. К 11 ноября были отобраны бумаги у Надеждина, Белинского и переводчика статьи (по-видимому, Н. Х. Кетчера).¹⁷ 12 ноября прошел слух, что Чаадаева велено посадить в сумасшедший дом или выслать, если он здоров.¹⁸ Тогда же, 12 ноября, Тургенев сообщает о визите Чаадаева графу Строганову, о котором писал Пушкину и Давыдов. Вероятно, числа 17 или 18, когда было получено письмо Тургенева, Пушкин и отправил Давыдову свой запрос, не дошедший до нас.

Последовавшие события показали, что имя и судьба Пановой оказались тесно связанными с «Философическими письмами». Слова Жихарева, что Панова была в стороне от следствия, требуют коррективов. 17 декабря 1836 г. Московское губернское правление освидетельствовало умственные способности Екатерины Дмитриевны Пановой по просьбе ее мужа и определило считать ее сумасшедшей и поместить в лечебное заведение.¹⁹

Версию о сумасшествии Пановой поддержал и сам Чаадаев в письменных объяснениях московскому обер-полицеймейстеру Л. М. Цынскому; при этом он категорически отрицал свои сколько-нибудь тесные связи с «безумной женщиной». Заявление Чаадаева о болезненном состоянии Пановой основывалось не на личных его впечатлениях, а на заключении губернского правления, возможно, даже переданного через третьи руки. Подавая

¹⁶ Остафьевский архив князей Вяземских, т. III. СПб., 1899, стр. 343, 344, 346.

¹⁷ Там же, стр. 357.

¹⁸ Там же, стр. 359.

¹⁹ М. Л е м к е. Николасские жандармы и литература, стр. 448—449.

свои объяснения, Чаадаев явно стремился оградить себя от политических преследований; он опасался, чтобы правительство не заподозрило его во внушении Пановой сочувствия к польским революционерам, за которых она, по собственному признанию, «молилась в 1831 году». Достаточно пострадав, Чаадаев стремился убедить власти, что не разделяет «мнения ныне бредствующих умствователей».²⁰

Трудно предположить, что применение одних и тех же санкций к автору «Философических писем» и их адресату (Панова как адресат писем была известна полиции и III Отделению; это-то и вызвало беспокойство Чаадаева) — результат простого совпадения.

Дело отчасти разъясняется письмом Е. Д. Пановой к Чаадаеву, сохранившимся в его архиве. Оно занимает пять листов почтовой бумаги и писано мелким, нервным почерком, без знаков препинания и с орфографическими ошибками.²¹

Письмо Пановой рассказывает о событиях, предшествовавших ее освидетельствованию Московским губернским правлением. После официального объявления Чаадаева сумасшедшим Панов активизировал свою деятельность; оно давало своего рода прецедент и, быть может, подсказало Панову способ избавиться от жены, удовлетворив при этом свои корыстные расчеты. И здесь небезынтересно привести одно свидетельство о В. М. Панове, принадлежащее перу уже упомянутого нами М. А. Дмитриева. Рассказывая об учреждении Николаем I тайной полиции, он пишет: «... Москва наполнилась шпионами. Все промотавшиеся купеческие сынки; вся бродячая дрянь, неспособная к трудам службы; весь обор человеческого общества подвинулся отыскивать добро и зло, загребая с двух сторон деньги; и от жандармов за шпионство, и от честных людей, угрожая доносом... О некоторых проходили слухи, что они принадлежат к тайной полиции. Я знал двоих из таких лиц...». И на полях «Воспоминаний» Дмитриев записывает имена: сенатора Нечаева и ... Василия Максимовича Панова.²²

Если эти сведения верны, то можно утверждать, что тайная полиция явилась связующим звеном между имущественными претензиями Панова и политической неблагонадежностью его жены.

Нет ничего невероятного в том, что какие-то слухи о семейной трагедии Пановой просачивались за пределы дома и, становясь достоянием общества, доходили и до Пушкина. Упоминание «Католички», таким образом, находит себе общественный и бытовой контекст.

²⁰ Там же, стр. 449—450.

²¹ РО ГБЛ, ф. 103, 1032/41.

²² М. А. Дмитриев. Воспоминания, стр. 211.

Il faut d'abord que je commence par vous demander pardon, Monsieur, de vouloir pour ainsi dire vous forcer à vous occuper de moi, il est bien vrai que c'est un sentiment égoïste qui me porte à vous écrire cette lettre, mais soyez indulgent, la supériorité l'est toujours. J'ai tant souffert et mon existence continue à être si agitée que je cherche un peu de calme et de repos, là où j'espère les trouver, je me rapelle si bien le temps où quelques lignes de votre part, quelques paroles comme vous savez les dire, faisaient rentrer la paix et la résignation dans un coeur qui dès lors avait déjà fait le sacrifice de tout espoir de bonheur sur cette terre! . .

Hier il m'était impossible de vous parler, je n'éprouvais qu'un trouble extrême en votre présence, j'aurais voulu que sans m'exprimer par des paroles, j'eusse pu dévoiler et mes sentiments, et toutes les souffrances de ma situation, pardonnez de grâce à mon inconvenante sincérité, il me semble que vous étiez prévenu contre moi et cette idée fausse peut-être me glaça, la présence de personnes étrangères m'empêcha aussi de vous parler comme je désirais le faire depuis longtemps, je veux donc vous écrire, lisez cette lettre et *croyez-moi*, si vous ne pensez pas que je suis une femme avilie et méprisable, comme Panoff peut-être a cherché à le persuader, mais après cette lecture jetez cette lettre au feu, le contenu n'a été connu que de ma mère, dont peut-être cette cruelle confidence a abrégé la vie, mes frères et ma soeur l'ignorent par des raisons que vous apprécierez sans doute; si vous vous étonnez, Monsieur, pourquoi je vous fais part de ces horribles détails, je vous dirai dans toute la sincérité de mon coeur qu'il n'y a pas d'homme pour lequel j'éprouve une aussi haute estime; j'ai eu la présomptueuse folie de vouloir braver le jugement de la société présumant peut-être trop de ma force, mais supposant que vous aussi, quand mon souvenir se présentera par hasard à votre pensée, me jugerez indigne de tout intérêt, c'était trop en vérité. Quand vous m'avez connu jadis, j'avais encore quelque fortune, le misérable à qui mon sort était lié, me témoignait alors des égards et de l'affection et tout en le jugeant incapable de sympathiser avec moi, j'avais pour lui de l'estime, et de la reconnaissance pour ses procédés, peu à peu par suite de ses folles spéculations, les affaires se dérangèrent entièrement, ses dettes absorbaient la presque totalité de mon bien, mes frères et Maman ne cessaient de me reprocher ma condescendance et ma faiblesse, mais comment lui refuser ma signature, quand il menaçait tantôt de se tuer, et qu'une autre fois il m'annonçait qu'on allait le mettre en prison et puis des scènes de désespoir et de repentir assez habilement jouées pour me tromper. Je vendis donc la terre que j'avais auprès de Moscou et je le (Panov, — A. II) suivis dans le gouvernement de Nigny. Là je fis la triste découverte que j'avais uni mon sort à celui de l'homme le plus méprisable, la manière dont il se conduisit afin d'extorquer de l'argent à mes malheureux paysans, ce mélange d'hypocrisie, de cruauté et de bassesse, qu'il ne prenait plus la peine de me cacher, affectant les principes les plus austères, et gardant dans ma maison sa maîtresse, que j'avais moi-même retirée de la misère et que je traitais d'abord comme ma soeur. Toutes ces infamies que je voyais devant mes yeux me révoltaient à un tel point, que je ne voulus pas même lui cacher mon mépris, je lui annonçais que nous ne pourrions plus demeurer ensemble, et que s'il y mettait obstacles je dévoilerais sa conduite à mes frères. — C'est ce qu'il craignait le plus au monde. Que pensez-vous qu'il faisait? Chaque jour je remarquais avec étonnement que j'éprouvais les symptômes les plus étranges, je ne pouvais faire un pas, sans être baignée de sueur, mes mains tremblaient à un tel point qu'il me fut bientôt impossible d'écrire, je perdis entièrement le sommeil et chaque fois qu'il m'arrivait de m'assoupir pour quelques instants, j'étais reveillée en sursaut par quelque bruit inattendu ou des assiettes que l'on jettait par terre, ou une potre que l'on fermait avec fracas, même au milieu de la nuit, alors Panoff me déclara que

j'étais si mal que ma vie semblait en danger et me demanda de signer une lettre où après avoir fait de ses vertus le plus touchant éloge, je suppliais mes frères de lui laisser après ma mort la terre où nous demeurions, ce m'y refusais, j'essayais d'écrire à mon frère Alexandre, tous mes billets furent interceptés (le misérable domestique et sa femme, complices des ses crimes, ont disparu dès que j'ai été retablie, jusqu'à présent j'ignore où ils sont). Voyant que je résistais à ses prières et à ses menaces, il m'enfermèrent dans une chambre, dont on cloua les fenêtres et la porte, et par une petite ouverture que l'on pratiqua dans la muraille on me donna pour nourriture ce que des chiens auraient refusé de manger, aussi souvent je restais assise sur le plancher sans manger et sans boire pendant des journées entières, plongée dans une profonde obscurité, on avait ôté tous les meubles et par un froid de 10 à 12 degrés, on ne chauffa jamais cette chambre. Croirez vous, Monsieur, qu'il venait me regarder par cette ouverture et me contemplait avec un sourire moqueur, chaque fois c'était pour me dire toutes les choses qui pouvaient le plus briser mon coeur, tantôt il m'annonçait la mort de Maman, tantôt le départ de mon frère pour l'étranger, je croyais à ses terribles nouvelles et je jetais des cris d'angoisse et de désespoir, qu'il contrefaisait avec sa maîtresse pour se moquer de moi! Dites-moi, me croyez vous capable d'inventer ces choses! A la fin je sentis ma raison s'égarer, le froid, la faim, le désespoir, la maladie, je n'avais plus de force pour lutter contre tant de maux, mon idée fixe fut le désir de mourir, quand on venait jour de ma misère j'implorais à genoux la mort, je ne voulais plus que cela, je ne disais plus qu'un mot, *laissez-moi mourir!* Alors espérant que j'étais réellement devenue folle il dit a sa maîtresse *grâce à Dieu, oui, il dit *Класса бозал* ** maintenant nous n'avons rien à craindre qu'elle guérisse ou non, elle est maintenant folle et personne ne la croira, il faut la mener à Moscou, la mettre à la maison des fous, j'administrerai sa fortune et tout sera fini! Cette malheureuse créature, se rapellant peut-être de mon amitié pour elle, les soins dont je l'avais comblée, éprouvait sans doute des remords et m'apporta secrètement un petit flacon bouché de cire jaune et contenant *de l'eau forte*, je n'eus pas le courage d'avaler ce terrible poison, mais je le gardais longtemps caché dans mes habits!..

Je suis épuisée d'avoir écrit toutes ces horreurs! Combien j'ai souffert, et par quel miracle Dieu m'a-t-il rendu à la vie et à la raison. Le médecin, auquel je fus confiée, homme instruit et respectable, me dit qu'il ne répondait pas de moi si je continuais à demeurer avec mon bourreau. Voilà, Monsieur, la véritable cause de mon départ pour l'étranger et de ma séparation, tant qu'il ne cherchera pas à se rapprocher de moi, il peut être sûr de mon silence, mais si j'avais à craindre l'affreux malheur de retomber en son pouvoir, je dévoilerais sa conduite, dont les complices peuvent se retrouver. Plaignez-moi donc et pardonnez moi de vous avoir péniblement affecté par cette lettre, — si je meurs, vous du moins connaîtrez tout ce que j'ai souffert.—

Hier j'ai écrit rapidement ces deux feuilles, et ce matin je ne voulais plus vous les envoyer, il me semblait que j'exerçais une vengeance... et je ne veux rien avoir de commun avec cet homme, l'oublier entièrement, complètement, si cela m'est possible, voilà tout ce que je désire... Vous m'avait dit hier qu'il venait vous voir!... Il sait l'opinion que j'ai de vous, peut-être pense-t-il que vous êtes déjà informé de ces détails... mais c'est assez sur ce triste sujet.

Je vous renouvelle ma prière, Monsieur, veuillez anéantir cette lettre, et que son contenu reste en secret pour tout le monde, je ne désire la pitié de personne, du reste qu'importe que l'on me blâme, ou qu'on m'opprime, je suis un être si isolé que le jugement qu'on portera sur moi

* Так в подлиннике, по-русски.

ne peut faire tort à personne — Encore deux mots sur ma situation actuelle, vous voyez que Monsieur Glinka s'est pris d'enthousiasme à l'aspect d'un Буюшник pourquoi n'avourai-je pas que le Царевич m'a inspiré beaucoup d'intérêt et de compassion par ses malheurs, il lui fallait de l'argent, et sans pensée s'il pourrait jamais me le rendre je lui ai donné celui que j'avais, la crainte puérole de compromettre ma réputation ne m'est même jamais venue en tête, il faudrait être stupide pour s'imaginer qu'à mon âge, après tout ce que j'ai souffert j'ai agi ainsi par amour... j'aurais honte de me justifier d'une absurdité pareille — si j'avais l'avantage de vous revoir encore, je vous dirai franchement que si vous le désirez peut-être pourrez vous m'aider à sortir d'une situation précaire et désagréable. — Je n'attends aucune réponse à ma lettre, mais j'espère vous revoir un de ces jours.

C. Panoff

П Е Р Е В О Д

Прежде всего я должна бы просить у Вас прощения за то, что я хочу, так сказать, принудить Вас заниматься мною; в самом деле, эгоистическое чувство заставляет меня писать это письмо. Но будьте снисходительны; ведь всякое превосходство снисходительно. Я столько страдала и жизнь моя остается столь тревожной, что я ищю немного спокойствия и отдыха там, где надеюсь их найти. Я хорошо помню то время, когда несколько знаков внимания с Вашей стороны, несколько слов, сказанных так, как Вы умеете их сказать, возвращали мир и покой в сердце, уже потерявшее всякую надежду обрести счастье на этой земле! . .

Вчера я не имела возможности говорить с Вами; я испытывала лишь крайнее волнение в Вашем присутствии; мне хотелось, не прибегая к словам, раскрыть перед Вами и мои чувства, и все мучения, выпавшие мне на долю. Простите, ради бога, мое неуместное чистосердечие; мне казалось, что Вы были предубеждены против меня, и эта, может быть, ложная мысль заставляла меня леденеть; присутствие посторонних также мешало говорить с Вами, как мне уже давно хотелось. Мне хочется поэтому написать Вам; прочтите это письмо и *поверьте мне*, если не думаете, что я низкая и презренная женщина, как, может быть, старался утверждать Панов; но, прочитав это письмо, бросьте его в огонь. Содержание его не известно никому, кроме моей матери, которой эта безжалостная откровенность, быть может, сократила жизнь; мои братья и сестра не знают о нем по причине, которую Вы, без сомнения, поймете. Если Вас, сударь, удивит, почему я сообщаю Вам об этих ужасных подробностях, — то я скажу со всей искренностью, что нет человека, к которому я питала бы столь высокое уважение. У меня возникло горделивое, безумное желание пренебречь судом общества. Может быть, я слишком полагалась на свои силы, но предположить, что и Вы, если воспоминание обо мне случайно возникнет у Вас, также сочтете меня недостойной внимания, это было бы свыше моих сил. Когда Вы меня знали в прежние годы, у меня еще было какое-то состояние; презренный человек, с которым я связала свою судьбу, выказывал тогда мне уважение и любовь («рзб. . .») — считают его неспособным сочувствовать мне. Я чувствовала к нему уважение и была благодарна за его показательные чувства. Мало-помалу, из-за его безрассудных предприятий дела совершенно расстроились, его долги почти целиком поглотили мое состояние, братья и маменька не переставали упрекать меня за снисходительность и слабость, но как могла я отказать ему в моей подписи, если он то грозил покончить с собой, то, в другой раз, объявлял мне, что его должны посадить в тюрьму; а потом — сцены отчаяния и раскаяния, разыгранные достаточно искусно, чтобы меня обмануть. Тогда я продала землю, которая у меня была под Москвой, и последовала за ним в Нижегородскую губернию. Там я сделала печальное открытие, что соединила свою судьбу с самым презренным из людей;

способы, какие он применял, чтобы вытягивать деньги у моих несчастных крестьян, — эта смесь лицемерия, жестокости и низости, которые он больше не пахотил нужным от меня скрывать, провозглашая самые строгие принципы и держа в доме свою любовницу, которую я сама вытащила из нищеты и с которой обращалась вначале, как с сестрой. Все эти бесчестные дела, совершавшиеся у меня на глазах, возмущали меня до такой степени, что я не хотела даже скрывать от него мое презрение. Я заявила ему, что мы больше не сможем жить вместе, а если он будет чинить препятствия, я расскажу о его поведении своим братьям, — то, чего он боялся больше всего на свете. Что же он сделал, по-вашему? Каждый день я с удивлением замечала у себя самые странные симптомы: я не могла сделать шага, не обливаясь потом, руки дрожали так, что скоро для меня стало невозможно писать, я совершенно потеряла сон, а всякий раз, когда мне удавалось на несколько мгновений заснуть, я бывала внезапно разбужена каким-нибудь неожиданным шумом, то швыряли оземь тарелки или хлопали с грохотом дверями, даже среди ночи. Тогда Панов объявил мне, будто я так больна, что жизнь моя в опасности, и предложил подписать письмо, в котором, вознеся самую трогательную хвалу его добродетелям, — я должна была умолять своих братьев оставить ему после моей смерти имение, где мы жили. Я отказалась, я пыталась писать моему брату Александру* — все мои письма перехватывались (презренный слуга и его жена, соучастники его преступлений, исчезли, как только я выздоровела. я до сих пор не знаю, где они). Видя, что я противостою и его просьбам, и его угрозам, он заключил меня в комнату, где наглухо забил окна и дверь, и через маленькое отверстие, проделанное в стене, мне давали еду, от которой отказались бы и собаки. Часто оставалась я сидеть на полу, без еды и питья, целыми днями погруженная в глубокую тьму, всю мебель убрали, в 10—12 градусов мороза комнату эту никогда не отапливали. Поверите ли, сударь, что он приходил смотреть на меня через это отверстие, и рассматривал меня с насмешливой улыбкой. Всякий раз он приходил, чтобы сказать мне то, что вернее всего могло разбить мое сердце. Он извещал меня о смерти маменьки, или об отъезде моего брата за границу; я верила всем его ужасным новостям и испускала крики тоски и отчаяния, которые он передразнивал со своею любовницей, издеваясь надо мною! Скажите, неужели Вы считаете меня способной выдумывать такие вещи! Наконец, я почувствовала, что схожу с ума; холод, голод, отчаяние, болезнь — у меня не было больше сил бороться против стольких бед; моей навязчивой идеей стала мысль о смерти. Когда они приходили насладиться моим несчастьем, я на коленях умоляла о смерти, я ничего больше не хотела, я говорила только одно: *дай мне умереть*. Тогда, надеясь, что я действительно сошла с ума, он сказал своей любовнице — *слава богу*, да, он сказал «Слава бога!»,** теперь нам нечего бояться, выздоровеет она или нет, теперь она сумасшедшая, и никто не поверит ей, надо отвезти ее в Москву, поместить в сумасшедший дом, я буду управлять ее состоянием, и все будет кончено!». Это несчастное создание, вспоминая, может быть, мою дружбу, заботу, которую я проявляла к ней, несомненно испытывала угрызения совести и тайком принесла мне маленький флакон, запечатанный желтым воском и содержащий крепкую водку,*** у меня не хватило мужества (прорвана бумага, — А. Ш.) в этой ужасной тюрьме, но я долго сохраняла его, спрятав у себя в платье!..

Я измучилась, описывая все эти ужасы! Сколько я выстрадала, и каким чудом бог вернул меня к жизни и разуму! Врач, которому я доверилась, человек знающий и почтенный, сказал, что он не отвечает за меня,

* А. Д. Улыбышев.

** Написано по-русски.

*** Крепкая водка — старинное название азотной кислоты.

если я буду дольше жить с моим палачом. Вот, сударь, истинная причина моего отъезда за границу и разрыва с ним. Пока он не будет искать сближения со мной, он может быть уверен в моем молчании, но если мне придется бояться ужасного несчастья снова попасть в его власть, я разоблачу его поведение, соучастники которого смогут отыскаться! Пожалейте же меня и простите, что я потревожила Вас этим печальным письмом, — если я умру, Вы по крайней мере будете знать все, что я выстрадала.

Вчера я быстро написала эти два листка, а сегодня утром уже не хотела Вам их посылать. Мне казалось, что я ищущу мести... но я не хочу иметь ничего общего с этим человеком, полностью, совершенно забыть его, если это для меня возможно, вот все, чего я хочу... Вы сказали мне вчера, что он приходил к Вам! Он знает мое мнение о Вас, может быть, он думает, что Вы уже осведомлены об этих обстоятельствах... Но довольно на эту печальную тему.

Я вновь умоляю Вас, сударь, — пожалуйста, уничтожьте это письмо, и пусть его содержание останется тайной для всех, я не желаю ничьей жалости, а впрочем, пусть меня бранят или притесняют; я такое одинокое существо, что суждение, высказанное обо мне, никого особенно не затрагивает. — Еще два слова о моем настоящем положении, Вы видите, что господин Глинку привел в восторг *Бутошник*,* почему я не призналась, что Царевич** вызвал у меня большой интерес и сочувствие к его несчастьям; ему нужны были деньги, и, не думая о том, сможет ли он когда-нибудь мне вернуть, я дала ему, что имела, пустой страх испортить свою репутацию мне никогда и в голову не приходил, и надо быть глупцом, чтобы вообразить, что в мои годы, после всего того, что я выстрадала, мною двигала также и любовь... мне будет стыдно оправдываться подобной нелепостью. — Если я могла бы иметь удовольствие еще увидеть Вас, то сказала бы откровенно: если бы вы пожелали, Вы, может быть, смогли бы помочь мне выйти из ненадежного и неприятного положения. — Я не жду никакого ответа на свое письмо, но надеюсь снова увидеть Вас в ближайшие дни.

Ек. Панова

* Написано по-русски.

** Написано по-русски. Эпизод, который имеет в виду Панова, и личность «Царевича» раскрыть не удалось.

Е. Д. ПЕТРЯЕВ

ВЯТСКИЙ ЛИТЕРАТОР А. И. ЕМИЧЕВ — СОТРУДНИК ПУШКИНСКОГО «СОВРЕМЕННОКА»

Во втором томе пушкинского «Современника» (июнь 1836 г.) появилось два произведения вятичей — «Записки» Н. А. Дуровой и статья А. Емичева «Мифология вотяков и черемис». Если биография «кавалерист-девицы» хорошо известна, то сведения о Емичеве крайне скудны. Его имя не упоминается в «Источниках словаря русских писателей» С. А. Венгерова,¹ а указанная статья осталась не учтенной и в этнографической литературе. Пока удалось выяснить (преимущественно по материалам Кировского областного архива) лишь некоторые факты биографии Емичева. Приводим их в виде краткой сводки.²

Алексей Иванович Емичев, сын штаб-офицера, родился в 1808 г. в городе Слободском (около Вятки), окончил местное уездное училище и был «временно канцеляристом» в уездном суде. Его братья — Александр (род. в 1804 г.) и Иван (род. в 1812 г.) — тоже служили по судебной части; позже Александр стал уездным судьей, а Иван соляным приставом.

¹ Правда, в «предварительном списке русских писателей и ученых» (С. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Изд. 2. Пгр., 1915, стр. 273) сделано краткое указание: «А. Емичев, беллетр., 1836 г.», свидетельствующее, что никакими данными об этом лице С. А. Венгеров не располагал. Упоминание о статье «Мифология вотяков и черемис» как выражающей общую позицию пушкинского «Современника» есть в книге М. Еремина «Пушкин-публицист» (Гослитиздат, М., 1963, стр. 274—275) также без всяких сведений об ее авторе. В книге: Е. И. Рыкина «Журнал А. С. Пушкина „Современник“. 1836—1837. Указатель содержания» («Книга», М., 1967, стр. 84) раскрыты только имя и отчество Емичева как автора статьи «Мифология вотяков и черемис»; какие-либо даты или факты из его биографии здесь также отсутствуют.

² Кировский областной государственный архив (далее цитируется сокращенно — КОГА), фонд 205, опись 1, № 915, л. 4; № 910, л. 36. — Предварительные архивные справки об А. И. Емичеве были уже приведены в книге Евг. Петряева «Литературные находки. Очерки культурного прошлого Вятской земли» (Волго-Вятское книжное издательство, Киров, 1966, стр. 86—90).

Еще учеником Алексей Емичев проявлял большой интерес и способности к языкам и литературным занятиям. В мае 1825 г. Совет Казанского университета утвердил его учителем первого класса в Котельничском уездном училище. Посетивший Котельнич в 1828 г. визитатор учебных заведений, известный писатель и историк П. А. Словцов особо отметил Алексея Емичева как начитанного и способного учителя и прислал ему в подарок свою книгу «Письма о Сибири» (СПб., 1826).³

В 1831 г. Емичев перевелся в Вятку. По некоторым сведениям, он состоял заседателем в губернском суде. В Вятке уже были определенные литературные традиции. Здесь в 1825—1827 гг. служил известный фельетонист и очеркист 1820—1830-х годов П. Л. Яковлев.⁴ Емичев мог с ним встречаться. Эпиграммы Яковлева из его рукописного журнала «Хлыновский наблюдатель» расходились в списках, вызывали подражания, поддерживали «склонность к сатире». Вятские сатирические стихи той поры попадали и в печать. Так, по поводу куплетов о местных сплетницах, напечатанных в «Молве», в 1831 г.,⁵ возникло даже следственное дело. В сочинительстве подозревали сына губернатора, но действительным автором, по-видимому, был сверстник Емичева — канцелярист Иван Александрович Раевич, впоследствии «московский сочинитель», оказавшийся в 1840 г. узником Шлиссельбурга.⁶

Вятка еще не имела общественной библиотеки, поэтому единственным местом, где любители книг могли знакомиться с новинками, была гимназия. В ее библиотеке, кроме учебников, было боле 1600 томов, в том числе и многие сочинения Пушкина. С конца 20-х годов заказами на журналы и книги ведали учителя — Ф. В. Лозинский (бывший секретарь общества филоматов, товарищ поэта А. Мицкевича) и А. Ф. Савельев — широко образованный и талантливый преподаватель словесности. В 1832 г. Савельев написал «Разговор» для прочтения на публичном акте в училище канцелярских служителей. Смелый характер этого «Разговора» вызвал среди чиновничества целую бурю. В итоге Савельев получил строжайший выговор от министра народного просвещения и был переведен в нижегородскую гимназию под особый надзор ее директора.

Тогда в Вятку были высланы многие выдающиеся люди: знаменитый архитектор Витберг, доктор прав Аффелиус, доктор богословия Х. Беттигер (у него, как у «чрезвычайно ученого человека», Герцен занимался немецким языком), К. В. Шапаллин-

³ КОГА, ф. 205, оп. 1, № 925, лл. 4—7.

⁴ КОГА, ф. 583, оп. 55, № 1984, л. 1 и сл.

⁵ Куплеты из водевиля «Сплетницы, или Лай мордашек», на голос: C'est l'amour, l'amour, etc. «Молва», 1831, № 36, стр. 145—146. Подп.: Вятка. 1831 года, 19 августа.

⁶ КОГА, ф. 582, оп. 139, №№ 10 и 574.

ский — учитель Гоголя, бывший профессор Гимназии высших наук в Нежине, и др. Емичев близко знал многих ссыльных. Их охотно приглашали на семейные и дружеские встречи, принимали в лучших домах. В мае 1835 г. в Вятку приехал Герцен. Емичев, конечно, встречался с ним в канцелярии губернатора и у общих знакомых (например, у А. Е. Скворцова, ведавшего гимназической библиотекой). По-видимому, к началу 1830-х годов относятся первые выступления Емичева в печати. Еще П. А. Словцов поощрял его к сотрудничеству в журналах. Одно из ранних стихотворений Емичева — «К Лизе», чрезвычайно слабое и подражательное, мы находим в «Молве» 1831 г.; вероятно, не случайно оно появляется на страницах надеждинского листка вскоре после выхода сатирических куплетов другого вятского литератора, о которых речь шла выше.⁷ В надеждинском же «Телескопе» печатается через четыре года и рассказ Емичева «Заклятый поцелуй» с эпиграфом из «Кавказского пленника» Пушкина («Не долго женскую любовь...»)⁸ Тогда же особенное внимание вятичей привлек рассказ Емичева «Любовь бедных людей».⁹ В нем описывалась трагическая судьба молодого чиновника Владимира. Некоторые детали очень напомнили вятскую действительность. В только что открытом городском саду показывали на высоком берегу Вятки место самоубийства Владимира. По проекту Витберга тут была построена знаменитая ротонда, сохранившаяся до наших дней.

В начале 1836 г. вышел сборник повествовательных произведений Емичева «Рассказы дяди Прокопья» (СПб., 1836, in 12°, 232 стр.; ценз. разреш. 25 янв. 1836 г.). Книга открывалась стихотворным посвящением некоему «Е. Е. Р-чу», датированным январем 1836 г., в котором находятся, в частности, следующие строки:

Уныл мой путь, тоскою томимый!
Судьбы ничем не отворишь,
Но ты, о друг незаменимый,
Давно, давно меня хранишь...

По-видимому, этот Р-ч позже помог Емичеву перебраться в столицу и получить должность секретаря второго (судебного) департамента Сената. Книгу составили рассказы: «Воспоминание» (стр. 7—117; прежнее название «Любовь бедных людей»), «Рожок» (стр. 119—162) и «Глухая Машенька» (стр. 163—232, посв. «Сестре М. П. К.»). Сборник вызвал отрицательный отзыв в «Библиотеке для чтения». Хотя рецензия была анонимной, но

⁷ «Молва», 1831, № 48, стр. 340—341.

⁸ «Телескоп», 1835, сентябрь, стр. 401—414. — До этого в «Московских ведомостях» (1833, № 5) Емичев напечатал заметку о праздновании в Вятке дня тезоименитства Николая I.

⁹ «Библиотека для чтения», 1835, т. XIII, отд. 1, стр. 169—206.

авторство Сенковского не вызывает сомнений: в каждой ее строке чувствуется редактор журнала, не без хвастовства разъясняющий приемы своей обработки рукописей, поступающих в редакцию. Бахвальство Сенковского и его бесцеремонные переделки всего, что попадало ему в журнал, как известно, были высмеяны Гоголем еще в первом томе пушкинского «Современника». Рассказ Емичева в «Библиотеке для чтения», как находил Сенковский, весьма понравился публике лишь из-за того, что был умело исправлен редактором («слог стал жив, плавлен, разнообразен, обороты исполнены легкости и вкуса, содержание мило и порой остроумно»), а перепечатанный в книге без редакционных исправлений оказался плохим: «уверенность в своем искусстве на этот раз совершенно обманула г. Емичева»; он «обезобразил эту повесть всею неловкостью неопытной литературной руки».¹⁰ Кстати, в повести «Любовь бедных людей» были приведены строки из «Евгения Онегина» («Его уж нет, Младой певец нашел безвременный конец» и т. д.) с именем Пушкина, а стихотворение, которое читал герой рассказа, прямо относилось к литературным боям тех лет:

Прощай, поэзия младая!
И ты состарилась у нас;
Теперь, широко позевая,
Романы пишем на заказ,
И стих, взлелеянный на лире,
Лишь в эпизодах кажет лик,
Как на изношенном мундире
Сияет шитый воротник.

Вскоре Пушкин напечатал в «Современнике» уже упоминавшуюся статью Емичева.¹¹ В ней, после краткой справки об истории Вятской земли, описываются особенности духовной жизни первообитателей края — удмуртов (вотяков) и марийцев (черемисов). Они еще сохраняли традиционные обряды и жертвоприношения Намариме (удмурты), Юме (марийцы) и другим своим богам. В фанатической нетерпимости к «идолопоклонникам» православные миссионеры не стеснялись обращаться к помощи полиции. Емичев глухо упоминает о взорванном ею священном камне марийцев. Этот камень (Чембулат на берегу реки Немды) уничтожили по настоянию митрополита московского Филарета. О дру-

¹⁰ «Библиотека для чтения», 1836, т. XVII, отд. VI, стр. 6. — В. Каверин в книге «Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора „Библиотеки для чтения“» (изд. 2, М., 1966, стр. 62—63), говоря о бесцеремонных переделках Сенковского, приводит большую цитату из указанной рецензии его на «Рассказы дяди Прокопья» и замечает, что в ней «принципы его редакторской работы были объяснены с исчерпывающей полнотой».

¹¹ А. Емичев. Мифология вотяков и черемис. «Современник», 1836, т. II, стр. 180—186. — «Любопытствуя узнать что-либо о вероисповедании этих первообитателей моей родины, — писал Емичев в этой статье, — я успел собрать некоторые черты их мифологии».

гих притеснениях было хорошо известно. Например, один мариец жаловался, что с его матери взяли 50 рублей за то, что в их доме в постный день нашли сырную лепешку. С явным сочувствием приводит Емичев «с достоверного списка» одну из молитв мариюцев, называя ее «замечательной по своей простоте и чувственным желанием».

Статья в «Современнике» впервые в литературе касалась очень острого и важного вопроса. В этом снова проявилась необыкновенная широта взглядов Пушкина, его внимание к забитому «инородцу».

Через год очерк на ту же тему написал Герцен (опубликован в 1838 г.).¹² По материалу и сходству описаний видно, что Герцен использовал статью Емичева и, следовательно, еще в Вятке читал пушкинский «Современник». Два первых его тома хранились в Вятской публичной библиотеке с момента ее открытия в 1837 г.

Статью Емичева передал Пушкину, видимо, В. Ф. Одоевский. В феврале или начале марта 1836 года поэт писал Одоевскому о статьях для «Современника» «... мифологии еще не читал. На днях возвращу Вам рукопись».¹³ Знакомство Емичева с Одоевским подтверждают семь писем, хранящихся в Отделе рукописей Публичной библиотеки в Ленинграде.¹⁴ В них Емичев сообщает Одоевскому о ходе некоторых судебных дел в Сенате. В. Ф. Одоевский включил Емичева в перечень будущих сотрудников журнала «Отечественные записки».¹⁵ В этом журнале, действительно, была напечатана повесть Емичева «Советница».¹⁶

В произведениях Емичева немало явно автобиографических элементов. В «Рассказах дяди Прокопья» описывается публичный экзамен в уездном училище. В «Советнице» в письме девицы

¹² Статья А. И. Герцена «Вотяки и черемисы» напечатана в «Прибавлениях к „Вятским губернским ведомостям“», в №№ 1 и 3 за 1838 г. (перепеч. в Собрании сочинений А. И. Герцена в тридцати томах, т. I. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 368—372).

¹³ Акад., т. XVI, стр. 89. — «Второй № Современника, — писал Пушкин П. В. Нащокину 27 мая 1836 г., — очень хорош, и ты скажешь мне за него спасибо. Я сам начинаю его любить и, вероятно, займусь им деятельно» (XVI, 121). Комментарий к этим словам см. в кн.: М. Еремин. Пушкин-публицист. М., 1963, стр. 382—383.

¹⁴ ГПБ, ф. 539.

¹⁵ См.: Пушкин. Исследования и материалы, т. 1, М.—Л., 1956, стр. 339 (ср.: А. П. Могилянский. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как издатели обновленных «Отечественных записок». «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1949, т. VI, № 3, стр. 209—226). — В составленной В. Ф. Одоевским в 1838 г. программе журнала «Отечественные записки» А. Емичев назван среди составителей отдела «Современная хроника России». Из архивных данных, опубликованных в книге: В. И. Кулешова «„Отечественные записки“ и литература 40-х годов XIX в.» (М., 1959, стр. 23, 271), видно, что сотрудником этого журнала А. Емичев являлся еще в мае 1848 г. См. здесь же упоминания Емичева на стр. 359.

¹⁶ А. Емичев. Советница. «Отечественные записки», 1839, т. VI, стр. 45—81.

к подруге изображены картины жизни в мелких городах Вятской губернии (Слободской, Котельнич) и в самой Вятке.¹⁷

Емичев служил в Сенате в 1838—1846 гг., затем перешел в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, где был счетоводом, а потом начальником финансового отделения. В 1852 г. в списках чиновников он уже не числился и, видимо, вскоре умер.

Судьба его бумаг пока неизвестна. «Корни» Емичевых в Слободском исчезли в 70-х годах прошлого века.

¹⁷ В «Северной пчеле» (1833, № 4) напечатано «Письмо к другу из Вятки» (подписано: «Е. Глухой») о спектаклях (комедии «Воспитанник любви» и «Женихи») и вечерах в Вятском благородном собрании. «Е. Глухой», — видимо, псевдоним Емичева (он оставил учительство именно «по тугоухости»).

II. ОБЗОРЫ

О. А. ПИНИ

ПУШКИНИАНА В ГРАФИКЕ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

Немало написано о том, как мастера искусства графики в своем творчестве обращались к Пушкину, воссоздавая облик поэта, отдельные моменты его жизни и иллюстрациями к его произведениям помогая читателям проникнуть в мир пушкинских образов.

Цель настоящего обзора — обратить внимание на литературу последних лет, посвященную изобразительной пушкиниане, которая представляет интерес для проблемы «Пушкин в искусстве».

Особенное внимание было уделено этой теме в связи с пушкинской датой в 1937 г.¹ Продолжали появляться работы и к 150-летию со дня рождения Пушкина в 1949 г. и после него.² За последние годы вышли в свет книги и статьи, посвященные главным образом творчеству отдельных художников в целом, с главами или страницами о графике на пушкинские темы.

Книга М. Эткинда посвящена творчеству выдающегося русского живописца, художественного критика и историка искусств А. Н. Бенуа.³ В истории отечественной иллюстрации А. Н. Бенуа занимает одно из центральных мест. Его «Пушкиниане» в книге уделено значительное место. «„Бенуа-иллюстратор“ — это тема „Бенуа и Пушкин“. Именно в иллюстрациях к произведениям

¹ Н. Вышеславцев. Портреты Пушкина в графике. «Искусство», 1937, № 2, стр. 27—48; А. Девашев. Иллюстраторы Пушкина. Там же, стр. 49—72; М. Холодовская. Иллюстраторы «Евгения Онегина». Там же, стр. 73—96; Ю. Лебедева. Иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина. В сб.: Пушкин и искусство, «Искусство», Л.—М., 1937, стр. 124—171; М. Д. Беляев. Отражение юбилея Пушкина в изобразительном искусстве. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», № 6, 1941, стр. 497—523.

² См., например, в кн.: А. Чегодаев. Пути развития русской советской книжной графики. «Искусство», М., 1955, по указателю; В. Толстой. Книжная иллюстрация (Всесоюзная художественная выставка 1949 г.). «Искусство», 1950, № 2, стр. 35—48; В. Герценберг. Б. А. Дегтерев. «Советский художник», М., 1951.

³ Марк Эткинд. Александр Николаевич Бенуа. «Искусство», Л.—М., 1965.

великого русского поэта — смысл и значение всей работы», — пишет М. Эткинд.⁴

Первой книгой с иллюстрациями Бенуа, увидевшей свет, была «Пиковая дама», изданная в 1911 г. Отдавая должное этому превосходному с оформительской точки зрения изданию, которое М. Эткинд ставит в один ряд с изданиями «Горе от ума», проиллюстрированного Кардовским, и «Хаджи Мурат» — Лансере, он заключает, что, будучи сложными по композиции и цветовому строю, иллюстрации Бенуа тяжеловесны для стилистики пушкинской повести. В центре повести — образы героев, и поэтому неверен акцент, сделанный художником на обстановке, в которой развивается действие. Наиболее уязвимым в замысле художника является путаница и непоследовательность в графическом аккомпонементе к пушкинскому тексту: сюжетом заставки Бенуа берет порою эпизод, не предваряющий иллюстрацию, а следующий за нею. Превышает меру иронии в эпилоге пушкинской повести и концовка, замыкающая оформленное Бенуа издание. М. Эткинд останавливается на иллюстрациях Бенуа к «Капитанской дочке», выполненных для серии книжных изданий «Народной библиотеки» в 1919 г., считая, что им далеко до масштабности пушкинского романа с его охватом исторических событий. «Тема стихийного крестьянского восстания... остается как бы за пределами иллюстраций».⁵

М. Эткинд уделяет немало места иллюстрациям Бенуа к «Медному всаднику» и, прослеживая замысел художника, заключает, что «Пушкин не знал еще истолкователя, глубина и сила образов которого приближались бы к тому, чего достиг Бенуа». Затрагивая вопрос о художественных достоинствах иллюстрационной сюиты к пушкинской поэме, он приводит отзывы Б. М. Кустодиева, находившего ее «изумительно родственной тексту Пушкина», и И. Э. Грабаря, который писал: «Увидев рисунки к „Медному всаднику“ Бенуа не можешь уже представить себе пушкинских образов иначе».⁶

В двух статьях И. С. Зильберштейна содержатся новые материалы о А. Н. Бенуа как иллюстраторе Пушкина.⁷ Приводится ряд высказываний Бенуа, свидетельствующих о его преклонении перед поэтом. И. С. Зильберштейн публикует отрывки из неизданных писем художника с интересными сведениями о его работе над пушкинскими иллюстрациями, цитирует его высказывания о задачах художника-иллюстратора. Особый интерес пред-

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ Там же, стр. 142.

⁶ Там же, стр. 149, 151.

⁷ И. С. Зильберштейн. 1) Парижские находки. Лучший иллюстратор Пушкина. «Огонек», 1966, № 52, стр. 8—11; 2) «Капитанскую дочку», «Сказку о золотом петушке» и «Гусара» иллюстрирует Александр Бенуа. «Огонек», 1967, № 6, стр. 22—25.

ставляют публикуемые здесь данные о неизвестных нам иллюстрациях к «Капитанской дочке» — сюите из 44 акварелей и рисунков, выполненной в 1945 г. для французского издания повести, не увидевшего свет. Неизвестны были до сих пор в Советском Союзе и акварель на тему «Сказки о золотом петушке» (1927) и три рисунка к стихотворению Пушкина «Гусар» (1935). Заслуживают внимания приведенные сведения о двух картинах Бенуа, навеянных «Медным всадником».⁸

В очерке об иллюстрациях Б. М. Кустодиева М. Эткинд⁹ дает общую характеристику его пушкинских иллюстраций, выполненных в 1919 г. для «Народной библиотеки». Нужно отметить, что большая часть иллюстраций Б. М. Кустодиева к «Сказкам» не была издана и они известны главным образом по выставке, которая состоялась в 1959 г. в Ленинграде и в 1960 г. в Москве.

В обширном наследии одного из родоначальников искусства современной ксилографии А. И. Кравченко видное место занимают его гравюры на пушкинские темы, выполненные в 1920—1930-е годы. В монографии С. Разумовской,¹⁰ посвященной этому интересному и талантливому художнику, творчество которого получило известность и за рубежом, уделено место его «пушкинниане». К сожалению, анализ «пушкинских» работ Кравченко носит чаще всего поверхностный и описательный характер. С. Разумовская отмечает и некоторые слабые стороны иллюстраций — известный формализм и излишнюю патетичность, которые им свойственны. Касаясь иллюстраций к «Медному всаднику», по выражению С. Разумовской, «проникнутых темпераментом и страстью», она пишет, что художник «дает не изложение сюжета поэмы, а ее психологическое раскрытие. Для усиления экспрессии образов часто он по-своему „перестраивает“ литературное произведение».¹¹ С. Разумовская оценивает эту «перестройку» как положительный факт. В книге нет сопоставления во многом спорных иллюстраций А. И. Кравченко к «Медному всаднику» с иллюстрациями А. Н. Бенуа, что следовало бы сделать. Справедливо отмечается неудача, постигшая художника в работе над портретом великого поэта («Пушкин в Архангельском»)¹². Сле-

⁸ И. С. Зильберштейн отрицательно оценивает книгу М. Эткинды о Бенуа, изобилующую, по его мнению, многими серьезными недостатками, и, в частности, решительно возражает М. Эткинду, нашедшему «уязвимые места» в иллюстрациях Бенуа к «Медному всаднику» и «Пиковой даме».

⁹ М. Эткинд. Мастер графического рассказа. «Искусство книги. 1958—1960. Выпуск третий». «Искусство», М., 1962, стр. 275—282. См. также: В. Е. Лебедева. Борис Михайлович Кустодиев. «Наука», М., 1966, стр. 101—102.

¹⁰ С. Разумовская. Алексей Ильич Кравченко. «Советский художник», М., 1962.

¹¹ Там же, стр. 174.

¹² Отрицательную оценку портрета см., например: М. Д. Беляев. Отражение юбилея Пушкина в изобразительном искусстве. — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», № 6, 1941, стр. 502.

дует отметить, что восторженный тон, присущий оценке иллюстраций Кравченко, не позволяет читателю получить полное и объективное представление о «пушкиниане» этого талантливого и сложного графика.

В небольшом ретроспективном обзоре творчества А. И. Кравченко, сделанном В. Герценберг,¹³ говорится, что главным содержанием наиболее значительных иллюстрационных циклов А. И. Кравченко, к которым относятся прежде всего гравюры к «Пиковой даме» и «Маленьким трагедиям», «становится высокий накал чувств», и Кравченко прежде всего подчеркивает здесь внутренний драматизм. В своих иллюстрациях Кравченко добиваясь раскрытия конечной сущности изображаемого; «подчеркнутая страстность» иллюстраций, граничащая с экзальтацией, по мнению автора, не умаляет силу воздействия, отличающую лучшие произведения художника.

Глава школы советских ксилографов замечательный график В. А. Фаворский — автор портрета «Пушкин-лицеист», пользующегося заслуженной славой. Остановившись на его первой работе — иллюстрациях к «Дому в Коломне», выполненных еще в 1922 г. (увидели свет в 1929 г.), — Г. С. Островский¹⁴ говорит, что в этой серии художник допустил разномасштабность персонажей, обобщенность формы, приемы стилизации, имитировал росчерки гусиного пера. Наиболее спорен в гравюрах образ Мавры. Если страничным иллюстрациям свойственна известная схематичность и отвлеченность образов, то гравюры на полях, по мнению Г. С. Островского, соответствуют тексту. В иллюстрациях к «Маленьким трагедиям» достигнута предельная выразительность, экспрессивность, доходящая до грани сатирического гротеска, однако с соблюдением чувства меры и художественного жанра. Иллюстрациям к «Борису Годунову» Фаворского — одной из вершин советской книжной графики, присуще глубокое и органическое проникновение художника в дух и суть изображаемых исторических личностей и событий. У Фаворского — неразрывное единство иллюстраций с декоративным убранством книги. Справедливо сказано, что фронтиспис, изображающий Пушкина за письменным столом, сделан ниже того высокого уровня, который присущ всей серии.

Значительное место работам В. А. Фаворского на пушкинскую тематику уделено в монографии Ю. Халаминского,¹⁵ который, как и Г. С. Островский, находит спорными гравюры к «Дому в Коломне». Толкование образа Мавруши, ярко очерченной Пуш-

¹³ В. Герценберг. А. И. Кравченко. «Искусство книги. Выпуск второй. 1956—1957». «Искусство», М., 1961, стр. 134—137.

¹⁴ Г. С. Островский. Пушкин в творчестве В. А. Фаворского. В кн.: Пушкин и его время, Издание Эрмитажа, Л., 1962, стр. 442—452.

¹⁵ Юрий Халаминский. Владимир Андреевич Фаворский. «Искусство», М., 1964.

киным, обеднило цикл, не совпало со стилем пушкинской поэмы. Ю. Халаминский подробно останавливается на иллюстрациях к «Борису Годунову», с присущим им драматизмом и исторической правдой. Сам Фаворский сравнивал эту работу со своими иллюстрациями к «Слову о полку Игореве», где внутренняя жизнь персонажей памятника древнерусской литературы выражалась главным образом через взаимоотношение с природой.¹⁶

Большой интерес представляет рассказ самого художника о работе над оформлением «Бориса Годунова» и «Маленьких трагедий».¹⁷

Объединяющим началом для четырех трагедий, находящихся в одной книге, по мнению Е. Левитина,¹⁸ является ритм, в котором размещены иллюстрации и виньетки, а «поток страсти» передается этим движением, безостановочно проходящим через всю книгу и выражающим ее суть. Пушкинские трагедии не ограничиваются ритмическим истолкованием, они получают свое воплощение в собственно иллюстрациях к пьесам. Работы Фаворского, замечает Е. Левитин, требуют от читателей «аналитического постижения: это не картинки для оживления книги, а обязательный ее компонент, требующий такой же вдумчивости, такого же пристального „чтения“, как и сам литературный текст».¹⁹

Как известно, работа художника над иллюстрированием «Бориса Годунова», «Маленьких трагедий» и «Слова о полку Игореве» была удостоена Ленинской премии за 1961 г.

В иллюстрационной сюите И. И. Старосельского к «Маленьким трагедиям» Т. Цявловская²⁰ выделяет присущее ей глубокое проникновение в дух пушкинских трагедий, большую эмоциональность, выразительные фигуры, сосредоточенность на самом главном, отсутствие декоративности, ненужных деталей.

Немало статей и заметок написано об иллюстрациях на пушкинские темы Н. В. Кузьмина. Недавно появилась книга М. П. Сокольниковой, посвященная творчеству этого выдающегося советского графика, вошедшего в историю советского искусства своими иллюстрациями на темы произведений русской классиче-

¹⁶ См. там же, стр. 186.

¹⁷ В. А. Фаворский. Рассказы художника-гравера. «Детская литература», М., 1965, стр. 76—100. — В главе «О книге» Фаворский делится своими соображениями о том, каким должно быть оформление «Евгений Онегина». См. также: В. Фаворский. О художнике, о творчестве, о книге. «Молодая гвардия», М., 1966, стр. 77—80; о «Домике в Коломне»; стр. 90—98; о «Маленьких трагедиях» Пушкина.

¹⁸ Е. Левитин. Гранюры В. Фаворского к «Маленьким трагедиям» Пушкина. «Искусство книги. 1960—1962. Выпуск третий». «Искусство», М., 1962, стр. 205—216.

¹⁹ Там же, стр. 209.

²⁰ Т. Цявловская. Новые иллюстрации к «Маленьким трагедиям». «Нева», 1963, № 6, стр. 213—214.

ской литературы.²¹ Н. В. Кузьмин в 1928 г. задумал проиллюстрировать «Евгения Онегина», в чем ему способствовали известные пушкинисты. «Моя пушкинская серия станковых рисунков связала меня с московскими пушкинистами, в первую очередь с М. А. Цявловским, Т. Г. Зенгер и Н. С. Ашукиным. На одном из „Онегинских чтений“ у В. В. Вересаева, где пушкинисты собирались для медленного чтения „Онегина“, комментируя каждое слово текста, я впервые демонстрировал свои первоначальные наброски иллюстраций к роману, которые были очень тепло встречены. Поддержкой пушкинистов я обязан и тому, что со мной рискнули заключить договор на иллюстрации к юбилейному изданию „Евгения Онегина“, — рассказывает художник. — На этих вечерах бывали писатели, литературоведы-пушкинисты, актеры Художественного театра. Случалось, что за весь вечер „прочитывали“ всего одну строчку. Каждое слово переворачивалось и так, и эдак, комментировалось, вызывало множество литературных, биографических, исторических ассоциаций. При неожиданном повороте иное пушкинское слово и выражение получает вдруг особое сверкание. Это был богатейший по сведениям и идеям семинар по Пушкину».²²

М. П. Сокольников подробно прослеживает работу художника над «Евгением Онегиным». «Кузьмин первым проиллюстрировал „Отрывки из путешествия Евгения Онегина“, а также десятую главу, сумев выразить ее глубокое политическое содержание. Своими иллюстрациями Кузьмин дал графическую жизнь лирическим отступлениям романа, и уже только в одном этом — большая заслуга художника».²³ Отметим, что на это обратил внимание и К. Чуковский: «... Кузьмин выдвигает на первое место не те эпизоды „Онегина“, которые тысячу раз изображались другими художниками и без конца демонстрировались на оперной сцене, а преимущественно лирические отступления романа, где ярче всего отражается причудливый поэтический стиль».²⁴ Иллюстрации к «Евгению Онегину», пишет М. П. Сокольников, отличает стремление как можно шире показать самого Пушкина и его окружение. «Автобиографические строки романа можно назвать главной темой рисунков Кузьмина... Пушкин стал главным героем... иллюстраций Кузьмина».²⁵ М. П. Сокольников считает, однако, что автобиографический материал затмил основной сюжет романа и привел к обеднению «изобразительской фабулы» «Евгения Онегина», а сюжетные рисунки уступили место лири-

²¹ М. П. Сокольников. Н. В. Кузьмин. «Советский художник», М., 1964.

²² Там же, стр. 36.

²³ Там же, стр. 37.

²⁴ Предисловие к кн.: Н. Кузьмин. Круг царя Соломона. «Советский писатель», М., 1964, стр. 7.

²⁵ М. П. Сокольников. Н. В. Кузьмин, стр. 40—41.

ческим отступлениям, и Онегин оказался «заслоненным» Пушкиным, в чем М. П. Сокольников видит недостаток всего замысла художника. В целом высоко оценивая иллюстрации, М. П. Сокольников к числу их недостатков относит то, что основное внимание художником уделено изображению высшего света и сельского дворянского быта; отмечается некоторая манерность образа Татьяны, отсутствие образа няни. В положительной оценке, данной работе Кузьмина виднейшими советскими пушкинистами (она приводится в книге), содержится объяснение того, что «Онегин заслонен Пушкиным»: «В романе Пушкина сочетаются две равноправные темы — эпическая, повествующая о судьбах героев романа, и лирическая, раскрывающая внутренний мир поэта. Эта вторая тема не была забыта художником. Вот почему так часто встречаем мы в иллюстрациях Кузьмина к „Евгению Онегину“ и самого Пушкина». ²⁶ Сам художник в вышедшей недавно книге, составленной из его статей, так говорит о своих иллюстрациях к пушкинскому роману: «Многие места „Онегина“ открыли для меня свой автобиографический смысл, и казалось заманчивым попытаться расшифровать для себя и для читателя эти места графическими комментариями... Меня увлекала новизна этого активного подхода к иллюстрированию, и я, может быть нарочно, объезжал стороной иные традиционные темы... Имел ли я на это право? Я полагал, что имел: лирические отступления занимают в романе не меньше трети строф, и судьба героя то и дело перекрещивается с биографией самого поэта». ²⁷ В статьях «Евгений Онегин» и «Пушкин-рисовальщик» содержатся чрезвычайно интересные высказывания Кузьмина о его работе над пушкинскими произведениями. Художник рассказывает, какого труда стоила ему «легкость» его рисунков к «Евгению Онегину», о которых говорилось не раз, что они выполнены в «манере» рисунков Пушкина, и поясняет, что главное заключается в том, что его иллюстрации выполнены без предварительного карандашного контура, что он старался рисовать в «темпе» пушкинских рисунков. В заключающем книгу послесловии Е. Дороша говорится, что Кузьмин «иллюстрировал „Евгения Онегина“, сознавая свою руку как бы рукой самого поэта, не подражая ему, а постигнув самую суть приема, сообщающего свободу и жизнь рисунку» (стр. 163). Е. Дорош относит издание «Евгения Онегина» к образцам полиграфического искусства нашего времени.

Другая талантливая работа Кузьмина из его «пушкинианы» — издание «Графа Нулина» (1959), сделанное в формате стихотворных альманахов 20-х годов. Рисунки Кузьмина сливаются с текстом в словесно-графическом единстве. В книге

²⁶ Критика, требующая возражения. «Литературная газета», 1956, 14 июля, № 82.

²⁷ Н. Кузьмин. Штрих и слово. «Художник РСФСР», Л., 1967.

Пушкин. Рисунок Н. В. Кузьмина.

М. П. Сокольников говорит, что первым качеством работы Кузьмина является верное, ясное и тонкое понимание пушкинской поэмы. Приводится высказывание писателя Л. М. Леонова об иллюстрациях: «В его „Графе Нулине“ все проникнуто ароматом пушкинской поэзии — не только рисунок, но, кажется, и штрих, манера штриха».²⁸

В. Костин,²⁹ как и автор предыдущей монографии, оценил глубину и полнокровность образов, созданных Кузьминым, и оформление «Графа Нулина», в котором художник передает стиль изданий пушкинского времени, оставаясь при этом вполне современным в самом характере изображения. Иллюстрации Кузьмина, пишет В. Костин, как и все элементы оформления его книг, способствуют раскрытию образов, будучи в то же время декоративными и украшая книгу.

В очерке Ю. Кузнецовой о творчестве известного советского иллюстратора произведений классической литературы Ф. Д. Константинова³⁰ дана оценка его гравюр на дереве, выполненных к ряду пушкинских произведений. Ю. Кузнецова считает, что в иллюстрациях к «Евгению Онегину» (издание 1954 г.) не все удалось художнику; психологическая характеристика образов героев романа не завершена; образы решены в монументальном возвышенно-романтическом плане, что противоречит пушкинской характеристике. По мнению Ю. Кузнецовой, иллюстрации «в какой-то мере являются еще одним шагом вперед в иллюстрировании Пушкина», хотя это суждение в общем не вяжется с данной ей же ранее суровой оценкой, что задуманная «энциклопедия русской жизни» не получилась. Ю. Кузнецова приводит и очень высокий отзыв, данный писателем Всеволодом Ивановым иллюстрациям и всему изданию «Евгения Онегина» в целом.³¹

К 1959—1963 гг. относится работа Е. Кибрика над иллюстрированием «Бориса Годунова». В. Ракитин в статье, посвященной одному из талантливейших советских иллюстраторов книги,³² говорит, что иллюстрации отличает единство всех элементов, все в них подчинено выявлению идеи.

Иллюстрации Е. Кибрика к изданию «Бориса Годунова», вышедшему в 1965 г., высоко оценил и Ю. Пименов,³³ за отсутствие в них стандартной модернизации и в то же время — откровенно традиционного решения. Кибрик вынес все жанровые мотивы

²⁸ Там же, стр. 57.

²⁹ В. Костин. Новые работы Н. В. Кузьмина. «Искусство книги. 1958—1960. Выпуск третий». «Искусство», М., 1962, стр. 187—191.

³⁰ Ю. Кузнецова. Федор Денисович Константинов. «Советский писатель», М., 1965.

³¹ Там же, стр. 54—55.

³² В. Ракитин. Евгений Кибрик. «Искусство», 1963, № 7, стр. 18—27.

³³ Ю. Пименов. Новые иллюстрации к русской классике. «Новый мир», 1966, № 2, стр. 261—265. См. также: Б. Иогансон. Новое прочтение Пушкина. «Правда», 1967, 27 августа.

в небольшие по размерам, но очень содержательные композиции, дав на страничных рисунках, во всю полосу, крупным планом основные персонажи пушкинской трагедии. Иллюстрациям присуще глубокое проникновение художника в психологию изображаемых им лиц. Если больше всего художнику удалось мужские характеры, то, по мнению Ю. Пименова, не совпадающему с мнением В. Ракитина в оценке образа Марины Мнишек, этому единственному женскому портрету «не хватает и женской пластики и женской психологии». В положительной оценке, которая дана одним художником работе другого художника — большого мастера книжной иллюстрации — содержится глубоко справедливая мысль: «... только художник, живущий современностью, может по-настоящему иллюстрировать и Пушкина, и Гоголя, и классику вообще. Для него классика — живая часть реальности, то, что читается, видится и чувствуется сегодня...».³⁴

Высокая оценка иллюстраций Кибрика к пушкинской трагедии содержится и в статье Т. Курочкиной³⁵ о персональной выставке работ художника, показанной в 1966 г. в Москве и Ленинграде.

В иллюстрациях М. С. Родионова к «Полтаве», «Медному всаднику» и «Капитанской дочке», по мнению А. Чегодаева,³⁶ заключена глубокая внимательность и деликатность, с которой художник изображает пушкинских героев. Сравнивая иллюстрации к «Медному всаднику» Родионова со ставшими классическими иллюстрациями Бенуа, он говорит: «Его Евгений из „Медного всадника“ Пушкина — это не безликое, незаметное олицетворение ничтожества, как получилось даже в гениальных иллюстрациях Александра Бенуа, но живой и горестный образ бедного человека, счастье которого было раздавлено холодной бездушной стихией...».³⁷

Пушкинская тема не заняла значительного места в творчестве Н. Н. Купреянова — ученика Д. Кардовского, К. Петрова-Водкина, А. Остроумовой-Лебедевой. В очерке Н. Розановой³⁸ о работе Н. Н. Купреянова над ксилографией говорится об иллюстрациях Н. Н. Купреянова к «Борису Годунову» (1923), в которых стремление к максимально точной характеристике эпохи привело к излишней стилизации. Иллюстрации отличает и разностильность, противоречащая единству пушкинской трагедии и затрудняющая ее понимание.

³⁴ Там же, стр. 265.

³⁵ Т. Курочкина. Выдающийся мастер графики. «Искусство», 1966, № 12, стр. 15—19.

³⁶ А. Чегодаев. Родионов-иллюстратор. «Искусство книги. 1958—1960. Выпуск третий». «Искусство», М., 1962, стр. 247—253.

³⁷ Там же, стр. 248.

³⁸ Н. Розанова. Купреянов и книжная графика. «Искусство книги. 1958—1960. Выпуск третий». «Искусство», М., 1962, стр. 262—269.

Выдающийся иллюстратор произведений классической русской и советской литературы Д. А. Шмаринов, по мнению Ю. Халаминского,³⁹ сумел в большинстве рисунков, входящих в цикл «Повести Белкина» достичь немногословности, ясности, изящной легкости. Однако при всей гармоничности рисунков их отличает известная рассудочность, недостаточная глубина образов. Созданные Д. А. Шмариновым женские образы несколько однородны, а мужским не хватает характерности. Ю. Халаминский, в частности, находит, что художник не сумел создать достаточно глубокий образ героя «Станционного смотрителя» и вскрыть гуманизм повести. В качестве заслуги художника отмечается его умение передать в иллюстрациях пушкинский иронический тон, который особенно удался Шмаринову в рисунках к «Барышне-крестьянке». В иллюстрациях к «Дубровскому» Шмаринов не сумел раскрыть все стороны романа, не показал стихийного крестьянского восстания. К числу удач художника относится образ молодого Дубровского, а также образы крестьян. К сожалению, анализ этой работы Шмаринова сделан недостаточно глубоко. Не затрагивает, по существу, Ю. Халаминский иллюстрации Шмаринова к пушкинской лирике.

Н. Горленко дает описание портрета Пушкина, награвированного старейшим мастером графики П. Я. Павлиновым (1924) и считающегося одним из лучших портретов поэта, выполненных художниками в XX веке.⁴⁰ Малоизвестный портрет поэта, исполненный в линогравюре Ю. П. Великановым (1933) упоминает К. Безменова.⁴¹

Об успехе молдавского художника И. Богдеско, сумевшего в ряде тонких рисунков проследить сюжетную линию пушкинской поэмы «Цыганы» и передать в образе Земфиры «счастье любви и ее горечь», говорит Ю. Халаминский.⁴² Несомненной удачей И. Богдеско он считает также образ старого цыгана, тогда как образ Алеко менее удался художнику.

Книга В. И. Ольшевского посвящена творчеству рано ушедшего из жизни (26 лет) художника В. Свешникова.⁴³ Среди законченных Свешниковым произведений была его дипломная работа — иллюстрации к «Пиковой даме» (1951—1952). В. И. Ольшевский подробно рассказывает о рисунках Свешникова, в которых «уловлен благородный пушкинский строй образов единство внутреннего и внешнего в героях Пушкина». Автор

³⁹ Ю. Халаминский. Д. А. Шмаринов. «Советский художник», М., 1959.

⁴⁰ Н. Горленко. П. Я. Павлинов — мастер и теоретик. «Искусство», 1966, № 10, стр. 52—57.

⁴¹ К. Безменова. Юрий Великанов. «Искусство», 1966, № 12, стр. 45.

⁴² Ю. Халаминский. Яркий талант. «Искусство», 1965, № 6, стр. 25—26.

⁴³ В. И. Ольшевский. Владислав Свешников. «Советский художник», М., 1961.

считает, что художник сумел глубоко понять повесть Пушкина, избегал внешних эффектов в иллюстрациях, отличающихся точностью рисунка. Невозможно согласиться с В. И. Ольшевским, отстаивающим (в связи с созданным В. Свешниковым эпизодом «Гермаин на балу», которого в тексте Пушкина нет) право иллюстратора на «свободное творческое изобразительство, отхода, когда это ему нужно, от буквы писательского текста с целью воссоздания более обобщающих образов и ситуаций, нежели те, что подсказывает ему книга». Думается, что, во всяком случае, когда дело касается иллюстрирования Пушкина, не должно быть места расширению сюжетной канвы и художник не имеет права давать волю вымыслу, чтобы «показать то, чего нет у писателя, но что в сфере иллюстрации помогло бы отчетливее выявить основную идею книги».⁴⁴ В. Свешников в 1949—1951 гг. сделал цикл иллюстраций и к «Сказке о попе и о работнике его Балде», замыслив все оформление «в единстве красочного веселого изображения и поэтического слова... Без всякой стилизации под сказку...».⁴⁵

В акварелях к «Полтаве» (1948—1949) известного советского художника В. А. Серова, замечает М. Сокольников,⁴⁶ художник подчеркивает «патриотическое напряжение, заставляющее яснее понять трагический смысл изображенных Пушкиным событий». В цикле иллюстраций к «Сказкам» (1953—1954) В. А. Серов как бы напоминает о том заветном, что определяет самобытность той или иной пушкинской сказки.

Иллюстрации к пушкинским сказкам, выполненные Т. А. Мавриной, получили положительную оценку Т. Гурьевой,⁴⁷ Е. Муриной⁴⁸ и В. Костина.⁴⁹ Последний приводит высказывание Мавриной о ее работе над «Русланом и Людмилой».

Оценивая иллюстрации к «Сказке о мертвой царевне» Л. А. Ильиной, Д. М. Орешкин⁵⁰ отмечает в них присутствие человека с его характером и поступками.

В. Конашевичу, по мнению художника В. Горяева,⁵¹ удалось с помощью сатирической трактовки глубже показать мудрость пушкинских сказок в отличие от других иллюстраторов, стремившихся оттенить в первую очередь очарование пушкинского стиха.

⁴⁴ Там же, стр. 12—13.

⁴⁵ Там же, стр. 32.

⁴⁶ М. Сокольников. Иллюстрации Владимира Серова. «Искусство», 1964, № 9, стр. 41—26.

⁴⁷ Т. Гурьева. Руслан и Людмила. «Творчество», 1961, № 3, стр. 21.

⁴⁸ Е. Мурина. Художница-сказочница. «Искусство книги. 1958—1960. Выпуск третий». «Искусство», М., 1962, стр. 283—290.

⁴⁹ В. Костин. Т. А. Маврина. «Советский художник», М., 1966.

⁵⁰ Д. М. Орешкин. Иллюстрации к киргизскому изданию сказки А. С. Пушкина. «Русский язык в киргизской школе», Фрунзе, 1962, № 2, стр. 26—27.

⁵¹ В. Горяев. Мир художника. «Творчество», 1962, № 8, стр. 13—14.

Об иллюстрациях эстонского художника Гюнтера Рейндорфа к пушкинским сказкам, уделившего внимание реальным и бытовым эпизодам сказок, упоминает В. Бернштейн,⁵² полагая, что, достигнув успеха в иллюстрировании «Сказки о царе Салтане», художник не уловил сатирического подтекста «Сказки о золотом петушке» и не передал «озорной юмор» «Сказки о попе и о работнике его Балде».

Глубоко верное высказывание о задачах, стоящих перед иллюстраторами Пушкина, было сделано в свое время Б. В. Томашевским: «Нельзя к Пушкину подходить с чисто декоративным заданием. Пушкин не поэт чистого пейзажа. Центральное в Пушкине — человек. Люди, характеры не должны заслоняться декорацией обстановки. Мне кажется, основная задача воскресить героев Пушкина, дать их лица, их характер... Но, разрешая большие вопросы иллюстрирования Пушкина, нельзя забывать одного. Пушкин будет жить. Как книга. Иллюстратор должен думать о той идеальной книге, где гармонический текст Пушкина будет чередоваться с иллюстрациями. Необходимо озаботиться не только о стиле самих иллюстраций, но и о стиле всей книги, о стиле полиграфического оформления».⁵³

Под этим углом зрения и рассматривается тема «Пушкин в графике» во многих вошедших в настоящий обзор искусствоведческих работах, посвященных по преимуществу творчеству наиболее прославленных художников. «Пушкинская тема неисчерпаема, — писал Д. А. Шмаринев, — она привлекает внимание начинающих художников и зрелых мастеров резца и кисти».⁵⁴ Каждый год приносит все новые работы советских графиков на пушкинские темы. Можно в качестве примера назвать ряд выставок, состоявшихся за последние годы в пушкинских музеях Москвы, Ленинграда, в Пушкинском заповеднике, где была представлена графика на пушкинские темы П. Л. Бунина, В. М. Звонцова, Г. Н. Веселова, Т. А. Мавриной, П. Ф. Осипова, И. П. Корнилова и других.⁵⁵

⁵² В. Бернштейн. Гюнтер Рейндорф. «Искусство книги. Выпуск второй. 1956—1957». «Искусство», М., 1961, стр. 171—173.

⁵³ Б. В. Томашевский. Пушкинская книга и художник. Беседы в редакции: Пушкин в изобразительном искусстве. «Литературный современник», 1937, № 1, стр. 221.

⁵⁴ Д. А. Шмаринев. Иллюстрации к повести «Дубровский». «Вечерняя Москва», 1949, № 128, 28 мая.

⁵⁵ Бунин Павел Львович. Выставка работ «Иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина». М., 1960; Каталог выставки произведений художника Звонцова В. М. Составитель С. С. Гейченко. Пушкинские горы, 1962; Г. Н. Веселов. Выставка работ на пушкинские темы. Всесоюзный музей А. С. Пушкина, Л., 1962; Татьяна Алексеевна Маврина. Иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина к народным сказкам. Предисловие и каталог Г. Д. Крапивницкой. (Гос. музей А. С. Пушкина). М., 1962; Каталог акварельных этюдов художника И. П. Корнилова. Пушкинские места. Пушкин-

Успешнее решается задача иллюстрирования Пушкина, значительные результаты достигнуты в полиграфическом оформлении пушкинских изданий.⁵⁶ Больше появляется пушкинских произведений, проиллюстрированных художниками братских республик. Особого внимания заслуживают и многочисленные зарубежные иллюстрированные пушкинские издания, в большинстве неизвестные советскому читателю. Накопленный материал на тему «Пушкин в графике» нуждается в дальнейшем изучении и обобщении.

ский Гос. заповедник. Лениздат, 1965; Выставка — Десять лет практики студентов графического факультета Института им. И. Е. Репина Академии художеств СССР в Пушкинском заповеднике 1957—1966. Краткий каталог выставки. Составитель С. С. Гейченко. Лениздат, 1966.

⁵⁶ См., например, высокую оценку полиграфического оформления нового издания «Пиковой дамы» (с иллюстрациями Г. Д. Епифанова), выпущенного Ленинградским отделением изд-ва «Художественная литература». — Н. Кузьмин. Мир пушкинских образов. «Известия», 1967, № 81, 8 апреля.

В. В. ЗАЙЦЕВА

КНИГИ О ПУШКИНЕ 1966 ГОДА

Азадовский М. Руставели в стихах Пушкина. — В кн.: Деятели русской культуры о Шота Руставели. Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1966, стр. 120—128.

Впервые: «Звезда», 1938, № 5, стр. 228—231.

Антокольский П. «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., «Художественная литература», 1966, стр. 5—19.

Бадалич Й. Русские писатели в Югославии. Из истории русско-югославских литературных связей. Пер. с хорватского. Ред. В. Д. Кузьмина. М., «Прогресс», 1966, 319 стр.

Стр. 61—104: «Пушкин в хорватской литературе». Стр. 104—120: «Хорватские переводы произведений А. С. Пушкина».

Балашов Н. И. Пушкин и испанская драма XVII в. на славянские темы. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. М., «Наука», 1966, стр. 27—38.

Благой Д. Д. Пушкин и Важа Пшавела. (К постановке проблемы.) — В кн.: Сборник, посвященный памяти Важа Пшавела. Тбилиси, 1966, стр. 65—87. (Тбилисский гос. унив. Кабинет Важа Пшавела).

Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830—1831. Указатель содержания. Вступит. статья «В борьбе за высокую гражданственность» (стр. 3—46) М. П. Еремина. М., «Книга», 1966, 207 стр.

Винокуров Евгений. А. Пушкин. — В кн.: Винокуров Е. Поэзия и мысль. М., «Советская Россия», 1966, стр. 45—55. (Библиотечка молодого литератора).

Воеводин Всеволод. Повесть о Пушкине. Рис. С. Юдовина. Л., «Детская литература», 1966, 303 стр. с илл. (Школьная библиотека).

Гицпиус В. В. От Пушкина до Блока. М.—Л., «Наука», 1966, 347 стр., с портр. (АН СССР. Отд. лит. и яз. Комиссия по истории филол. наук).

Стр. 7—46: «Повести Белкина» (впервые: «Литературный критик», 1937, № 2, стр. 19—55).

Рец.: Григорьян К. Ценный вклад в литературоведение. — «Нева», 1966, № 8, стр. 200—201.

Гятович А. Заметки переводчика. — В кн.: День поэзии. 1966. Л., «Советский писатель», 1966, стр. 54—57.

Пушкин и китайский поэт Ду Фу.

- Гроссман Виктор. Арион. Роман в трех частях с эпилогом. М., «Советский писатель», 1966, 474 стр.
- Гуковский Г. А. Изучение литературного произведения в школе. (Методологические очерки о методике). М.—Л., «Просвещение», 1966, 266 стр.
- Гл. 8: Как направить внимание учащихся к деталям разбираемого произведения: а) иноязычная лексика в первой главе «Евгения Онегина» (143—153); б) переносы, перебои ритма в «Медном всаднике» (153—160).
- Гл. 9: Как характеристика героев произведения раскрывает идеи писателя: а) царь Борис в трагедии Пушкина (162—167); б) Германн в «Пиковой даме» (167—182).
- Гуревич А. Пушкин и русская лирика эпохи романтизма. (Проблемы нравственного идеала). Автореф. канд. дисс., М., 1966, 15 стр. (АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького).
- Двойниченко-Маркова Е. М. Источники легенды об Овидии в «Цыганах» Пушкина — В кн.: Вопросы античной литературы и классической филологии. М., «Наука», 1966, стр. 321—329. (АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького).
- Дуарте М.-К. Первые переводы произведений Пушкина в Чили. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения М. П. Алексева. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 192—196.
- Ениколопов И. Пушкин в Грузии. Под ред. К. Н. Григорьяна. Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1966, 108 стр. с илл.
Худ.: Н. Чернышков.
Содерж.: Пушкин и Восток. — Подготовка к поездке на Восток. — В пути. — Политика царизма в Закавказье. Тбилиси времен Пушкина. — Пушкин в Тбилиси и Кахетии. — Пушкин и декабристы на Кавказском фронте. — О «Путешествии в Арзрум». — Пушкин и грузинская литература. — Прилож. Газета «Тифлисские ведомости» и ее сотрудники.
- Ефремов А. Ф. Язык и стиль романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Ефремов А. Ф. Очерки по изучению языка и стиля писателей. (В помощь учителям и студентам-филологам). Саратов, изд. Саратовского унив., 1966, стр. 14—25.
- Жакова Н. К. К истории переводов драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» на чешский язык. — В кн.: Взаимосвязи славянских литератур. Сборник статей. Л., 1966, стр. 111—130. (Ленингр. гос. унив.).
- Заславский И. Я. В творческой лаборатории Пушкина. (Из наблюдений над вариантами «Евгения Онегина»). — В кн.: Вопросы русской литературы. (Межвузовский респ. сборник). Вып. 3. Львов, Изд. Львовского унив., 1966, стр. 102—110.
- Захариева И. Пенчо Славейков о Пушкине. — В кн.: Русская литература семидесятих—девяностых годов. Сб. I. Свердловск, 1966, стр. 133—175. (Уч. зап. Уральского унив. им. А. М. Горького, № 45. Серия филолог., вып. 3).
- Инбер Вера. Как будто не умирал... — В кн. Инбер В. Собрание сочинений в 4 томах, т. 4. М., «Художественная литература», 1966, стр. 236—241.

Написано в 1962 г.

- История русской журналистики XVIII—XIX веков. Под ред. А. В. Запорова. Изд. 2, испр. и доп. М., Высшая школа, 1966, 544 стр.
- Стр. 174—194: «Журналистская деятельность А. С. Пушкина».
- Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М., «Наука», 1966, 304 стр.
- Гл. 8: Эпизоды политической борьбы вокруг «Путешествия».
2. Пушкин и Радищев (стр. 197—205).
- Краевская Г. М. Образ Пушкина в поэзии Э. Багрицкого. — В кн.: Вопросы русской литературы. (Межвузовский респ. сборник). Вып. 2. Львов, Изд. Львовского унив., 1966, стр. 79—86.
- Кугультинов Давид. У памятника Пушкину. — В кн.: Кугультинов Д. Утоление жажды. Сказки. Рассказы. Очерки. Статьи. Страницы автобиографии. Элиста, Калмкнигоиздат, 1966, стр. 149—151.
- Написано в 1958 г.
- Лалич Р. Александр Пушкин в сербской литературе. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 205—213.
- Лежнев А. Проза Пушкина. Опыт стилового исследования. Изд. 2. М., «Художественная литература», 1966, 263 стр.
- Ленобль Г. М. У истоков «Полтавы». — В кн.: Ленобль Г. М. Писатель и его работа. Вопросы психологии творчества и художественного мастерства. М., «Советский писатель», 1966, стр. 271—319.
- Впервые: «Новый мир», 1959, № 10, стр. 235—250.
- Лесс Ал. Непрочитанные страницы. Рассказы. М., «Советский писатель», 1966, 311 стр.
- Стр. 104—106: «Александр Пушкин» [Самолет И. А. Повикова]. Стр. 251—258: «К истории „Пушкина“» [М. Булгакова].
- Лидин Вл. Друзья мои — книги. Заметки книголюбца. М., «Книга», 1966, 352 стр.
- Стр. 97—101: «Письма Наталии Гончаровой» [Поиски писем в Ярославле]. Стр. 102—104: «Вокруг Пушкина» [По поводу надписи «Коей дарит барона А. П.» на книге Богдановича «Душенька»]. Стр. 104—107: «Фигурка из домика Нащокина» (впервые: Книга. Исследования и материалы. Сб. 10. М., 1965, стр. 324—326). Стр. 223—226: «История одной мечты». Стр. 339—342: «Анджело» (впервые: там же, стр. 331—333).
- Лобовская Р. Пушкин в английской критике и переводах. — В кн.: Сборник студенческих работ, вып. 5. М., 1966, стр. 67—85. (Московский гос. инст. культуры).
- Макогоненко Г. П. Александр Пушкин. 1799—1837. — В кн.: Русские поэты. Антология в 4 томах, т. 2. М., «Детская литература», 1966, стр. 5—28.
- Макогоненко Г. П. Учение Радищева об активном человеке и Пушкин. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения П. Н. Беркова. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 345—352. (Акад. наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). «XVIII век», сб. 7).
- Мейлах Б. С. Судьба «Евгения Онегина» в русской критике XIX—нач. XX в. — В кн.: Сборник, посвященный памяти Важа Пшавела. Тбилиси, 1966, стр. 96—110. (Тбилисский гос. унив. Кабинет Важа Пшавела).

- Менье А. Русский восемнадцатый век и формирование Пушкина. (Заметки). — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 339—344. (Акад. наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). «XVIII век», сб. 7).
- Непомнящий В. О сказках Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Сказки. М., «Художественная литература», 1966, стр. 5—21 («Народная библиотека»).
- Оришин А. Д. Советские пьесы о Пушкине. — В кн.: Вопросы русской литературы. (Межвузовский респ. сборник). Вып. 2. Львов, Изд. Львовского унив., 1966, стр. 93—102.
- Петряев Евг. Нити к Пушкину. — В кн.: Петряев Е. Литературные находки. Очерки культурного прошлого Вятской земли. Киров, Волго-Вятское кн. изд., 1966, стр. 86—94.
- Поиски книг из библиотеки Пушкина в Вятке. Вятские знакомые Пушкина. Пушкин и А. И. Емичев.
- Преображенская Е. П. Кружок русского языка в школе. Пособие для учителя. М.—Л., «Просвещение», 1966, 207 стр.
- Стр. 161—168: «От Ломоносова до Пушкина». Стр. 168—173: «Развитие русского литературного языка от Пушкина до наших дней».
- Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Коллективная монография под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.—Л., «Наука», 1966, 663 стр. (Акад. наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом)).
- Рец.: Голицына В. — Звезда, 1967, № 6, стр. 220—221.
Теплова В. А., Рязанцев Г. А. — Уч. зап. Горьк. унив., вып. 78, серия историко-филол., 1966, стр. 537—544.
Фридман Н. — Изв. АН СССР, серия литературы и языка, т. 25, вып. 5, 1966, стр. 436—438. S v a t o ť V. Puškin a ruská literární věda — Československá rusistika, Praha, 1967, roč. 12, čís. 1, s. 56—57.
- Пушкинские места Кишинева. Сост. А. Васильев. Автор текста Г. Богач. Оформ. худ. С. Полингер. Кишинев, «Карта молдовеняскэ». 1966, 38 стр. с илл.
- Рааб Г. Фридрих Боденштедт и свободолюбивая лирика Пушкина. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 226—232.
- Радциг С. И. О некоторых античных мотивах в поэзии А. С. Пушкина. — В кн.: Вопросы античной литературы и классической филологии. М., «Наука», 1966, стр. 369—386. (Акад. наук СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького).
- Рождественский Вс. Читая Пушкина. Рис. А. С. Пушкина. Изд. 2. Л., «Детская литература», 1966, 190 стр. с илл. (Школьная библиотека).
- Рунт М. И. Романтический герой Пушкина в оценке В. Г. Белинского. (К проблеме характера в эстетике революционных демократов — характер и современность). — В кн.: Вопросы русской и зарубежной литературы, т. 2. Куйбышев, 1966, стр. 52—74. (Куйбышевский гос. пед. инст. им. В. В. Куйбышева. Зональное объединение литературоведческих кафедр пед. институтов Поволжья).

- Слонимский Александр. Юность Пушкина. Рис. А. Уткина. М., «Детская литература», 1966, 135 стр. ([Для старшего возраста]).
- Степанов Н. Поэты и прозаики. М., «Художественная литература», 1966, 360 стр.
Стр. 91—100: «Письма Пушкина как литературный жанр» (впервые в кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, стр. 450—456). Стр. 101—124: «Лирика Пушкина». Стр. 125—138: «Повесть, рассказанная Пушкиным» (впервые в кн.: Русская литература. Статьи, исследования, публикации. М., 1961, стр. 23—33).
- Тресков И. В. Ш. Б. Ногмов и А. С. Пушкин. — В кн.: Тресков И. В. Светильник жизни. Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, Кабардино-Балкарское кн. изд., 1966, стр. 114—141.
- Тынянов Ю. Н. «Ганнибалы». Вступление. [Глава из романа. Публик. Н. Л. Степанова]. — В кн.: Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М., «Молодая гвардия», 1966, стр. 204—211. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 11).
Написано в 1932 г.
- Украинское музыковедение. (Научно-методический междуведомственный ежегодник). 1964. Киев, «Мистецтво», 1966, 339 стр.
Стр. 216—227: Е. Майбурова. Основные черты эпического жанра в опере М. И. Глинки «Руслан и Людмила». Стр. 228—245: А. Шольп. Проблема сюжетного варианта в эплоге «Евгения Онегина» Чайковского.
- Фаворский В. О художнике, о творчестве, о книге. М., «Молодая гвардия», 1966, 127 стр. с илл.
Стр. 77—78: «О „Домике в Коломне“ А. С. Пушкина». Стр. 90—98: «О „Маленьких трагедиях“ А. С. Пушкина». (О своих работах в книге).
- Федоров А. И. Фразеологические обороты в языке произведений А. С. Пушкина 20-х годов XIX века. — В кн.: Язык художественных произведений. Сб. статей. Омск, Западно-Сибирское кн. изд., Омское отд., 1966, стр. 168—183. (Новосибирский пед. инст.).
- Фомина М. И. Из наблюдений над приемами авторедактирования А. С. Пушкина. (Работа Пушкина над текстом прозаических произведений). Материалы в помощь изучающим курс «Практическая стилистика современного языка». Учебное пособие. М., 1966, 32 стр. (Министерство высшего и среднего спец. образования РСФСР. Московский полиграф. инст.).
- Цявловская Т. Г. Мария Волконская и Пушкин. (Новые материалы). — В кн.: Прометей. Т. I. М., «Молодая гвардия», 1966, стр. 54—71 с илл. и факс.
Письма Волконской к В. Ф. Вяземской 1826—1827 гг.
- Чичорин А. В. Спорные вопросы стиля пушкинской прозы. — В кн.: Вопросы русской литературы. (Межвузовский респ. сборник). Вып. 1. Львов, Изд. Львовского унив., 1966, стр. 7—13.
- Шадури Ваню. Пушкин и грузинская общественность. Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1966, 230 стр.
Содерж.: Грузинские мотивы в южных поэмах Пушкина. — О «самовольной поездке Пушкина» в Закавказье. «Путешествие в Арзрум». — Грузия в стихах Пушкина. Гимн Тереку. — Пуш-

кин и «Тифлисские ведомости». — Пушкин и грузинские романтики.

Шкапа И. С. Семь лет с Горьким. Воспоминания. М., «Советский писатель», 1966, 387 стр.

Стр. 80—101: «О людях с солнцем в крови. Пушкин и Сирано де Бержерак».

Шкловский Виктор. Повести в прозе. Размышления и разборы. Т. 2. М., «Художественная литература», 1966, 463 стр.

Стр. 11—65: Пушкин. (О сюжете Пушкина. — «Арион» — певец, спасенный песней. — Роман «Евгений Онегин» и другие произведения со многими подробностями, как бы не относящимися к жизни основных героев. — «Путешествие в Арзрум» как преодоление очерка-путешествия. — О времени в художественном произведении и о методе выбора деталей. — Метод описания в «Капитанской дочке». — Язык, мечты и желания. — О прототипах. — Об эпиграфах «Капитанской дочки». — Мужичья рука, которую целуют. Стр. 66—82: Пушкин и Гоголь.

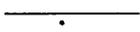
Шнейдерман Р. С. Наследие А. С. Пушкина в поэзии Н. А. Добролюбова. — В кн.: Из истории русской литературы XIX в. Калуга, 1966, стр. 3—27. (Тульский пед. инст. им. Л. Н. Толстого).

Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., «Мысль», 1966, 309 стр.

Стр. 32—47: 2. «Друзья Пушкина» [Герцен, Огарев, Рылеев, Полторацкий]. Стр. 163—181: 9. «Потаенный Пушкин».

Юзовский Иосиф Ильич. Пушкин ли это? — В кн.: Юзовский И. И. Разговор затянулся за полночь. Статьи разных лет. М., «Советский писатель», 1966, стр. 212—221.

О спектакле «Каменный гость» в Театре им. МОСПС (1937).

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

1. «С ПОРТУГАЛЬСКОГО»

В последнее время небольшое стихотворение Пушкина «Там звезда зари взошла», являющееся переводом одной из «лир» Томаса Антонио Гонзаги, привлекло к себе новое внимание исследователей в связи с интересом к творчеству этого знаменитого бразильского поэта, возникшим в советской печати. Небольшой очерк о переводе Пушкина из Гонзаги напечатал В. В. Владимиров (С португальского. «Неделя», 1961, № 9, стр. 18—19; воспроизведен в книге того же автора: Путешествие в далекое и близкое, М., 1963, стр. 36—41). В 1964 г., в связи с 220-летием со дня рождения Гонзаги, появилась статья Инны Тыняновой «Сердце мое необъятнее мира!» («Иностранная литература», 1964, № 8, стр. 251—252), а вслед за тем в серии «Библиотека латиноамериканской поэзии» появилась книга: Т. А. Гонзага. Лирь. Чилийские письма. Перевод с португальского И. Тыняновой. «Художественная литература», М., 1964, 171 стр. Книге предпослано предисловие переводчицы («Звезда зари», стр. 3—24), в котором снова довольно подробно говорится о стихотворении Пушкина «Там звезда зари взошла» (стр. 17—24). И. Тынянова возражает здесь тем исследователям, которые предполагали, что Пушкин переводил «лиру Э» второй части сборника Гонзаги (или LXXI по критическому изданию) не с оригинала, а с французского перевода, и выдвигает новую догадку, что в руках Пушкина был подлинный португальский текст этого стихотворения. По мнению И. Тыняновой, в те годы, когда Пушкин написал «Там звезда зари взошла», «не только уже появилась известная французская книга переводов из Гонзаги Э. Монглава, но и вышел ряд изданий в оригинале, выпущенных не в далекой Бразилии, а в столице Португалии Лиссабоне, городе больших европейских связей. После провозглашения независимости Бразилии в 1822 г. лиссабонские издания следовали одно за другим: португальцы стремились «отнять» знаменитого поэта у бывшей колонии, объявив его своим на том основании, что он родился в Порто. Может быть, кто-либо из близких Пушкину людей, интересовавшихся португальской словесностью, был знаком с каким-либо из этих изданий? К тому же трудно предположить, что перевод с французского совсем без привлечения оригинала был обозначен Пушкиным, так строго относящимся к малейшему оттенку значения слов, не как подражание португальскому или пьесе из Гонзаги, а именно с указанием языка, с которого стихотворение переведено: «с португальского». С другой стороны, И. Тынянова, сличив перевод Пушкина и оригинал Гонзаги, пришла к заключению, что «при ряде чисто текстуральных отклонений стихотворение по духу своему, характеру стиля, лексической окраски, интонации представляет собою глубокое раскрытие произведения Гонзаги». «Лиризм Гонзаги — это пространное, написанное в идиллическом тоне аркадской школы воспоми-

нание о былом счастье вблизи Марилии. Сократив ее, Пушкин не просто опустил шесть строф, а перенес отдельные их образы и сюжетные мотивы в переведенные строфы, не потеряв, таким образом, ничего из образной системы, содержания и духовного строя лиры Гонзаги». Наблюдения, сделанные И. Тыняновой над португальским оригиналом и пушкинским переводом «лиры» Гонзаги, интересны, но все же не окончательно решают вопрос о тексте стихотворения, бывшем в руках Пушкина. Отметим в связи с этим, что современные бразильские слависты по-прежнему придерживаются той точки зрения, что оригиналом для Пушкина послужил французский прозаический перевод этой «лиры», помещенный в издании: *Mari-lie — chants élégiaques de Gonzaga traduits du portugais par E. Le Mon-glave et P. Chalas. Paris, C. L. Pancoucke éd., 1825*. Об этом появилась статья преподавателя философского факультета в университете г. Сан-Паулу (в Бразилии) Б. Шнайдермана под заглавием «Pushkin, tradutor de Gonzaga» в газете «O Estado de São Paulo», 1962 от 16 июня.

2. ПУШКИН И К. Т. ХЛЕБНИКОВ

Л. Б. Модзалевский впервые опубликовал письмо к Пушкину К. Т. Хлебникова от 7 января 1837 г., в котором этот известный в то время путешественник, незадолго перед тем вернувшийся из Аляски, предлагал поэту напечатать в «Современнике» «введение в историческое обозрение российских владений в Америке». Письмо Хлебникова первоначально было напечатано в сборнике «А. С. Пушкин и Сибирь» (М.—Иркутск, 1937, стр. 155—164), затем в сборнике Пушкинского дома «Литературный архив. Материалы для истории литературы и общественного движения» (М.—Л., 1938, стр. 28—30) и вошло в переписку Пушкина, собранную в академическом «Полном собрании сочинений» поэта (под № 1346, т. XVI, М.—Л., 1949, стр. 215—216). Публикуя это письмо дважды, Л. Б. Модзалевский выразил сожаление по поводу того, что от автора его «сохранилось мало биографических данных», и сообщил о К. Т. Хлебникове главным образом те сведения, которые можно было извлечь из некролога его, напечатанного в «Сыне Отечества» (1838); некролог этот Л. Б. Модзалевский считал «единственным и притом обстоятельным источником» для биографии К. Т. Хлебникова. Никаких других комментариев к указанному письму долгое время не появлялось, хотя в нем и оставались кое-какие неясные места. Между тем в г. Кунгуре, где родился Хлебников, обнаружен был его архив. Первое известие о «грудах бумаг, которые оказались архивом К. Хлебникова», со слов местных краеведов сообщил С. Н. Марков в статье «Летописи морской славы. Архивы исследователей Тихого океана» («Наука и жизнь», 1944, №№ 1—2). Однако систематическое исследование этих бумаг началось лишь в 50-х годах, после того как они были перевезены в Пермский областной архив; к сожалению, это были уже остатки некогда обширного архива. Описывая эти бумаги, Б. Н. Вишневский принужден был отметить, что он не нашел среди них многое из того, о чем упоминал С. Н. Марков; в частности, исчез рукописный экземпляр комедии Грибоедова «Горе от ума», которым особенно дорожил Хлебников (Б. Н. Вишневский. Путешественник Кирилл Хлебников и его научное наследие. В сб.: На Западном Урале, Пермь, 1956, стр. 119—134). Тем не менее среди сохранившихся бумаг оказались и такие, которые позволили исправить ошибки, вкравшиеся в упомянутый выше некролог К. Т. Хлебникова (ныне установлено, например, что он родился не в 1776, а в 1780 г.), и, с другой стороны, дополнить новыми пояснениями историю его отношений и письма к Пушкину. В книге Б. Н. Вишневского «Путешественник Кирилл Хлебников» (Пермь, 1957, стр. 47 и сл.) помещена целая глава «Декабристы и А. С. Пушкин в жизни К. Хлебникова», в которой приводятся не лишние интереса новые данные, заимствованные из рукописных источников

(например, записка приятеля Хлебникова литератора А. Г. Ротчева). Б. П. Вишнеvский, как нам кажется, с полным основанием усматривает в А. Ротчеве того петербургского литератора, на которого Хлебников, не называя его по имени, сослался в письме к Пушкину — «один из здешних литераторов, — писал Хлебников, — будучи у меня на квартире, прочитал писанное мною для себя введение в историческое обозрение российских владений в Америке и, не зная почему одобрил его, советовал напечатать в Вашем или другом журнале, принимая на себя труд передать мою рукопись». «Возможно, — догадывается Б. Н. Вишнеvский, — что Ротчев получил для правки и читал ту самую рукопись, которая была послана А. С. Пушкину. Но даже из письма Хлебникова видно, что оно было написано за три недели до трагической гибели Пушкина. А в этот короткий срок поэт едва ли что успел сделать с полученной рукописью» (стр. 47).

Предпринятое за последнее время интенсивное изучение литературного наследия К. Т. Хлебникова позволило по-новому ответить на вопрос, какую именно из своих рукописей он послал Пушкину. Л. Б. Модзалевский, не обнаружив в печати упомянутой в письме Хлебникова статьи его «Введение в Историческое обозрение российских владений в Америке», предположил, что речь шла о тех «Записках» его, которые, испытывая различные превратности судьбы, в конце концов изданы были только в 1861 г. в приложении к «Морскому сборнику». Это предположение неоднократно повторялось в различных очерках о К. Т. Хлебникове, в том числе и в указанных работах о нем Б. Н. Вишнеvского. Недавно Б. В. Лукин в специальной статье выступил с новой и более правдоподобной догадкой: «Если познакомиться с сочинением, напечатанным в 1861 г., <...> то прежде всего возникнет вопрос, как мог Хлебников в письме к Пушкину назвать этот труд более чем в 10 печатных листов „Запиской“, а к тому же еще и „Введением“ в „Историческое обозрение“, когда в нем последовательно излагались эпизоды из этой истории. Пепоятна и брошенная им фраза об отдельных мыслях, которые в крайнем случае „можно уничтожить“. Исходя из этого, надо думать, что путешественник предлагал Пушкину какую-то другую рукопись, позже затерявшуюся среди архивных документов автора <...>. Возвратясь из-за океана в Петербург, Хлебников решил завершить свой долголетний труд, который скромно называл „Записками о колониях в Америке“. Книга включала шесть объемистых частей <...>. Не раз посылал Хлебников эти разделы читать своим друзьям-литераторам, для чего снимал копии, дополняя и редактируя текст. Пожалуй, этим и объясняется обилие его разрозненных рукописей с общим названием в наших архивах. „Введение“, отправленное Хлебниковым А. С. Пушкину для напечатания в „Современнике“, скорее всего представляло небольшую программную статью, которая должна была служить чем-то вроде предисловия к задуманному труду о Русской Америке». В переплетенных в один том рукописях К. Т. Хлебникова, хранящихся в Архиве АН СССР в Ленинграде, Б. В. Лукин, из статьи которого сделаны вышеупомянутые выписки, нашел именно такое каллиграфически переписанное и снабженное подписью К. Т. Хлебникова «Введение» к его «Запискам о колониях в Америке». «Прочитав „Введение“, — заключает Б. В. Лукин, — легко убедиться, что эту-то тщательно переписанную рукопись и посылал Хлебников Пушкину за несколько недель до смерти поэта» (см.: Б. В. Лукин. Неопубликованная статья «летописца Русской Америки» К. Т. Хлебникова. (По поводу одного письма А. С. Пушкину). В сб.: От Аляски до Огненной Земли. История и этнография стран Америки, М., 1967, стр. 130—135). Таким образом, речь шла о напечатании в «Современнике» лишь предисловия к большому историческому труду о российских владениях в Америке, которое несомненно должно было заинтересовать Пушкина, если он в состоянии был его прочесть; в статье Б. В. Лукина дается подробная характеристика этого «Введения», которое «отчасти раскрывает общий замысел и направленность задуманной книги»; в том же сборнике помещена статья Р. Г. Ляпуновой «Рукопись К. Т. Хлебникова „Записки о колониях в Америке“ как

источник по этнографии и истории Аляски и Алеутских островов» (стр. 136—141), в которой впервые дается обзор того труда, «Введение» к которому направлено было к Пушкину.

М. А.

3. НЕИЗВЕСТНЫЙ НЕКРОЛОГ ПУШКИНА

Недавно в ЦГАДА нами обнаружен, до того нигде не напечатанный некролог А. С. Пушкина, написанный 30 января 1837 г. бароном Федором Андреевичем Бюлером (1821—1896).¹ Автор некролога был известным в свое время руским писателем, написавшим ряд романов и повестей; впоследствии Ф. А. Бюлер состоял директором Московского главного архива Министерства иностранных дел и являлся собирателем документов по истории России и автографов писателей и государственных деятелей.

Приводим полный текст этого некролога.

Пушкин

Встречая Новый год, мы оживились надеждою на год благополучия, но первый его месяц горестно и печально кончился для всякого русского! 29-го января наш знаменитый поэт Пушкин скончался после кратковременных страданий. Никакое происшествие не могло произвести на нас живейшего впечатления, как смерть поэта, цветущие лета которого еще обещали много изящных произведений русской музе. Вдоволенный пиит, светило нашей поэзии, он прославился; сделал имя свое прелестным для соотечественников и известным иностранцам, — и вдруг, среди блестящего своего поприща на пути, усеянном лаврами, — скончался. Имя его, порождавшее прежде радость, ныне только напоминает его горестную кончину! Потеря его слишком чувствительна, чтобы не привести в уныние; кто теперь заменит Пушкина в области поэзии? При этой мысли мы воздаем всю цену дарованиям его и вполне чувствуем ужасную потерю!

Барон Ф. Бюлер.

1837 года 30-го января, вечер.

Внизу пометка: Нигде не помещено
Б. Бюлер.

(ЦГАДА, ф. Бюлера, 186 оп., 1. ед. 478, л. 71).

Интересно отметить, что автор некролога Ф. Бюлер долгие годы хранил в своем личном архиве подлинник письма А. С. Пушкина к кавалерист-девице Н. А. Дуровой. Впервые оно было опубликовано Бюлером в «Русском архиве», 1872, № 1. В интересных примечаниях к этому письму (они занимают 6 больших столбцов) Ф. Бюлер сообщал: «В 1838 г. ... я начал собирать автографы, и это подлинное письмо Пушкина... было подарено мне моим школьным товарищем Леонидом Ивановичем Бутовским».

Изложив важнейшие факты жизни Н. А. Дуровой, рассказав о ее подвиге в Отечественную войну, Бюлер перечисляет все те места, где жил

¹ Текст этого некролога с краткими к нему пояснениями был напечатан И. Т. Трофимовым в газете «Вперед» (Орган Химкинского горкома КПСС и горсовета депутатов трудящихся), 1966, № 18 (4526), от 10 февраля). Редакция «Временника» обратилась к автору с просьбой прислать выверенный текст этого архивного документа и расширить комментарий к нему; в ответ на это и была получена публикуемая заметка.

А. С. Пушкин в 30-е годы. В 1831 г. Бюлер лично встречался с А. С. Пушкиным и его женой в Царском Селе. «Мне, после этой единственной встречи с Пушкиным, навсегда остались памяты: его прощательный взгляд, его кудрявые волосы и его необыкновенно длинные руки». 27 января 1837 г. автор публикуемого некролога посетил квартиру, в которой скончался поэт. «Это было воскресенье и, возвращаясь в училище, я под влиянием разнесшейся по городу горестной вести, зашел поклониться праху великого поэта. Народ туда валил толпами, и посторонних посетителей пускали через какой-то подземный ход и черную лестницу. Оттуда попал я прямо в небольшую и очень невысокую комнату, окрашенную желтой краской и выходившую двумя окнами на двор. Совершенно посередине этой комнаты... где раздавались вздохи и разговаривали лишь шепотом, стоял гроб, обитый красным бархатом с золотым позументом и обращенный стороною головы к окнам, а ногами к двери, отпертой пастежь в гостиную, выходившую окнами на Мойку... Платье было на Пушкине из черного сукна, старого фасона и очень изношенное... Помню, что в дверях соседней гостиной я узнал в этот вечер В. А. Жуковского, князя П. А. Вяземского и графа Г. А. Строганова. Не лишнее будет сказать, что приглашения на отпевание тела Пушкина были разосланы в церковь Адмиралтейства... но что во избежание демонстрации, которой будто бы ожидали со стороны студентов, тело перевезено было чуть ли не в самый день, назначенный для отпевания (или накануне поздно вечером) не в Адмиралтейство, а в соседнюю с домом кн. Волконских церковь придворного конюшенного ведомства, откуда оно тогда же отвезено в Псковскую губернию... Демонстрации могли опасаться только некоторые довольно сильные враги Пушкина, бывшие главными виновниками дуэли его с Дантесом Геккереном. Огромное большинство петербургского общества (и действительно, в особенности молодежь) было крайне возбуждено против них, и им оставалось только прикидываться разделяющими общее горе... Но было незначительное меньшинство, которое держало сторону Дантеса».

В 40-е годы Бюлеру довелось встречаться с братом поэта Л. С. Пушкиным и М. Ю. Виельгорским на литературно-музыкальных субботах В. Ф. Одоевского. «Подали ужин, — вспоминает Бюлер, — и тут-то Левушка (Л. С. Пушкин, — *И. Т.*) в первый раз узнал из подробного, в высшей степени занимательного рассказа графа Виельгорского все коварные подстрекания, которые довели брата его до дуэли. Передавать в печати слышанное тогда мною и теперь еще неудобно. Скажу только, что известный впоследствии писатель-генеалог П. В. Долгоруков был тут поименован в числе авторов возбудительных подметных писем».²

И. Т. Трофимов.

² «Русский архив», 1872, № 1, стр. 199--203.

III. ХРОНИКА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

(Москва) в 1966 г.

6 июня 1966 г. в музее открыт новый зал «Пушкин и наше время» — результат многолетней собирательской и экспозиционной работы. При входе посетителей встречает плакат со словами А. Твардовского «Наследие Пушкина всегда с нами и в нас самих», раскрывающими основную мысль всей экспозиции. Произведения Пушкина и книги о нем предстают и в скромных бумажных обложках первых лет революции, и в богато иллюстрированных изданиях последнего времени. Работы выдающихся советских писателей, художников, деятелей театра и кино на пушкинские темы убедительно свидетельствуют о благотворном влиянии Пушкина на современное нам искусство. Многие материалы сопровождаются табличкой «Новое», подчеркивающей основной принцип экспозиции этого зала — беспрестанное ее пополнение всем лучшим, что создано и будет создаваться поэтами и литературоведами, художниками и скульпторами, режиссерами и актерами, вдохновленными пушкинским гением (см. «Гений русской поэзии», «Правда», 7 июня 1966 г.). Со «Словом о Пушкине» 6 июня выступил акад. В. В. Виноградов. Состоялись выступления И. Андроникова, И. Ф. Балзы, С. В. Шервинского, поэтов и артистов.

В 1966 г. значительно пополнились фонды музея. Получены бюст Пушкина работы Урсулы фон Лейснера (ФРГ), портреты Идалии Полетики (акварель П. Ф. Соколова) и А. А. Олениной (копия А. Попова с оригинала К. Брюллова. См.: И. С. Зильберштейн. Парижские находки. «Огонек», 1966, № 49, стр. 24—27), иллюстрации Е. А. Кибрика к «Борису Годунову», В. М. Конашевича к «Сказке о царе Салтане», Н. В. Кузьмина к «Евгению Онегину», миниатюры конца XVIII—начала XIX в. (из семьи Селезневых, бывших владельцев дома, где помещается музей) и др.

Бесценным вкладом в книжные фонды музея является уникальная «Библиотека русской поэзии» — собрание И. Н. Розанова, подаренная К. А. Марцишевской (см. «Слаб голос мой, безвестен свету». «Неделя», 18 апреля 1966; «Уникальная библиотека». «Книжное обозрение», 7 октября 1966). Музею передана также пушкиниана из библиотеки Л. П. Гроссмана и А. Л. Слонимского. Коллекция зарубежных изданий Пушкина пополнилась книгами, недавно вышедшими в Болгарии, ГДР, США, Чехословакии (см. «Книга даров». «Московская правда», 5 июня 1966 г.; «Интервью по телефону». «Комсомольская правда», 7 июня 1966 г.). В музее были открыты выставка акварелей художника П. Ф. Осипова «Пушкинские места» и выставка коллекционных материалов Ф. Е. Вишневского (см. «Советская культура», 6 января и 13 января 1966 г.).

На открытых научных заседаниях выступили с докладами Д. Д. Благой, И. Ф. Балза, И. С. Зильберштейн, В. В. Пугачев и др. В чтениях

с комментариями» приняли участие А. А. Белкин и С. В. Шервинский. Четвертое собеседование из цикла «Пушкин в школе» — «Роль пушкинских спецкурсов и студенческих семинаров в подготовке учителей-словесников» — открыл С. М. Бонди (см. «В Государственном музее Пушкина». «Литература в школе», № 2, 1966). Средней школе адресован подготовленный к печати альбом «Пушкин», в который входят, помимо большого иллюстрационного материала, брошюра с методическими указаниями и аннотациями и пять долгоиграющих пластинок с литературно-музыкальными композициями на пушкинские темы (авторы-составители Н. В. Баранская, С. Т. Овчинникова, И. К. Эткин). В 1966 г. различными формами работы музей обслужил 119 тыс. человек. Следует отметить успешный опыт использования экскурсии, записанной на магнитофонную пленку и предназначенной главным образом для одиночных посетителей. При музее, как и прежде, работают кружок юных пушкинистов и две молодежные студии художественного слова. Состоялось 70 литературных и музыкальных вечеров (19 из них — вне музея). Большинство программ — пушкинские. В этих вечерах участвовали чтецы Петр Вишняков, Дмитрий Журавлев, Сурен Кочарян, Александр Кутепов, Юрий Мышкин, Яков Смоленский, Валерий Токарев, вокалисты Ирина Архипова и Паптелеймон Норцов, музыканты-исполнители Нина Бейлина, Ильзе Граубинь и др.

Дважды в неделю демонстрируются лучшие экранизации произведений русской и зарубежной классики и советской литературы.

9 мая, в День Победы, и 7 декабря, к 25-летию разгрома фашистских войск под Москвой, в музее выступили потомки поэта — участники Великой Отечественной войны, поэты, читавшие стихи военных лет, артисты фронтовых бригад.

И. К. Эткин

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (Ленинград)

Коллектив музея последние годы работал над созданием новой экспозиции, посвященной жизни и творчеству Пушкина. Отличительной особенностью экспозиции явилось то, что она построена исключительно на оригинальных изобразительных материалах XVIII в. и пушкинского времени. В большом количестве представлены рукописи и рисунки поэта (более 600 в копиях на архивной бумаге). Литературно-монографический музей размещается в 27 залах одного из флигелей Екатерининского дворца (г. Пушкин). В связи с открытием новой экспозиции, уникальные коллекции музея, длительное время хранившиеся в фондах (после демонтажа экспозиции, находившейся в помещении Эрмитажа), вновь будут доступны для обозрения.¹

На основе архивных материалов, воспоминаний современников, данных советского пушкиноведения Всесоюзный музей А. С. Пушкина ведет углубленную работу по дальнейшей перестройке своих филиалов по тому же принципу. В 1965 г. была проведена реэкспозиция квартиры А. С. Пушкина на Мойке с целью придать ей тот облик, какой она имела при жизни Пушкина. Работа над экспозицией продолжается.

Многие годы хранитель музея «Лицей» М. П. Руденская тщательно изучала архивные документы, литературные и графические источники. Это помогло обнаружить многие неизвестные до сих пор сведения о планировке, архитектурно-декоративной отделке ряда помещений «Лицея». Сей-

¹ Открытие новой экспозиции музея состоялось в июне 1967 г., и подробный отчет об этом будет помещен в следующем выпуске «Временника».

час идут работы по реконструкции «Лицея»; здание будет восстановлено в том виде, в каком оно находилось при жизни поэта.

За последние годы фонды Всесоюзного музея А. С. Пушкина и его библиотеки пополнились ценными материалами. Из них наиболее интересны: приписываемый А. С. Пушкину рисунок «Кюхельбекер и Рылеев на Сенатской площади» (см. «Ленинградскую правду» от 5 января 1967 г.), коллекция прижизненных портретов поэта (в их числе литография А. Безлюдного, которая при жизни поэта находилась в Тригорском), прижизненные иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина (1830-е годы), коллекция миниатюр с изображениями современников поэта (О. А. Долгорукого, И. П. и П. И. Вырубовых, Г. Ф. Готеля, Е. Нелицовой) и др. Фонды музея обогатились давно разыскиваемыми оригинальными рисунками А. П. Брюллова «Новоселье» (1833 г.) и А. П. Сапожникова «Пушкин в книжной лавке Смирдина» (1834). У коллекционеров были найдены иллюстрации художников пушкинского времени для книжных изданий 1820-х годов: М. Н. Воробьева, Н. А. Иванова, В. П. Лангера, А. П. Брюллова, А. И. Илличевского и др., редчайший альбом «Наказания в России», иллюстрированный раскрашенными гравюрами Гейслера (XVIII в.), двухтомный альбом «Народы России или Описание нравов, обычаев и костюмов различных национальностей Российской империи», изданный в Париже с гравюрами Е. Корнеева (1812 г.), серия офортов Ж.-Б. Лепренса на темы русской жизни (2-я половина XVIII в.), гравюры по рисункам П. Свинына, альбом А. Плюшара (с видами Петербурга и его окрестностей) и многое другое. Ценным приобретением музея является «Пантеон российских императоров», изданный в 1805 г. Несомненный интерес представляет коллекция исторических документов петровского и екатерининского времени, материалы, связанные с восстанием декабристов, документы из архива Ганнибалов и архива Гончаровых. Музей приобрел мебель, находившуюся в пушкинское время в Тригорском.

Из произведений советских художников в фондах музея появились скульптурные портреты Пушкина работы М. К. Аникушина, скульптура Г. Д. Глигмана «Раненый Пушкин», рисунки художника Г. Н. Веселова, иллюстрации к сказкам Пушкина В. А. Милашевского и Е. И. Пашкова, гравюры М. И. Полякова к «Пиковой даме», акварели П. Ф. Осипова «Пушкинские места», театральные эскизы В. В. Каменского к спектаклю «Пушкин и Дантес» (1925) и др. Библиотека музея обогатилась прижизненными изданиями произведений А. С. Пушкина (первое издание «Евгения Онегина», двухтомник стихотворений 1829 г.), альманахами 1820-х годов, произведениями современников в изданиях конца XVIII—первой трети XIX в. Частично свои богатейшие коллекции музеев показал на временных выставках. Наиболее интересной была выставка «Пушкин и его современники», открытая в 1965 г. в г. Пушкине. Там же посетители познакомились с работами на пушкинские темы художника Г. Н. Веселова и с художественными фотографиями Б. С. Скобельцына. Передвижная выставка «Пушкин в советском изобразительном искусстве» (работы В. Серова, П. Соколова-Скала, Н. Ульянова, Ю. Непринцева, В. Фаворского и др.) была направлена в города Сланцы, Кохтла-Ярве, Нарву. Ее посетители более 15 тысяч горняков, колхозников, учащихся из прилегающих районов. В города Подмосковья — Тулу, Узловую, Новомосковск, Ефремов была направлена другая выставка — «Пушкин в работе русских и советских художников». Среди ее 92 экспонатов были работы И. Репина, Н. Ге, М. Клодта, Г. Мясоедова, А. Наумова, А. Бенуа и др. Подобная же выставка была показана в Петрозаводске.

Совместно с Ленинградским высшим художественно-промышленным училищем им. Мухомой в г. Калуге в 1966 г. была организована выставка работ ленинградских художников на пушкинские темы.

М. Н. Петай

НОВЫЙ НАРОДНЫЙ ПУШКИНСКИЙ МУЗЕЙ (село Пушкино Молдавской ССР)

В 1964 г. Всесоюзный музей А. С. Пушкина совместно с Министерством культуры Молдавской ССР развернул в городах республики большую выставку «Пушкин на юге». Она была построена на подлинных материалах пушкинского времени и получила широкий отклик в печати. За 3 месяца на выставке побывало 15 тысяч человек, среди них — большинство колхозники и учащиеся. В то же время колхоз им. А. С. Пушкина Каларашского района обратился во Всесоюзный музей А. С. Пушкина с просьбой помочь ему в создании экспозиции народного пушкинского музея в селе Пушкино (бывш. Долна) в доме помещика Константина Ралли, у которого летом 1821 г. гостил поэт.¹

Дом был восстановлен на средства колхоза. Он находится среди абрикосовых рощ и виноградников. В этих местах еще живы легенды о Пушкине. Их рассказывают подробно и любовно, как семейные предания. С Долной связывают замысел и сюжет «Цыган». Здесь Пушкин встретился и с молдавскими писателями К. Стамати и А. Негруци, гостившими у Ралли. Колхозный музей, по замыслу его создателей, должен стать центром культурной жизни района, в нем немаловажное место отведено библиотеке, которую взяли на себя укомплектовать несколько крупнейших библиотек. Сочинения Пушкина представлены на двух языках — русском и молдавском. Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград) взял на себя задачу — создать экспозицию, помочь новому периферийному собранию пушкинскими изданиями. В дар колхозному музею было отправлено более 1000 книг; помимо собрания сочинений Пушкина, сочинения русских и советских классиков. Для экспозиции были отобраны материалы из фондов Всесоюзного музея А. С. Пушкина — подлинные акварели, гравюры, литографии, фотокопии рукописей и рисунков поэта. Центральное место в экспозиции занимает живопись, в том числе копия с портрета Пушкина работы О. А. Кипренского. В отдельной комнате экспонируются материалы, рассказывающие о пребывании Пушкина в Молдавии, в частности в Долне. Музей-библиотека был открыт 8 октября 1964 г. Открытие его превратилось в народный праздник, в торжество дружбы братских народов.

За истекшие три года музей значительно увеличил книжный фонд: Республиканская государственная публичная библиотека им. Н. К. Крупской передала ему более 1500 книг. Много интересных материалов передал колхозному музею и Кишиневский музей А. С. Пушкина. Со всех сторон едут в село Пушкино почитатели великого поэта.

Т. К. Галушко

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В Архиве Октябрьской революции СССР (ф. 130, оп. 6, ед. хр. 46) нам удалось разыскать документы, связанные с историческим постановлением правительства об организации Пушкинского заповедника. Из этих документов явствует, что постановление было вынесено 17 марта 1922 г. в разви-

¹ См.: З. Ралли-Арборе. Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине. «Минувшие годы», 1908, № 7, стр. 1—6; Б. Трубецкой. Пушкин в Молдавии, изд. 3, Кишинев, 1963, стр. 329—333; В. Дементьев. Признание в любви. «Москва», 1966, № 2, стр. 195—208.

тие Ленинского декрета от 16 сентября 1921 г. Этот декрет предоставлял Народному Комиссариату просвещения по согласованию с заинтересованными ведомствами право объявлять заповедными особо замечательные парки, сады и памятники. На основании этого Наркомпрос составил список такого рода заповедников. В этом списке под № 67 помечены Михайловское и Тригорское. Постановлению 1922 г. предшествовало ходатайство Псковского губисполкома перед Наркомпросом, поддержанное Пушкинским домом Академии наук. 2 марта 1922 г. А. В. Луначарский подготовил проект постановления о национализации Михайловского, Тригорского и места погребения А. С. Пушкина в Святогорском монастыре. Этот проект был передан на рассмотрение в Наркомзем. 17 марта проект был обсужден на распорядительном заседании Малого Совнаркома РСФСР под председательством Г. Леплевского, при участии представителей Наркомзема (фамилия в протоколе не указана) и Наркомпроса В. Матеева. Докладчиком был А. В. Луначарский. В протоколе (№ 849) постановление записано так: «Объявить Пушкинский уголок: Михайловское и Тригорское, а также место погребения А. С. Пушкина в Святогорском монастыре заповедным именем, с передачей его под охрану, как исторического памятника НК Просвещения по Главмузею. Границы этого имени определить Н. К. Просу по согласованию с НКЗемом». Постановление подписано Г. Леплевским, народными комиссарами юстиции Курским и просвещения Луначарским. Интересно отметить, что в протоколе № 849 вопрос о Пушкинском заповеднике изложен дважды, сперва в пункте 8 (5), с записью постановления: «Вопрос слушанием отложить, с ультимативным вызовом докладчиков», и вторично в пункте 28 (5) с записью постановления, приведенного выше. Как свидетельствует в своих воспоминаниях Г. Леплевский, «все декреты и постановления Малого Совнаркома утверждались В. И. Лениным на другой же день, между 10 и 12 ч. утра.

Когда Владимир Ильич был в Горках, протоколы на подпись посылались ему туда».¹

17 марта 1922 г. В. И. Ленин находился в Горках. Помет его на протоколе № 849 не имеется.

Как и в предшествующие годы, в Заповеднике продолжались работы по улучшению дела сохранения его литературно-мемориальных и природных памятников. Совместно с Псковским областным управлением культуры и Управлением по делам строительства и архитектуры Заповедником были определены границы охранной зоны вокруг Михайловского, Тригорского, Петровского, Савкино и Святогорского монастыря-музея.

Взамен обветшавшей деревянной арки (поставленной еще в 1937 г. и возобновленной в 1949 г.) у входа в Михайловские рощи было сделано новое художественное оформление входа. Установлен большой гранитный валун, на котором высечены стихи Пушкина, посвященные Михайловскому, и каменная стела (естественного происхождения) с текстом и названием данного места Заповедника. В парках Михайловского и Тригорского, в местах, воспетых Пушкиным, поставлено несколько мраморных досок со стихами поэта.

Экспозиция дома-музея Михайловского пополнилась новыми приобретениями, в их числе: фарфоровая кофейная чашка, принадлежавшая Сергею Львовичу Пушкину, икона «Троицы», на обороте которой рукою Сергея Львовича сделана надпись «Дано благословение на брак сыну Льву Сергеевичу Пушкину с девицей Елизаветой Александровной Загряжской».

Интерьеры дома-музея пополнились предметами быта и мебели пушкинского времени, а также предметами, найденными во время археологических раскопок последних лет в Михайловском (посуда стеклянная и фа-

¹ Г. Леплевский. Воспоминания о работе В. И. Ленина в Совнарком в 1921—1922 гг. В кн.: Ленин на хозяйственном фронте. Сборник воспоминаний. Партиздат, М., 1934, стр. 85.

янсовая). Эти предметы были предварительно реставрированы в мастерских Эрмитажа.

Дом-музей Тригорского пополнился произведениями прикладного искусства, живописи, графики, в том числе английскими цветными гравюрами, некогда находившимися в этом доме (получены из Всесоюзного музея Пушкина), портретом Ал. Як. Ганнибала (1797—1834) двоюродного племянника Н. О. Пушкиной — сына Якова Исааковича Ганнибала и Елизаветы Александровны Вындомской, сестры П. А. Осиповой-Вульф, книгами из собрания голубовского дома Евпраксии Николаевны и Бориса Александровича Вревских и проч.

В экспозицию Успенского собора-музея включено несколько старинных икон, принадлежавших собору и доселе хранившихся в фондах музея Заповедника, а также портрет (парсуна) Бориса Годунова работы неизвестного русского художника второй половины XVII века (из коллекции художника И. С. Астахова).

Архив Заповедника пополнился различными документами по истории освобождения пушкинских мест от гитлеровских захватчиков. Составлены списки воинов Советской Армии, погибших при освобождении Заповедника в 1943—1944 гг. (выше 6000 солдат и офицеров). Научные сотрудники Заповедника продолжали работать в Псковском областном историческом архиве по выявлению материалов, относящихся к истории Михайловского, Тригорского и Петровского. Среди выявленных документов ревизские сказки Михайловского и Петровского конца XVII—первой половины XIX в., завещание Вениамина Петровича Ганнибала, в котором приводится перечень обстановки и имущества, находившегося в 1833 г. в господском доме Петровского. Эти документы особенно важны для экспозиции, которую в недалеком будущем предполагается развернуть в восстанавливаемом в настоящее время доме Ганнибалов.

В 1966 г. Пушкинский заповедник организовал три художественных выставки на пушкинские темы: выставку работ студентов Института им. Репина Академии художеств, выставку «Пушкинские заповедные места» и выставку «Творческий отчет студентов графического факультета Института им. Репина, проходивших в Заповеднике практику летом 1966 г.» (см. Выставка — «Десять лет практики студентов графического факультета Института им. И. Е. Репина Академии художеств СССР в Пушкинском заповеднике. 1957—1966». Краткий каталог выставки. Сост. С. Гейченко. Ленинград, 1966). Выставки были открыты в Тригорском и г. Душанбе («Пушкинские заповедные места»).

На пушкинских собраниях, «чтениях» и литературных вечерах с докладами и научными сообщениями выступили: канд. филол. наук, доц. Псковского пед. инст. Е. А. Маймин («Пушкин и русский литературный язык»), канд. филол. наук, доц. Ленингр. ун-в. В. А. Мануйлов («Пушкин и социалистическая культура»), канд. историч. наук Н. Я. Эйдельман («Письма Пушкина к К. Рылееву и А. Бестужеву»), канд. филол. наук, науч. сотр. Пушкинского заповедника А. Ф. Теплов («А. П. Керн и пушкинское послание к ней»), науч. сотр. Заповедника В. Я. Шпиев («Портрет Пушкина работы великолукского художника Семена Мошина»), доц. Студии МХАТ В. К. Манюков («Пушкин в ФРГ»), М. И. Яшин («Об авторстве пасквиль к Пушкину в 1836 г.»), директор Заповедника С. С. Гейченко («К истории паломничества на могилу Пушкина правителя Черногории Петра 2-го Негоша»).

В проведении пушкинских празднеств принимали активное участие писатели и поэты Е. А. Вечтомова, Б. Ахмадуллина, М. А. Дудин, Б. Шмидт, Е. Солонович, Ю. Нагибин; художники-академики В. М. Орешников, М. К. Аникушин, чл.-корр. Академии художеств А. А. Мильников, художники В. М. Звонцов, В. В. Смирнов, Ю. В. Васильев, Вс. П. Смирнов и др.

В течение года областная газета «Псковская правда», псковское радио, а также районная газета «Знамя труда» вели постоянный отдел «Сегодня

в Пушкинском заповеднике», в нем регулярно освещались интересные стороны научно-музейной, экскурсионной, реставрационной, собирательской и экспозиционной работы Заповедника. Несколько больших статей о Заповеднике было опубликовано в центральной печати, в том числе в газетах «Правда», «Советская Россия», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Сельская жизнь» и в других изданиях. Заповеднику было посвящено несколько передач Центрального телевидения и Всесоюзного радио. В 1966 г. в Заповеднике побывало около 300 тыс. человек.

С. С. Гейченко

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Черновой автограф стихотворения Пушкина «В голубом небесном поле...». (Стр. 11).

Рисунок египетской пирамиды, начертанный Пушкиным во время беседы с И. А. Гурьяновым. (Стр. 17).

Пушкин. Рисунок Н. В. Кузьмина. (Стр. 69).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
Р. Е. Терехина. Новые поступления в Пушкинский рукописный фонд	5
В. Э. Вацуро. К изучению «Литературной газеты» Дельвига—Сомова	23
Р. В. Иезуитова. Письмо Пушкина к П. А. Осиповой	37
А. А. Штейнберг. Пушкин и Е. Д. Панова	45
Е. Д. Петряев. Вятский литератор А. И. Емичев — сотрудник пушкинского «Современника»	56
ІІ. ОБЗОРЫ	
О. А. Пини. Пушкиниана в графике. (Обзор литературы)	62
В. В. Зайцева. Книжки о Пушкине 1966 года	76
Мелкие заметки	82
ІІІ. ХРОНИКА	
Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1966 г.	87
Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград)	88
Новый Народный пушкинский музей (село Пушкино Молдавской ССР)	90
Государственный Пушкинский заповедник Псковской области	90
Список иллюстраций	94

ВРЕМЕННОЕ ПУШКИНСКОЕ КОМИТЕТ
1965

*Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
Отделения литературы и языка
Академии наук СССР.*

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*
Художник *М. И. Разулович*
Технический редактор *О. А. Можева*
Корректор *Г. М. Гельфер*

Сдано в набор 26 /XII 1967 г. Подписано к печати
20/VI 1968 г. РИСО АН СССР № 12-138 В. Формат
бумаги 60 × 90¹/₁₆. Бум. л. 3. Печ. л. 6 = 6 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 6.41. Изд. № 3678. Тип. зак.
№ 724. М-31650. Тираж 3200.
Бумага типографская № 1.
Цена 40 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12